

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Африки Российской академии наук

На правах рукописи

Лазутина Анастасия Евгеньевна
**ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ФРАНЦУЗСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ
ПОЛИТИКИ В АЛЖИРЕ (1830–1860-е гг.)**

Специальность 5.6.2 Всеобщая история
Диссертация
на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук
Жерлицына Наталья Александровна

Москва – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ФРАНЦУЗСКАЯ ПОЛИТИКА В АЛЖИРЕ НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД ЕГО ЗАВОЕВАНИЯ (1830–1840-е гг.)	25
1.1. Регентство Алжир накануне французского завоевания: корни противоречий.....	25
1.2. Французская политика в период захвата Алжира.....	33
1.3. Алжирский вопрос во Франции в период «неопределённости»: 1830–1834 гг.....	46
1.4. Предпосылки перехода к тотальному завоеванию Алжира в 1840-е гг.....	64
ГЛАВА 2. ФАКТОРЫ НЕУСТОЙЧИВОСТИ ФРАНЦУЗСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В АЛЖИРЕ В 1850-е гг.....	73
2.1. Курс на ассимиляцию Алжира во время Второй Республики 1848–1851 гг.....	73
2.2. Причины трудного продвижения процесса колонизации Алжира.....	82
2.3. Ужесточение военного режима в Алжире в первые годы Второй империи	94
2.4. Министерство по делам Алжира и колоний как опыт гражданской администрации в Алжире (1858–1860 гг.).....	103
ГЛАВА 3. ПРОВАЛ ПРОЕКТА «АРАБСКОГО КОРОЛЕВСТВА» В АЛЖИРЕ В ПЕРИОД «ЛИБЕРАЛЬНОЙ ИМПЕРИИ» (1860-е гг.).....	120
3.1. Истоки и зарождение проекта «Арабского королевства» при императоре Наполеоне III.....	120
3.2. Поездки Наполеона III в Алжир (1860 г. и 1865 г.) и формирование нового курса.....	129

3.3. Интеллектуальные корни идеи «Арабского королевства». Сторонники и критики.....	175
3.4. Причины несостоятельности попытки воплощения идеи «Арабского королевства» в Алжире.....	186
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	198
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	202

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Изучение истории колониализма и ассоциированных с ним явлений и процессов позволяет осмыслить механизмы действия западных государств в контексте глобализации и связанного с ней неоколониализма, международных конфликтов, переформатирования старых и создания новых блоковых объединений в XXI в., когда акторы маневрируют в траекториях, заданных их прошлым историческим опытом.

Франция как одна из бывших колониальных империй, владеющая заморскими территориями и испытывающая, в связи с этим круг проблем во внутренней политике, сегодня также ощущает необходимость в поиске оснований для легитимации своей внешней политики. Как и в начале XIX в. декларируя намерения «цивилизаторской миссии», в XXI в. Французская Республика продолжает экспансию через механизмы политического, финансового, культурного и цифрового неоколониализма, преследуя все те же цели: политическое самоутверждение, экономическое обогащение и контроль над ресурсами и финансами стран Глобального Юга. Хотя с XIX в. инструментарий колониального порабощения трансформировался, его идеологическое содержание закладывалось именно в ту эпоху, и поэтому его изучение необходимо для понимания современных процессов.

Последствия французской колониальной политики в изученный период были катастрофическими для коренного населения Алжира. Процессы и явления, начатые в XIX в., находят свое отражение в современном неприятии Алжирской Народной Демократической Республикой (далее АНДР) той исторической памяти, которую предлагает своей бывшей колонии Франция¹. Между двумя странами в политическом и общественном русле идет «мемориальная война». Результаты

¹ Подробнее см.: Орлов В.В., Сапронова М. А. «Колониальное наследие» в алжиро-французских отношениях: проклятие прошлого или надежда на будущее? // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. № 12-1(98). С. 11. DOI: 10.18254/S207987840010457-1.

деятельности специальных комиссий, сформированных для составления «точного и справедливого положения дел» по вопросу исторической памяти в контексте колонизации и войны с Алжиром², дают почву для новых дебатов и волны критики. Алжирскими исследователями также поднимается вопрос о французском меморициде в Алжире³. Со стороны правительства и общественности АНДР звучат требования признания Францией своих военных преступлений, остро ставятся вопросы о восстановлении и передаче алжирских архивов, о необходимости возвращения на родину останков бойцов сопротивления французским колониалистам, хранящихся в Музее человека в Париже, о компенсациях жертвам ядерных испытаний и об очистке загрязненных радиацией земель, об обнаружении информации по пропавшим без вести в годы Алжирской войны (1954–1962).

Амбициозный проект «Арабского королевства» Наполеона III был призван преодолеть неудачи Франции в имперской экспансии, такие как провальная попытка укрепиться в Сирии и Ливане в 1860–1861 гг. Громкие обещания «Арабского королевства» гарантировать уважение прав и земель коренных жителей колонии, а также социальной интеграции мусульман в Алжире оказались утопией.

Тем не менее обращение сегодня к истории появления и последующего крушения идеи Наполеона III об «Арабском королевстве» в Алжире важно, потому что эту политику императора можно рассматривать как предтечу многих актуальных социально-политических явлений, как, например, современный

² Stora B. Les questions mémorielles portant sur la colonisation et la guerre d'Algérie. 20 janvier 2021 // Vie-publique.fr. URL: <https://www.vie-publique.fr/rapport/278186-rapport-stora-memoire-sur-la-colonisation-et-la-guerre-dalgerie> (дата обращения: 19.06.2023); подробнее см.: Кузнецов В.А., Василенко А.И. Читая медленно Стора: проблемы исторической памяти в алжиро-французских отношениях в начале 2020-х годов // Международная аналитика. 2023. 14(2). P. 73–96. DOI: <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-2-73-96>; См. также: Monciaud D. Le «rapport Stora»: un premier débat sur les enjeux mémoriels // Cahiers d'histoire. Revue d'histoire critique. 2021. № 149. URL: <http://journals.openedition.org/chrhc/16509> (дата обращения: 19.06.2023).

³ Foudil D. FRENCH MEMORICIDES IN ALGERIA: A STUDY ON SOCIALIZATION INSTITUTIONS // International Journal of Research -GRANTHAALAYAH. 2020. 8(7). P. 340–353. DOI: <https://doi.org/10.29121/granthaalayah.v8.i7.2020.729>.

европейский мультикультурализм⁴. Как и функционеры времен Наполеона III, современные европейские политики считали, что идеи инклюзивности помогут преодолеть кризисные явления в европейских обществах. Но эта политика способствовала, скорее, разделению общества, а не преодолению раскола.

Объект исследования – колониальная политика Франции в Алжире в 1830–1860-х гг.

Предмет исследования – трансформация французской колониальной политики в Алжире на протяжении 1830–1860-х гг. и ее социально-политические последствия.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1830 по 1870 г., от начала военной экспедиции в североафриканскую страну, что послужило отправной точкой для формирования второй французской колониальной империи, до краха режима Второй империи, который положил конец правлению императора Наполеона III и свернул все инициативы, предпринятые им и его сторонниками в рамках воплощения идеи «Арабского королевства», что привело к установлению гражданской власти в Алжире. Для выявления причинно-следственных связей в настоящей диссертации анализируются в том числе социально-политические аспекты положения страны до французского вторжения.

Географические рамки исследования – ограничиваются территорией Алжира и его взаимодействием с Францией. Рассматриваются также степень влияния отдельных стран на принятие решений французским правительством по вопросам колонизации и взаимосвязь региона Машрика и Алжира в рамках исследования идеи «Арабского королевства» Наполеона III в период Сирийского кризиса 1860–1861 гг. Географические наименования употребляются в соответствии с принципом историзма. Так, крупный алжирский портовый город Бон получил такое название в период французского колониального господства, а

⁴ Murray-Miller G. A Conflicted Sense of Nationality: Napoleon III's Arab Kingdom and the Paradoxes of French Multiculturalism // French Colonial History. 2014. 15(1). P. 1–37. DOI:10.14321/frencolohist.15.2014.0001.

во времена турецкого владычества (с XVI в. и до французского вторжения) и после обретения независимости в 1962 г. он назывался Аннабой.

Цель диссертационного исследования – проанализировать трансформацию колониальной политики Франции в Алжире в 1830–1860-е гг.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- выявить истоки и причины противоречий между двумя странами, а также определить цели французского вторжения в Алжир;
- выявить степень влияния европейских государств на принятие политических решений во Франции касательно Алжира;
- на основе источниковой базы проанализировать, как формировалась колониальная политика Франции в отношении Алжира в период Июльской монархии;
- проанализировать, как воплощался курс на ассимиляцию Алжира при Второй республике;
- исследовать трансформацию колониальной политики Франции в Алжире при Второй империи;
- определить суть и истоки идеи «Арабского королевства» императора Наполеона III;
- выявить причины неудачи попытки воплощения идеи «Арабского королевства» в Алжире;
- выявить последствия французского колониализма для алжирского общества.

Научная гипотеза исследования заключается в предположении, что частые смены политического курса Франции в Алжире периода 1830–1860 гг. были вызваны неудачами колониального строительства и решительным отчуждением коренного населения от политики властей метрополии. Попытку императора Наполеона III привлечь симпатии арабского населения, прибегнув к политическому проекту «Арабского королевства», следует рассматривать как своего рода антикризисную меру. Колониальный по своей сути, этот проект не смог изменить неприятия между колонизаторами и колонизируемыми, а, напротив,

только усугубил борьбу между колониалистами и их противниками в самой Франции.

Теоретико-методологической основой исследования является ряд общих и специальных исторических методов, таких как: историко-генетический метод, предполагающий верификацию событий исторического прошлого и выявление причин рассматриваемых исторических событий; историко-типологический метод, дающий возможность выявить общие и специфические черты развития Алжира, характерные как на протяжении всего его колониального периода, так и наоборот на определенных этапах.

В работе применен принцип историзма, в соответствии с которым явления анализируются, насколько это возможно, в рамках их собственной логики с учётом идейных ценностей и менталитета, характерных для изучаемой эпохи. Применение принципа историзма происходит с учетом системного подхода, предполагающего, что объект исследования – это система, состоящая из взаимосвязанных элементов.

Анализу влияния различных факторов в процессе формирования французской колониальной политики в отношении Алжира способствовало использование дедуктивного и индуктивного методов. При изложении материала использовался проблемно-хронологический принцип, позволяющий наиболее полно воссоздать последовательность рассматриваемых событий.

Важной составляющей исследовательского процесса явилось также использование комплексного подхода в работе с источниками, сочетающего сравнительно-исторический анализ и применение методов герменевтики. В качестве инструмента интерпретации исторических текстов в диссертации использована теория дискурс-анализа.

Тематика этой диссертационной работы предусматривает обращение не только к историческим, но и политическим, идеологическим и культурным процессам. В работе использовался междисциплинарный подход. В методологическом плане для настоящего исследования это предполагает использование подходов, свойственным политологии и культурологии.

Отдельного комментария заслуживает выбор и обоснование понятийно-категориального аппарата написания арабских имен собственных. Существует французский и английский вариант их написания и произношения. Так, Абд аль-Кадир становился Абделькадером или Абд эль-Кадером. В тексте используются версии, ранее упомянутые в работах маститых отечественных ученых-арабистов⁵.

Термины для обозначения категорий населения также используются в соответствии с принципом историзма. Население Алжира было разнородным по своему составу, тем не менее во французских источниках изучаемого периода, широко было распространено уничижительное название «*l'indigène*» (*туземец*), которое применялось для обозначения коренных жителей. Более того, анализ нормативно-правовых актов показал, как в рамках реализации политики ассимиляции дискриминировалось положение коренного населения, а правовой статус народа зависел от их происхождения, в том числе расового⁶. Так, в правовых документах использовались понятия для обозначения различных категорий населения колонии, которые имели несколько значений, и в зависимости от нужд колониальной повестки, выбирался «подходящий» вариант⁷.

Исследование строится на основе **источников** как архивных, так и опубликованных:

Неопубликованные источники. Основой для исследования отдельных вопросов по французской колониальной политике в Алжире периода Второй

⁵ См.: История Алжира в новое и новейшее время. М., 1992; Ланда Р.Г. Борьба алжирского народа против европейской колонизации (1830–1918). М., 1976.

⁶ См.: Мирзеханов В. С. Колониальное право: реализация идей превосходства в юридических системах колониальных империй // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2024. Т. 15. Выпуск 10 (144). DOI: 10.18254/S207987840033001-0; Он же: Идея превосходства и расовая иерархия во французской колониальной культуре // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. Т. 5. Выпуск 4 (27). URL: <https://history.jes.su/s207987840000720-1-1/> (дата обращения: 20.05.2024).

⁷ Так, термин «*l'europeen*» (*европеец*) в одном случае отсылал к географическому критерию, а в других – к этнокультурному или религиозному, то есть не «*l'indigène musulman*» (*коренной мусульманин*). Категория *коренного мусульманина* трактовалась по религиозному или этнокультурному критерию. Существовали также понятия «*l'arabe*» (*араб*) под которым понималось все коренное население колонии, и «*l'indigène israélite*» (*коренной еврей*), в котором, очевидно, прослеживается религиозная и этнокультурная дифференциация. См.: Henry J.-R. De l'utopie du «royaume arabe» à la chimère d'une Algérie «européenne» // *Études françaises*. 2021. 57(1). P. 102–108. DOI: <https://doi.org/10.7202/1076118ar>.

империи стали оцифрованные документы из Национального архива Франции (Archives Nationales de France). Наиболее важными для работы стали документы официального и частного характера: решение Консультативной комиссии от 31 декабря 1851 г. по вопросу подсчета голосов, поданных по проекту плебисцита, предложенного 2 декабря 1851 г. президентом Республики, в том числе с результатами голосования в Алжире⁸; письмо эмира Абд аль-Кадира от 30 октября 1852 г. в котором он обязался не возвращаться в Алжир (после своего освобождения)⁹, письма маршала Мак-Магона (с 1864 по 1870 г.), генерала де Мартемпрея (1864), маршала Пелисье (1853–1854), маршала Рандона (1857) и др.¹⁰.

Рукописи и переписка из Библиотеки Арсенала (Франция, г. Париж) помогли пролить свет на деятельность сенсимонистов в Алжире, а именно, одного из идейных вдохновителей политики «Арабского королевства» императора Наполеона III – И. Урбена¹¹.

Приход к власти Наполеона III был ознаменован открытием для крупных компаний и промышленников алжирского рынка, так, показательными являлись меморандум Наполеону III в поддержку проекта колонизации Африканской хлопковой компании от 1853 г., подписанные Алексисом и Эмилем Барро¹² и заметка от Барро, адресованная императору с предложением разрешить создание Общества земельного и промышленного кредита Алжира¹³.

В Российском государственном архиве социально-политической истории были исследованы письма и петиции из личной канцелярии Наполеона III (ф. 316), посвященные избирательным кампаниям в период его правления, настроению

⁸Archives Nationales de France (далее AN). AE/I/21/2. URL: https://www.siv.archives-nationales.culture.gouv.fr/siv/UD/FRAN_IR_058231/A1_745 (дата обращения: 19.05.2023).

⁹AN.AE/I/21/3/A; AN.AE/I/21/3/B. URL: https://www.siv.archives-nationales.culture.gouv.fr/siv/UD/FRAN_IR_058231/A1_746 (дата обращения: 19.05.2023).

¹⁰AN.400AP/60. URL: https://www.siv.archives-nationales.culture.gouv.fr/siv/UD/FRAN_IR_053754/cswxs43t3a-1efrsq63stwg2 (дата обращения: 19.05.2023).

¹¹ Bibliothèque nationale de France. Bibliothèque de l’Arsenal (далее BNF. Ars.). Ms 13744/39; BNF. Ars. Ms 13737.

¹² BNF. Ars. Ms 7840/1.

¹³ BNF. Ars. Ms 7840/2.

населения в различных городах Франции, информации о покушениях и заговорах против власти¹⁴.

В Российском государственном военно-историческом архиве в ф. 544 содержатся документы военного характера: доклад и инструкция по командировке капитана Куропаткина в мае 1874 г. в Германию, Францию, Алжир¹⁵, рапорт подполковника Макшеева от 22 августа 1858 г. начальнику Николаевской академии Генерального штаба с отчетом о местах его остановок в Алжире¹⁶, воспоминания об Алжире декабря 1847 г. графа Штакельберга¹⁷.

В диссертационной работе были использованы следующие *опубликованные источники*:

Сборники законов. Полное собрание законов, декретов, постановлений, явилось ценным источником при рассмотрении политической трансформации Алжира в период Июльской монархии, Второй республики и Второй империи¹⁸.

Протоколы заседаний. Для изучения колониального дискурса по алжирскому вопросу во французском Парламенте в период Июльской монархии был использован парламентский архив, где собран полный отчет по дебатам с 1800 по 1860 г.¹⁹ Важным источником стали протоколы и отчеты специальной комиссии по Африке, созданной по поручению короля Луи-Филиппа в декабре 1833 г.²⁰, которая должна была определить дальнейшую судьбу завоевания.

Депеши, воззвания и личная переписка императора. Также при работе над диссертацией были изучены отдельные документы, такие как «Исторический, статистический и топографический обзор Алжира...», подготовленный для военной экспедиции в североафриканскую страну по распоряжению Французского

¹⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 316. Оп. 1. Д. 3.; РГАСПИ. Ф. 316. Оп. 1. Д. 1.

¹⁵ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 742. № 166. Л. 5.

¹⁶ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 469. № 760.

¹⁷ РГВИА. Ф. 452. Оп. 1. Д. 294.

¹⁸ Collection complète des lois, décrets, ordonnances, réglemens, et avis du Conseil-d'État. P. T. 48. P., 1848; T. 57. P., 1857; T. 58. P., 1858; T. 60. P., 1860; T. 63. P., 1863; T. 64. P., 1864.

¹⁹ Archives parlementaires, recueil complet des débats législatifs et politiques des Chambres françaises de 1800 à 1860. P., 1891. T. 80.

²⁰ Procès-verbaux et rapports de la commission d'Afrique instituée par ordonnance du roi du 12 décembre 1833. P., 1834.

Генерального штаба²¹; «знаменитое» письмо императора Наполеона III маршалу Мак-Магону²², где он изложил свой взгляд на то, каким он видит Алжир; депеша от военно-морского министра в период завоевания (9 июля 1830 г.)²³; воззвание Луи-Наполеона Бонапарта к народу в декабре 1851 г.²⁴; письмо генерала де Бурмона президенту Совета министров с детальным рассказом об экспедиции в Алжир (1830), а также конвенция, подписанная сторонами²⁵.

На протяжении изучаемого периода шла борьба между сторонниками и противниками колонизации в Алжире, гражданской и военной администрацией. Это было запечатлено на страницах петиций, проектов колонизации. В начале 1830-х гг. характерны были петиции европейских колонистов, призывающие французские власти определить точную судьбу завоевания на Севере Африки²⁶.

С установлением Второй Республики колонисты, разочарованные военным режимом в колонии, жили ожиданиями введения гражданских институтов и ассимиляцией с Францией, что уже было продемонстрировано колонистами Алжира еще в 1847 г. в меморандуме на имя короля и палат²⁷. Популярными в тот период социалистические идеи во Франции нашли свое отражение в петициях рабочих, оказавшихся на грани выживания во время экономического и социального кризисов середины 1840-х гг., и были направлены на ассимиляцию и создание «ассоциаций» в Алжире²⁸. Так, проект колонизации Ж.-П. Кремера предлагал объединение труда как единственно верное решение для колонизации Алжира²⁹.

Публицистика XIX – начало XX вв. К концу 1830-х гг. был опубликован ряд работ противников колонизации в духе либеральной экономики: в 1835 г. брошюра

²¹ Aperçu historique, statistique et topographique sur l'état d'Alger, à l'usage de l'armée expéditionnaire d'Afrique: avec plans, vues et costumes. P., 1830.

²² Napoléon III. Lettre sur la politique de la France en Algérie. P., 1865.

²³ Dépêche télégraphique de Paris, du 9 juillet 1830, à trois heures. Metz, 1830.

²⁴ Proclamation du Président de la République Appel au Peuple. P., 1851.

²⁵ Expédition d'Afrique. Prise d'Alger par l'armée française le 5 juillet 1830 à deux heures après midi. Nouvelles officielles. Clermont-Ferrand, 1830.

²⁶ Pétition des colons d'Alger à la Chambre des Députés. P., 1833.

²⁷ Mémoire au roi et aux Chambres, par les colons de l'Algérie. P., 1847.

²⁸ A l'Assemblée nationale. Pétition et projet de colonisation en Algérie, par associations temporaires, présentés au nom de 20,000 familles. P., 1848.

²⁹ Krémer J.-P. Projet de colonisation de l'Algérie. P., 1848.

«Должна ли Франция сохранить Алжир?» А. Гаспарэна³⁰, а в 1837 г. работа депутата А. Дежобера³¹. Время Второй империи было связано с идеей Наполеона III об «Арабском королевстве». После его личных поездок в Алжир и писем, адресованных маршалам Пелисье и Мак-Магону, где прослеживались «арабофильские» взгляды суверена, европейская общественность Алжира была буквально взбудоражена, что проявилось в работах как сторонников³² этой инициативы императора, так и его критиков³³. Среди российских работ XIX в. можно выделить военных А.Н. Куропаткина и М.Н. Богдановича³⁴. Например, Куропаткин пишет как о положительных, так и отрицательных последствиях соприкосновения французов с «туземцами»³⁵.

В газете *Le Moniteur algérien*, которая являлась официальным печатным органом, содержались отчеты и статические данные, как, например, таблица по «транспортированным» в Алжир в 1852 г.³⁶, информация о составе и количестве европейского населения Алжира в 1852 г.³⁷. В российских журналах и газетах информация об Алжире в основном была представлена переводными статьями из европейских газет или отрывками из наиболее актуальных на тот момент произведений. Статьи, посвященные Алжиру, в большинстве своем были направлены на освещение наиболее важных событий жизни колонии³⁸.

³⁰ Gasparin A. La France doit-elle conserver Alger? P., 1835.

³¹ Desjobert A. La question d'Alger: politique, colonisation, commerce. P., 1837.

³² Urbain I. (1861). L'Algérie pour les Algériens. P., 2000.; Idem. (1862). L'Algérie française, indigènes et immigrants. P., 2002.; Fourmestraux E. Les idées napoléoniennes en Algérie. P., 1866.

³³ Duval J. Réflexions sur la politique de l'empereur en Algérie. P., 1866; Warnier A. L'Algérie devant l'opinion publique, pour faire suite à «l'Algérie devant le Sénat». Indigènes et immigrants, examen rétrospectif. Alger, 1864.; Du Pré de Saint-Maur J. Simple note sur les mesures urgentes à prendre pour répondre aux vœux de l'Algérie. P., 1870.; Viguier P. À ceux des colons de la province de Constantine qui m'ont honoré du mandat officieux de défendre, à Paris, les intérêts de la colonisation algérienne. P., 1869.

³⁴ Богданович М.Н. Алжирия в новейшее время. СПб., 1849.; Куропаткин А.Н. Алжирия. СПб., 1877.

³⁵ Куропаткин А.Н. Указ. соч. С. 61.

³⁶ Le Moniteur algérien: journal officiel de la colonie. 1852. Le 25 novembre.

³⁷ Le Moniteur algérien: journal officiel de la colonie. 1852. Le 20 novembre.

³⁸ Вестник Европы. № 3. 1830; Военный журнал. № 3. 1831; Сын отечества и Северный архив. Часть 150. № 21. 1832; Военный журнал. № 2. 1848; Москвитянин. № 10. 1842; Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. Т. 92. № 368. 1851; Военный сборник. № 5. 1863.

Воспоминания по теме оставили многие политические деятели, такие как американский консул в Алжире Уильям Шейлер³⁹, генерал Клозель⁴⁰, Э. Оливье⁴¹, А. де Токвиль⁴².

Степень изученности темы. Историография колониальной политики Франции в Алжире наиболее широко освещена в трудах французских ученых. Исторический, политический и идеологический контекст влияли на формирование определенных тенденций в исследованиях. Так, в период до обретения Алжиром независимости в 1962 г., основной тезис научных работ сводился к поддержке «официальной истории» и «цивилизаторской миссии» Франции, которая благородно помогает преобразиться варварской стране, а все колониальные практики оправдываются целью величия и процветания Франции⁴³. Но уже в годы Алжирской войны (1954–1962) появляются такие работы, как «Алжирская нация существует» историка М. Эгрето, который предлагал взглянуть на колонизацию Алжира со стороны героической борьбы алжирского народа против завоевателей, поднял вопрос о разграблении ими природных богатств страны, о жестокой эксплуатации коренного населения финансовым капиталом метрополии и местной колонизаторской верхушки.⁴⁴ Рассматривая вопрос исторической правды, он указывает, на то, что «колониальный режим сделал все возможное для того, чтобы лишить алжирский народ средств для познания своего прошлого»⁴⁵, начиная с уничтожения французскими войсками библиотеки Абд аль-Кадира⁴⁶.

Демонтаж колониальной системы проявился в «деколонизации истории», основные положения которой мы находим в работе алжирского историка М.-Ш. Сахли «Декolonизация истории: Введение в историю Магриба»⁴⁷ (1965). Ученый

³⁹ Schaler W. Esquisse de l'État d'Alger, considéré sous les rapports politique, historique et civil. P., 1830.

⁴⁰ Clauzel B. Nouvelles observations de M. le maréchal Clauzel sur la colonisation d'Alger. P., 1833.

⁴¹ Ollivier E. L'Empire libéral: études, récits, souvenirs... P., 1903. T. VII.

⁴² Tocqueville A. de. De la colonie en Algérie. Bruxelles., 1988.

⁴³ См.: Delord T. Histoire du Second Empire: 1848–1869. P., 1873. T.IV.; E. Fourmestraux. Op. cit. и т. п.

⁴⁴ Эгрето М. Алжирская нация существует. М., 1958.

⁴⁵ Там же. С. 15.

⁴⁶ Там же. С. 16.

⁴⁷ Sahli M.-Ch. Décoloniser l'histoire: Introduction à l'histoire du Maghreb. Algiers, 2007.

рассматривал вопросы географического, расового, социального детерминизма, которые, по его мнению, служили для создания негативного образа Алжира и для оправдания «цивилизаторской миссии»⁴⁸. Ассимиляцию он трактовал как «легенду», в рамках которой проводились земельные конфискации, а также прослеживалось стремление к разрушению и разделению алжирской национальности⁴⁹. М.-Ш. Сахли не стеснялся критиковать идеологическую ангажированность французских историков, как, например, Ш.-А. Жюльена, которого обвинял в отказе признать наличие намерения у Франции завоевать Алжир в 1830 г.⁵⁰. Главный акцент алжирский ученый делает на необходимости покончить с европоцентричным мировоззрением.

Падение колониальной системы не означало отказа от колониальной идеологии и взглядов европейцев. Более того, сменивший колониализм неоколониализм опирался на прошлый исторический опыт. Таким образом, на первый план выходят работы, вдохновленные идеей «мемориальной войны», в основном посвященные наиболее болезненным темам колониального прошлого, требующие от французов покаяния и признания геноцида.

В связи с этим следует выделить коллективный труд французских и алжирских ученых, который был издан по случаю 50 годовщины независимости Алжира⁵¹. Два известных издательства: одно французское, другое североафриканское – решили опубликовать одновременно в двух странах эту работу. Решение было вызвано желанием «выйти за национальную поляризацию» и «попыткой взаимного признания» конфликтного прошлого и его «понимания»⁵². В одной книге собраны статьи поистине ведущих специалистов по истории Алжира, которые охватывают практически все вопросы.

Общие работы по истории Алжира помогли сформировать причинно-следственные связи и сфокусировать взгляд на происходящих процессах в рамках

⁴⁸ Ibid. P. 81.

⁴⁹ Ibid. P. 95–118.

⁵⁰ Ibid. P. 84.

⁵¹ Histoire de l'Algérie à la période coloniale 1830–1962. P. – Alger, 2012.

⁵² Ibid. P. 7–8.

осуществления колониальной политики Франции. Монография К. Яконо⁵³, особенно ценна статистическими данными. Работа Ш.-А. Жюльена⁵⁴ является фундаментальным трудом по истории Алжира. Она была переведена на русский язык⁵⁵ и широко используется отечественными исследователями. Именно Жюльен обозначил период с 1830 г. по 1834 г. как время «неопределенности» в колониальной политике Франции в Алжире. Неоценимый вклад в изучение стран Магриба внес французский ученый, автор многочисленных работ и учитель, взрастивший виднейших современных экспертов, Ш.-Р. Ажерон⁵⁶. Несмотря на то, что работы Ш.-А. Жюльена и Ш.-Р. Ажерона чаще всего становились объектами критики в рамках обвинения авторов в их политической ангажированности, необходимо отметить высокую ценность использованных архивных материалов.

В работе над периодом Второй империи наиболее ценными оказались труды исследователей Ж. Спилманна⁵⁷, рассмотревшего «Арабское королевство» Наполеона III через сопоставление официальных речей, писем императора; М. Леваллуа⁵⁸, прямого потомка сенсимониста И. Урбена, проанализировавшего в своих работах деятельность членов этого социального учения в Алжире; А.-Рей Гольдзегер⁵⁹, посвятившей свою книгу изучению императивов и целей императора в рамках попытки реализации «Арабского королевства». Автор опиралась на серьезный корпус архивных материалов, однако ее работа была подвергнута критике со стороны Ш.-Р. Ажерона из-за неиспользования автором ранее написанных работ Ж. Спилманна и самого ученого по рассматриваемой теме⁶⁰.

⁵³ Yacono X. Histoire de l'Algérie: de la fin de la Régence turque à l'insurrection de 1954. Versailles, 1993.

⁵⁴ Julien Ch.-A. Histoire de l'Algérie contemporaine. P., 1979. T I.

⁵⁵ Жюльен Ш.-А. История Северной Африки. Тунис. Алжир. Марокко. М., 1961. 2 т.

⁵⁶ Ageron Ch.-R. Histoire de l'Algérie contemporaine: 1830–1976. P., 1977; Idem. Politiques coloniales au Maghreb. P., 1972; Idem. De «l'Algérie française» à l'Algérie algérienne. Saint-Denis, 2005. 2 vol.

⁵⁷ Spillmann G. Napoléon III et le royaume arabe d'Algérie. P., 1975.

⁵⁸ Levallois M. Ismaïl Urbain (1812–1884). Une autre conquête de l'Algérie. P., 2001; Idem. Ismaïl Urbain. Royaume arabe ou Algérie franco-musulmane? 1848–1870. P., 2012.

⁵⁹ Rey-Goldzeiguer A. Le royaume arabe: la politique algérienne de Napoleon III, 1861–1870. Alger, 1977.

⁶⁰ Ageron Ch.-R. De «l'Algérie française» à l'Algérie algérienne. P. 135.

Отдельные вопросы получили освещение в работах французских исследователей П. Милза⁶¹, Р. Пиллорге⁶², К. Вигуре⁶³, Э. Ансо⁶⁴, А. Нуши⁶⁵, Э. Бле⁶⁶, Ф. Ренье⁶⁷, М. Эмери⁶⁸.

Североамериканские и британские ученые в большей степени склонны к анализу колониальной политики Франции в Алжире в свете актуальных концепций. Английский исследователь Д. Тодд⁶⁹, основываясь на парадигме формальной и неформальной империи, выступает с критикой французских историков Жюльена, Ажерона, Эскера, указывая, что именно провал неформального господства выдвинул на первый план формальный, более жесткий тип правления.

Другой британский ученый Г. Мюррей-Миллер⁷⁰ рассматривает «Арабское королевство» как отправную точку происхождения французского мультикультурализма. Американский ученый Дж. Э. Сешнс⁷¹ в своей работе рассматривает борьбу за политическую легитимность в качестве основной причины захвата Францией Алжира.

Арабских исследователей волновали наиболее «острые» темы колониального периода Алжира: национально-освободительное движение, земельные спекуляции, разрушение традиционной племенной структуры, злодеяния французских

⁶¹ Milza P. Napoléon III. P., 2004.

⁶² Pillorget R. Les deux voyages de Napoléon III en Algérie (1860 et 1865) // *Revue du Souvenir Napoléonien*. 1989. №363. P. 30–36. URL: <https://www.napoleon.org/histoire-des-2-empires/articles/les-deux-voyages-de-napoleon-iii-en-algerie-1860-et-1865/> (дата обращения: 18.09.2021).

⁶³ Vigoureux C. «Napoléon III et Abd-el-Kader» // *Napoleonica. La Revue*. 2009. Vol. 4. №1. P. 111–143. DOI:10.3917/napo.091.0007.

⁶⁴ Anceau E. *Napoleon III, un Saint-Simon à cheval*. P., 2008.

⁶⁵ Nouschi A. *Enquête sur le niveau de vie des populations rurales constantinoises*. P., 2013.

⁶⁶ Blais. H. «Qu'est-ce qu'Alger?»: le débat colonial sous la monarchie de Juillet // *Romantisme*. 2008. Vol. 139. №1. P. 19–32.

⁶⁷ Régnier Ph., Urbain I. *Voyage d'Orient, suivi de Poèmes de Ménilmontant et d'Égypte*. P., 1993.

⁶⁸ Emerit M. *Les saint-simoniens en Algérie*. P., 1941. II série. T. XV.

⁶⁹ Todd D. *A velvet empire: French informal imperialism in the nineteenth century*. Princeton, 2021.

⁷⁰ Murray-Miller G. *A Conflicted Sense of Nationality...*

⁷¹ Sessions J.E. *By Sword and Plow. France and the Conquest of Algeria*. Ithaca, 2011.

завоевателей. В связи с этим хочется отметить работы авторов Карима Рахема⁷², Камеля Катеба⁷³, Язида бен Унета⁷⁴, Мохамеда Салаха Букекура⁷⁵.

В изучении Алжира отечественных исследователей, как правило, привлекал период алжирской войны (1954–1962), что было продиктовано симпатией к политике Шарля де Голля и обретением Алжиром свободы и обусловлено актуальностью темы неокOLONИализма.

Тем не менее среди общих работ можно выделить коллективный труд виднейших отечественных ученых А.М. Васильева, Р.Г. Ланды, Н.Г. Хмелевой, и др.⁷⁶, затрагивающий практически все аспекты развития североафриканской страны в период нового и новейшего времени. Эта работа помогла осветить в диссертации вопросы отношения Алжира и Франции накануне и в период его завоевания, борьбы за независимость в западных и центральных областях и сопротивления французскому завоеванию в Восточном Алжире, политико-правовые преимущества европейцев, воздействие колонизации на «туземное» общество. Опираясь на серьезный научный аппарат, работа, написанная еще в советский период, не теряет актуальности.

Отдельного внимания заслуживает работа именитого специалиста по истории Алжира Р.Г. Ланды «Борьба алжирского народа против европейской колонизации (1830–1918)». Ученый указывал на сосуществование коренного алжирского и пришлого европейского населения в течение всех лет французского колониального господства как один из важнейших факторов⁷⁷. Уникальность Алжира как колонии он видел в особом симбиозе общества, где сливались противоречия капиталистического строя и контрасты докапиталистических

⁷² Rahem K. *Le sillage de la tribu: imaginaires politiques et histoire en Algérie, 1843–1993*. P., 2008.

⁷³ Kateb K. *Européens, indigènes et juifs en Algérie, 1830–1962: représentations et réalités des populations*. P., 2001.

⁷⁴ Ben Hounet Y. «Des tribus en Algérie? A propos de la déstructuration tribale durant la période coloniale» // *Cahiers de la Méditerranée*. 2007. T. 75. P. 150–171.

⁷⁵ Boukechour M. S. *Le rapport de Vincent-Yves Boutin sur la régence d'Alger. Pour une nouvelle réflexion sur l'histoire de l'Algérie coloniale* // *Arts, Civilisation et Histoire de l'Europe*. 2017. 10. P. 119–131.

⁷⁶ История Алжира в новое и новейшее время.

⁷⁷ Ланда Р.Г. Указ. соч. С. 5.

социальных структур, существовавших в стране накануне колониального завоевания, что способствовало, согласно его мнению, возникновению особого типа социально-экономических и культурно-этнических связей, т. е. «алжирского феномена»⁷⁸.

Общий обзор истории от древнего Алжира до новейшего времени запечатлен на страницах труда М.Ф. Видясовой⁷⁹, что дает возможность в динамике проследить социально-политические процессы.

Можно выделить отдельные работы российских исследователей по рассматриваемой проблематике. Так, Н.А. Жерлицына в своей статье исследовала вопрос захвата Алжира Францией через оценку европейских авторов XIX в.⁸⁰, Е.А. Прусская проекты колонизации Алжира в период французской оккупации (1830–1834 годы)⁸¹, Н.П. Таньшина в рамках своего диссертационного исследования рассмотрела вопросы, касающиеся политической борьбы по внешней политике в годы Июльской монархии⁸², В.С. Мирзеханов обратился к вопросу идеологии колонизации⁸³, в работе М.А. Сапроновой и В.В. Орлова рассматриваются

⁷⁸ Там же. С. 6.

⁷⁹ Видясова М.Ф. Алжир у трех дорог. М., 2019.

⁸⁰ Жерлицына Н.А. Захват Алжира Францией в 1830 г. В оценках европейских авторов XIX века // Манускрипт. 2020. №3 С. 52–56. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zahvat-alzhira-frantsiey-v-1830-g-v-otsenkah-evropeyskih-avtorov-xix-veka> (дата обращения: 12.03.2023). См. также работы Н.А. Жерлицыной: Восприятие коренным населением французского Алжира ассимиляции как основного метода колонизации (1830–1870 гг.) // Актуальные проблемы изучения и преподавания истории и международных отношений: сборник статей Международной научно-практической конференции, Рязань, 25 апреля 2024 года. Рязань: Индивидуальный предприниматель Коняхин Александр Викторович, 2024. С. 213–221; Идеологические основы французской колониальной политики в странах Магриба в XIX – первой половине XX вв. // Общество: философия, история, культура. 2020. № 4(72). С. 61–64. DOI: 10.24158/fik.2020.4.11.

⁸¹ Пруская Е.А. Проекты колонизации Алжира в период французской оккупации (1830–1834 годы) // Новая и Новейшая история. 2021. Выпуск 6. С. 31–43. URL: <https://nni.jes.su/s013038640017169-3-1/> (дата обращения: 10.09.2023).

⁸² Таньшина Н.П. Политическая борьба во Франции по вопросам внешней политики в годы Июльской монархии: диссертация... доктора исторических наук: 07.00.03. М. 2005. См. также работы Н.П. Таньшиной: Алексис де Токвиль и завоевание Францией Алжира: антропология войны и мира // Французский ежегодник. 2024. Т. 57. С. 275–299; Принц на войне: герцог Орлеанский и завоевание Францией Алжира в годы Июльской монархии // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. № 1(123); Завоевание Алжира и политическая полемика во Франции в 40-е годы XIX века // Восточный архив. 2004. № 11-12. С. 53–58.

⁸³ Мирзеханов В.С. Идеология колонизации: метаморфозы колониального вопроса в политической философии Алексиса де Токвиля // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. № 4(114). DOI: 10.18254/S207987840021057-1.

историко-культурные и психологические факторы взаимодействия алжирской и французской идентичности⁸⁴, К.А. Фурсов изучил сенатус-консулт 1863 г.⁸⁵, П.П. Черкасов деятельность маршала Мак-Магона⁸⁶, М.К. Чиняков основные направления деятельности генерала Клозеля в Алжире (1830–1831)⁸⁷, М.Н. Машкин внес вклад в изучение темы французских социалистов и демократов в период 1830–1871 гг.⁸⁸. Н.Г. Поспелова, рассматривая проблему политической системы колониального Алжира, указывала на то, что основу политики «офранцузивания» составляло отрицание национальной самобытности коренного населения, что практически означало для него режим дискриминации⁸⁹. Историк М.Т. Панченкова в своей работе уделила внимание вопросу политики Франции на Ближнем Востоке и Сирийской экспедиции 1860–1861 гг., что помогло сопоставить политику императора Наполеона III в Сирии и Ливане с Алжиром⁹⁰, ученый Н.Н. Дьяков исследовал вопрос ислама в колониальной политике Франции⁹¹, деятельности эмира Абд аль-Кадира посвящены работы Н.Г. Хмелевой⁹² и Ю.С. Оганисяна⁹³.

Особо хотелось бы отметить возросший интерес со стороны российского научного сообщества к личности императора Наполеона III с конца 1990-х – начала 2000-х гг., чему свидетельствует большое количество изданных работ и статей. В

⁸⁴ Орлов В.В., Сапронова М. А. Указ. соч. С. 11.

⁸⁵ Фурсов К.А. Аграрные реформы колониальных империй в афро-азиатском мире: общее и особенное // Экономические реформы в России и за рубежом: Сборник статей. М.: Институт экономики Российской академии наук. 2014. Выпуск 3. С. 56–89.

⁸⁶ Черкасов П.П. Маршал Мак-Магон // Новая и Новейшая история. 2018. Выпуск 5. С. 198–211. URL: <https://nni.jes.su/s013038640001430-1-1/> (дата обращения: 20.09.2023).

⁸⁷ Чиняков М.К. Генерал Клозель в Алжире (1830–1831): основные направления его деятельности // Наука. Общество. Оборона. 2023. Т. 11, № 4(37). С. 44.

⁸⁸ Машкин М.Н. Французские социалисты и демократы и колониальный вопрос 1830–1871. М., 1981.

⁸⁹ Поспелова Н.Г. Алжир: Экон.-полит. очерк. М., 1959. С. 83.

⁹⁰ Панченкова М.Т. Политика Франции на Ближнем Востоке и Сирийская экспедиция 1860–1861 гг. М., 1966.

⁹¹ Дьяков Н.Н. Ислам в колониальной политике Франции: от истоков — до Пятой Республики // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12, № 5(103). DOI: 10.18254/S207987840015901-0.

⁹² Хмелева Н.Г. Государство Абд аль-Кадира алжирского. М., 1973.

⁹³ Оганисян Ю.С. Абд-аль-Кадир. М., 1968.

трудах российских ученых⁹⁴ прослеживается пересмотр «негативного» взгляда на личность Наполеона III. Созданный во Франции во второй половине XIX в., непритягательный образ «Наполеона Малого»⁹⁵ был перенесен в Россию. Такое изображение императора опиралось на так называемую «черную легенду» и культивировалось в историографии обеих стран вплоть до середины XX в. во Франции и конца того же века в России⁹⁶.

Научная новизна работы заключается в том, что она представляет собой первое в российской историографии комплексное исследование колониальной политики Франции в Алжире в 1830–1860-х гг. В ней рассмотрены ранее не изученные аспекты проблемы. Предложена трактовка идеи «Арабского королевства» императора Наполеона III в Алжире в 1860-е гг., а также проанализированы ее истоки и причины несостоятельности. На основе архивных материалов установлены причины крупного восстания в Алжире 1864 г. Вводятся в научный оборот ранее неизвестные отечественной науке французские архивные материалы и публицистика XIX в., проливающие свет на идеологические истоки французского колониализма.

Основные положения, выносимые на защиту:

- постоянная смена власти как в Париже, так и на местах определяла колониальный дискурс в 1830–1840-е гг. Важным моментом в принятии политических решений являлись военные успехи или промахи в Алжире. Выбор в пользу тотального завоевания страны открыл возможности для колониальной практики последующих правительств;

- деление Алжира, признанного частью Франции Конституцией 1848 г., на гражданские и военные территории, усугубляло проблемы колонизации, что

⁹⁴ Смирнов А.Ю. Империя Наполеона III. М., 2003; Уварова М. Коронованная демократия. Франция и реформы Наполеона III в 1860-е гг. М., 2014; Черкасов П.П. Наполеон III – император французов // Новая и Новейшая история. 2012. Выпуск 3. С. 197–216.

⁹⁵ Образ «Наполеона Малого» был создан французским писателем В. Гюго, который являлся одним из самых беспощадных критиков императора. В 1852 г. автор выпустил одноименную работу («Наполеон Малый»).

⁹⁶ Подробно рассматривает этот вопрос Кошелева Е. А. "Черная легенда" о Наполеоне III // Клио. 2003. № 4(23). С. 101–109.

обостряло борьбу за главенствующие позиции между генералами и префектами. Неравное правовое положение европейских поселенцев и местного коренного населения открывало возможности для финансовых, земельных, торговых спекуляций в пользу колонистов. Правительство, озабоченное наведением порядка после революционных событий в столице, рассматривало Алжир местом для высылки ионьских инсургентов в организованные наспех сельскохозяйственные поселения, которые в первую очередь были созданы для отправки «неудобных» элементов, а потом уже для преодоления безработицы из-за закрытия национальных мастерских;

- государственный переворот 1851 г. в Париже повлиял на положение дел в Алжире. Авторитарный режим требовал максимального сосредоточения власти в одном центре. Генерал-губернаторство Рандона, боровшегося за расширение своих полномочий и создание автономного бюджета, было заменено на Министерство по делам Алжира и колоний во главе с принцем Наполеоном. Руководствуясь принципом «управлять из Парижа, администрировать на местах», он проводил политику административной ассимиляции, направив все свои усилия на установление гражданского режима и поддержку европейских колонистов. Колонизация, требовавшая новых земель, привела к проведению процедуры расквартирования, вызвала широкую критику со стороны офицеров «арабских бюро». Нарастающий круг проблем привел к тому, что император лично отправился с визитом в Алжир в 1860 г. для лучшего понимания реального положения дел и поиска путей решения;

- Алжир стал местом столкновения различных интересов: военные власти противостояли гражданским, интересы колонистов – интересам коренного населения. Попытка Наполеона III реализовать идею «Арабского королевства» не получила широкой поддержки. Более того, сама идея вызвала шквал критики как со стороны европейских колонистов Алжира, так и со стороны высших функционеров, которые мешали ее реализации.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что автором введены в научный оборот ранее не публиковавшиеся документы по истории

французской колонизации Алжира. На основе исследований открывается путь для дальнейшего изучения исторических и политических процессов.

Практическая значимость данной работы заключается в том, что она может быть использована при подготовке курсов лекций и в научной работе по истории Алжира и французского колониализма в высших учебных заведениях. Более того, результаты исследования могут быть применены для прогнозирования и формирования внешнеполитической концепции и практической деятельности МИД РФ, а также других государственных и частных учреждений и компаний.

Область исследования соответствует паспорту специальности ВАК «5.6.2 - Всеобщая история», а именно: п. 6 «Новейшая история (XX–XX вв.)»; п. 8 «История цивилизаций, стран, народов, регионов»; п. 13 «Власть в истории. История государства и его институтов. Государство и общество. Сфера политики и политических отношений. История политической культуры. Государство, политика и человек»; п. 16 «Международные отношения. Историческая конфликтология. Становление и развитие системы цивилизаций»; п. 20 «История общественной мысли. Интеллектуальная история».

Апробация результатов исследования подтверждается научными статьями, а также выступлениями на всероссийских и международных конференциях. Основные положения диссертации отражены в 11 опубликованных работах. Среди которых, 4 статьи в научных изданиях, включенных в Перечень ВАК. Результаты исследования также были апробированы на 5 всероссийских, 2 международных конференциях: ИВИ РАН. ГАУГН Школа молодых ученых «Эпоха Революций 1750–1914 гг. в Западной Европе и Средиземноморье» (8–12 ноября, 2021 г., г. Ялта); XX Всероссийская Школа молодых африканистов (30 ноября 2021 г., г. Москва, Институт Африки РАН, ФГБОУ ВО Уральский ГАУ, ФГБОУ ВО РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева); XXI Всероссийская Школа молодых африканистов «Восходящая роль Африки в формирующемся миропорядке» (30 ноября 2022 г., г. Москва, Институт Африки РАН); XXII Всероссийская Школа молодых африканистов (6 декабря 2023 г., г. Москва, Институт Африки РАН); VI Международная научная конференция «Архивное

востоковедение» (20–22 ноября 2024 г., г. Москва, Институт востоковедения РАН); XXIII Всероссийская Школа молодых африканистов «Сотрудничество России и стран Африки на новом этапе: экономические, политические и культурные аспекты» (3–4 декабря 2024 г., г. Москва, Институт Африки РАН, Финансовый университет); XXXIII Международный научный Конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки «К 170-летию открытия Факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета» (16–18 апреля 2025 г., г. Санкт-Петербург, Восточный факультет СПбГУ).

Структура представленного диссертационного исследования состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы и источников.

ГЛАВА 1. ФРАНЦУЗСКАЯ ПОЛИТИКА В АЛЖИРЕ НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД ЕГО ЗАВОЕВАНИЯ (1830–1840-е гг.)

1.1. Регентство Алжир накануне французского завоевания: корни противоречий

Название Алжир (Алжирская Народная Демократическая Республика) соответствует сегодня самой большой из трех африканских стран, составляющих Магриб, ее площадь 2381741 кв. км. На протяжении своего исторического развития Алжир находился под властью Рима (42–429 гг.), вандалов, византийцев, арабов-мусульман, которые начали свое проникновение в Северную Африку в VII в. и повлияли на распространение там ислама, и наконец в XVI в. он был завоеван турками и стал частью их империи⁹⁷. На момент французского завоевания 1830 г. территория Регентства Алжир, находившаяся под властью дея⁹⁸, была намного меньше (в десять раз)⁹⁹, указанной выше.

Для арабских географов эпохи Средневековья существовало понятие «Джезират-эль-Магриб» (*Djazirat el-Maghrib*), под которым понималась территория горного, степного и лесного массива Атласских гор, ограниченная с одной стороны Атлантическим океаном и Средиземным морем, а с другой – обширными пустынными просторами того, что сегодня называют Северной Сахарой.

Часть этой территории (Джезират-эль-Магриб), Северный Алжир, до прихода турок в XVI в. не имела определенного названия. Таким образом, турецкое присутствие дало североафриканской стране не только политическую и

⁹⁷ Страны Африки 2002. М., 2002. С. 111. Подробнее об истории Алжира в период Древнего мира и Средневековья см.: Видясова М. Указ. соч.; о насильственной исламизации с момента вторжения арабов в 645 г. н. э. пишет граф Штакельберг, РГВИА. Ф. 452. Оп. 1. Д. 294. Л. 1; о роли ислама в колониальной политике Франции, Дьяков Н.Н. Указ. соч.

⁹⁸ Дей (тур. «дядя по матери») – чин командира в корпусе янычар. В Алжире с 1671 г. до французского завоевания, дей пожизненно избирались янычарами и корсарскими капитанами. (см.: Африка: Энцикл. справ. М., 1986. Т. 1: А-К. С. 463).

⁹⁹ Yacono X. Histoire de l'Algérie... P. 9.

административную организацию, но и сыграло роль в формировании *watan al-jazâ'ir* (страны Алжир) и ввело понятие границ, которые отделяли Регентство Алжир на востоке от Регентства Тунис и на западе от Королевства Марокко¹⁰⁰.

После захвата Регентства Алжир в 1830 г. французы использовали чаще формулировку «бывшее Регентство» (*l'ancienne Régence*) и «французские владения в Северной Африке» (*les Possessions françaises dans le Nord de l'Afrique*). С 1831 г. слово «Алжир» (*l'Algérie*) лишь дважды упоминалось в королевском ордонансе от 1 декабря о создании гражданского управления¹⁰¹. А уже 14 октября 1839 г. военный министр, генерал Шнайдер предписал использовать только слово «Алжир»¹⁰². Но французы еще долгое время предпочитали слово «Африка» (*l'Afrique*) как синоним «Алжиру».

Выгодное географическое положение Алжира – он занимал центральную часть Северной Африки, использовалось турками для установления своей власти в этом регионе. К 1830 г. государство управлялось деем, сидевшим в Касбе (крепость), находившейся в г. Алжире. В управлении дею помогал диван (совет), который состоял из пяти министров: ага аль-мехалла (командующий сухопутными силами), хазнаджи (казначей), укиль аль-хардж (командующий флотом), ходжат аль-хайль (управляющий общественными доменами), бейт аль-майджи (управляющий доменами и их учетом)¹⁰³. Хотя алжирский дей обладал определенным объемом власти и имел доступ к распоряжению денежными средствами, он зависел от янычар. Часто неугодных деев они смещали или убивали. Так, с 1671 г. по 1830 г. четырнадцать деев из двадцати восьми были убиты¹⁰⁴. Более того, утверждение дея происходило от Порты – таким образом, хотя и формально, они попадали в вассальную зависимость от турецкого султана¹⁰⁵. Но, несмотря на это, в реальности деи проводили самостоятельную внутреннюю

¹⁰⁰ Peyroulou J., Tengour O., Thénault S. 1830–1880: la conquête coloniale et la résistance des Algériens // Histoire de l'Algérie à la période coloniale 1830–1962. P. 19.

¹⁰¹ Estailleur-Chanteraine Ph. d'. L'Émir magnanime Abd-El-Kader, le Croyant. P., 1959. P. 38.

¹⁰² Yacono X. Histoire de l'Algérie... P. 9.

¹⁰³ Peyroulou J., Tengour O., Thénault S. Op. cit. P. 20.

¹⁰⁴ Yacono X. Histoire de l'Algérie... P. 49.

¹⁰⁵ Boutin V.-Y. Plan d'Alger et de ses environs. P., 1830.

политику и поддерживали дипломатические отношения с иностранными государствами¹⁰⁶.

В административном плане Регентство Алжир делилось на четыре бейлика (области): Дар эс-Султан, Титтери, Оран и Константина. Они управлялись бейями¹⁰⁷, которые должны были следить за порядком и собирать налоги. Дважды в год бей должен был отдавать в центральную казну часть урожая и приплода скота. Каждая из областей состояла из округов, возглавляемых кайдами¹⁰⁸. Опираясь на вооруженную силу племен махзен (были расселены двумя полосами: по границе прибрежной равнины и по границе с Сахарой¹⁰⁹), они собирали налоги. Надо отметить, что сами племена махзен за свою службу были освобождены от налогов.

Туркам удавалось сохранить свое правление внутри страны благодаря поддержке со стороны местных влиятельных семей. Взамен они предоставляли им широкие привилегии и земельные наделы¹¹⁰.

Положение правящей элиты заметно разнилось с положением местного населения, бедневшего из-за высоких налогов, которые не смягчались даже в засушливые годы или в период эпидемий. Это было причиной множества волнений среди сельского населения, особенно в начале XIX в. В эти кризисные моменты подобные восстания принимали религиозные очертания, так как, нередко в их главе становились марабуты (мусульманские монахи, часто возглавлявшие религиозные братства)¹¹¹. Эти повторяющиеся акты сопротивления являлись следствием экономических и социальных преобразований, связанных с распределением управленческих функций и ресурсов, которые главы мусульманских братств

¹⁰⁶ История Алжира в новое и новейшее время. С. 13.

¹⁰⁷ Бей – тюркс. господин, правитель. Титул знати в странах Ближнего и Среднего Востока. В Алжире беи управляли бейликами. (Африка: Энцикл. справ... Т. 1: А-К. С. 319.).

¹⁰⁸ Каид – араб. командир, военачальник, предводитель. В Алжире, Тунисе и Марокко, каид – наместник правителя в округе, городе, племени, группы племен. (Африка: Энцикл. справ... Т. 1: А-К. С. 607.).

¹⁰⁹ История Алжира в новое и новейшее время. С. 14.

¹¹⁰ Peyroulou J., Tengour O., Thénault S. Op. cit. P. 22.

¹¹¹ Ibid. P. 23.

должны были делить с другими элитами: зажиточными горожанами, улемами¹¹² и шейхами племен.

К 1830 г. население страны не превышало 3 млн человек¹¹³. Существование различных народов предопределяло этническую гетерогенность населения. Это подтверждало тезис о том, что ни Магриб, ни Алжир не был единым¹¹⁴. В дальнейшем французские власти умело будут использовать это обстоятельство в интересах колонизации, следуя правилу «разделяй и властвуй». Тем не менее большинство составляли арабские и берберские племена, которые жили на равнинах Регентства и занимались оседлым и кочевым земледелием, а в степях и пустыне – кочевым скотоводством¹¹⁵. Турки же имели привилегированное положение, так как они допускались до государственных должностей. Кулуглу, потомки от связей турок с коренными жительницами, занимали промежуточное положение между первыми и остальными. Мавры были подвержены деспотизму, но евреи находились в еще более униженном положении: занимались самыми непристойными работами, им запрещалось носить оружие и т. д. Положение арабов было близким к независимому, так как они находились под властью своих шейхов¹¹⁶.

В османский период городское развитие шло неравномерно. В начале XIX в. обозначился кризис, связанный с практическим прекращением пиратства в североафриканской стране, что привело к сокращению пленных, ремесленников и янычар. Городское население было также достаточно пестрым по этническому составу: турки, мавры, евреи, беррани (пришлое население из глубины страны или из портов Средиземноморья). Все они жили в отдельных кварталах по тройной сегрегации: этнической, религиозной и социальной.

¹¹² Улемы – мусульманские правоведы и богословы. (Большая Российская энциклопедия. М., 2017. Т. 33: Уланд – Хватцев. С. 8).

¹¹³ Yacono X. «Peut-on évaluer la population de l'Algérie vers 1830» // *Revue africaine*, Alger, 1954. Vol. 98. № 440–441. См. также: Kateb K. La gestion statistique des populations dans l'empire colonial français [Le cas de l'Algérie, 1830–1960] // *Histoire & Mesure*, 1998. Vol. 13. № 1–2. P. 77–111. DOI : <https://doi.org/10.3406/hism.1998.892>; Богданович М.И. Указ. соч. С. 17–18.

¹¹⁴ Estailleur-Chanteraine Ph. d'. Op. cit. P. 187.

¹¹⁵ История Алжира в новое и новейшее время. С. 14–15.

¹¹⁶ Boutin V.-Y. Op. cit.

Идея о завоевании Алжира Францией возникла еще при Наполеоне Бонапарте. Известно, что император мечтал превратить Средиземное море во «французское озеро». Осуществление данного плана суверена повысило бы роль Франции как колониальной державы, помогло бы утвердиться на южном берегу Средиземного моря, решить проблемы с поиском новых рынков сбыта для ее товаров и перекрыло бы пути Англии к своим колониям¹¹⁷. Наполеон неоднократно обращался к своим генералам с указаниями о разработке плана для захвата североафриканской страны, однако «описательный» и «общего характера» результат работ его не устраивал¹¹⁸.

Неудовлетворенность императора предыдущими разработками и ослабевание Османской империи, под властью которой находилось Регентство Алжир, заставили его обратиться в 1808 г. вновь с аналогичной задачей к адмиралу и министру военно-морского флота Д. Декре. Последний, в свою очередь, делегировал важное поручение полковнику инженерной службы наполеоновской армии Венсану-Иву Бутену. Детальный анализ охватывал практически все сферы жизни Алжира¹¹⁹. Отчет Бутена позволял делать предположения об успешности экспедиции на начальном этапе. Автор акцентировал внимание на двух элементах: демографическом (низкие темпы роста населения) и политическом (осуществление власти в Регентстве Алжир небольшим количеством военных из Анатолии), что приводило к внутренним конфликтам¹²⁰. По его мнению, именно эти два элемента необходимо учитывать для перехода от военной экспедиции к колонии переселенческого типа.

Император был удовлетворен данным отчетом, однако военные поражения в Европе и России отложили решение этого вопроса, так и не успев его реализовать. Тем не менее в том числе благодаря работе Бутена, в 1830 г. французский военный экспедиционный корпус проведет успешную высадку в Сиди-Фарруш. Докладывая

¹¹⁷ История Алжира в новое и новейшее время. С. 22.

¹¹⁸ Boukechour M. S. Op. cit. P. 121.

¹¹⁹ Esquer G. Reconnaissance des villes, forts et batteries d'Alger. P., 1927.

¹²⁰ Boukechour M. S. Op. cit. P. 129–130.

о хорошей укрепленности г. Алжир, Бутен указывал именно на Сиди-Фарруш как лучшее место для высадки корпуса не менее 35–40 тыс. солдат¹²¹.

Поводом для начала военной экспедиции в Алжир стал знаменитый «удар опухалом» французского консула Пьера Деваля алжирским деем Хусейном 29 апреля 1827 г. Между тем от указанного события и высадкой французских солдат в Сиди-Фарруш пройдет три года. Это позволяет полагать, что известный инцидент не являлся единственным или достаточным основанием для начала военных действий, или обстоятельства не подходили для его реализации.

Сначала следует разобраться в причинах напряженности в отношениях между Францией и Регентством. Одним из конфликтных обстоятельств был вопрос, связанный с поставками пшеницы для Франции из Алжира через торговые дома Бакри и Бузнака (алжирские евреи ливорнского происхождения). Ими были направлены значительные объемы пшеницы для снабжения еще Наполеоновской армии (итальянский и египетский походы)¹²². Они продавали пшеницу по очень высоким ценам (превышали в три раза обычную стоимость), но предоставляли Франции значительные льготы по оплате¹²³. Алжирский дей вложил свои личные средства (около 300 тыс. франков) в эти поставки, но долг со стороны Франции полностью не был отдан.

28 октября 1819 г. в ходе переговоров вопрос о долге был урегулирован решением об уплате Францией 7 млн франков, которые должны были выплачиваться начиная с марта 1820 г.¹²⁴. В то же время одна из статей позволяла французским компаниям оспаривать суммы долга, что впоследствии привело к судебным делам и недовольству дея, полагавшего, что французы намеренно

¹²¹ Ibid. P. 125.

¹²² История Алжира в новое и новейшее время. С. 22.; Жерлицына Н.А. Захват Алжира Францией в 1830 г. ...; Perrot A.-M. La conquête d'Alger, ou Relation de la campagne d'Afrique, comprenant les motifs de la guerre, les détails des préparatifs de l'expédition et des événements qui ont précédé le débarquement... P., 1830. P. 10; Лазутина А.Е. К вопросу о начале завоевания Алжира Францией. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 5. С. 27–31.

¹²³ Yacono X. Histoire de l'Algérie... P. 64.

¹²⁴ Aperçu historique, statistique et topographique sur l'état d'Alger... P. 219.; Perrot A.-M. Op. cit. P. 12.

затягивают сроки выплат. Таким образом, из 7 млн долга французская казна выплатила 4 500 000 франков Бакри и Бузнаку, а на 2 500 000 были поданы иски в суд французскими подданными согласно условиям договора¹²⁵.

Из платежей, полученных Бакри и Бузнаком, дею ничего не получил. Таким образом, частный вопрос стал государственным¹²⁶. Более того, турецкий султан Селим III требовал от дею объявления войны Франции, чтобы получить деньги. Однако, разорвав отношения с Францией в 1798 г., уже в 1800 г. он подписал с Францией новый договор¹²⁷.

Еще одним конфликтным вопросом была проблема пиратства¹²⁸. Американский консул в Алжире Уильям Шейлер в своем труде, посвященном этой североафриканской стране, в предисловии называет местное население не иначе как «*des pirates algériens*»¹²⁹ (алжирские пираты) и в дальнейшем указывает на то, что политическая система страны предполагает пиратство как принцип. Автор объясняет это их «наглым правом» начинать войну против любого христианского государства, которое не получило их благосклонность через заключение договоров. Таким образом, пройдя через период притязаний со стороны Регентства, к 1826 г. отношения Великобритании, Франции, Соединенных Штатов, Сардинии и Голландии с Алжиром регламентировались независимыми договорами, без необходимости уплачивать дань. Российская Империя и Австрия, в свою очередь, рассматривали Алжир как провинцию Османской империи и фактически требовали от Порты пресекать все враждебные акты со стороны североафриканской страны¹³⁰. Швеция, Дания, Португалия и Неаполь платили ежегодную дань. Тоскана же заплатила единожды большую сумму, получив от Алжира мир.

Также в Регентстве существовала практика дарения подарков дею и высокопоставленным лицам в день назначения нового консула, представляющего

¹²⁵ Ibid.

¹²⁶ Yacono X. Histoire de l'Algérie... P. 64.

¹²⁷ История Алжира в новое и новейшее время. С. 22.

¹²⁸ Perrot A.-M. Op. cit. P. 3.

¹²⁹ Schaler W. Op. cit. P. 1.

¹³⁰ Ibid. P. 54.

христианское государства. Позже этот обычай принял вполне оформленный вид, в виде уплаты дани, которая доходила примерно до 17 000 долларов¹³¹.

Если рассматривать пиратство с точки зрения военной опасности в Средиземном море, то еще в отчете В.-И. Бутена упоминалось о сильно преувеличенной угрозе для европейской торговли относительно алжирского флота¹³². Франция наряду с Англией использовала борьбу против алжирских корсаров как возможность для получения привилегий от дея и для легитимизации вмешательства во внутренние дела североафриканской страны¹³³. Алжирский дей вынужден был в 1816 г. запретить пиратство и рабство христиан, чтобы предотвратить это. Однако пусть и редкие, но нападения алжирских корсаров продолжились.

Третий предмет спора – это ситуация с «африканскими концессиями». В 1825 г. Франция начала строить крепость в Ла-Кале, что противоречило договору. В ответ на эти действия дей выдвинул обвинения в установке укреплений и орудий под предлогом ремонта магазинов и велел разрушить начатое. Также в качестве ответных мер, дей дал право испанцам и мальтийцам торговать в районах, ранее монополизированных французами, и предоставил англичанам новую торговую концессию¹³⁴.

Не менее важным аспектом франко-алжирского конфликта были напряженные отношения между деем Хусейном и консулом П. Девалем. Дей заподозрил его в заговоре против себя. Более того, он писал в 1826 г. письма в адрес французского правительства с просьбой убрать «этого интригана» и прислать другого консула¹³⁵. Ответа не последовало, что только усугубило ситуацию.

По традиции П. Деваль посетил дея 29 апреля 1827 г. за день до праздника Ид аль-Сагир (Малый Байрам), знаменующего окончание Рамадана. Согласно отчету П. Девалья, почти сразу дей поинтересовался причиной, по которой

¹³¹ Ibid. P. 55.

¹³² Boukechour M. S. Op. cit. P. 120.

¹³³ История Алжира в новое и новейшее время. С. 23.

¹³⁴ Там же; Perrot A.-M. Op. cit. P. 3–9.

¹³⁵ Yacono X. Histoire de l'Algérie... P. 64.

французский министр не ответил ему, и добавил: «... это вы намекнули не писать мне, вы злодей...»¹³⁶ – и затем нанес своему оппоненту три сильных удара рукояткой опяхала¹³⁷. В работе алжирского историка мы встречаем более дерзкую цитату Деваля: «Мое правительство не соизволило ответить «такому человеку как вы»¹³⁸. Дей запретил консулу появляться при дворе, однако, остальным послам сказал, что этот конфликт носит личный характер¹³⁹.

Таким образом, инцидент с ударом опяхалом стал спусковым крючком для начала военного конфликта. Барон де Дама предписал французскому консулу незамедлительно покинуть Алжир¹⁴⁰. Дей отклонил меморандум, требовавший от него извинений¹⁴¹. В июне 1827 г., по решению Королевского совета Франции началась блокада побережья Алжира¹⁴².

1.2. Французская политика в период захвата Алжира

К военному вторжению Франция на тот момент не была готова. Правительство было озабочено решением греческого вопроса: 6 июля 1827 г. оно вступило в союз с Англией и Россией для содействия и сотрудничества в решении конфликта между Грецией и Турцией. Франция отправила лучшие подразделения своего флота, которые были задействованы 20 октября 1827 г. в Наваринской битве. И лишь к сентябрю 1829 г. был заключен мир, даровавший Греции независимость.

Продолжительная блокада Алжира тяготила Францию своими расходами (было потрачено 20 млн франков и при этом не нанесено существенного ущерба Регентству¹⁴³). Французское правительство в лице Жозефа де Виллеля и сменившего его Жана-Батиста де Мартиньяка искало пути для дипломатического

¹³⁶ Цит. по: Yacono X. Histoire de l'Algérie... P. 65.

¹³⁷ Yacono X. Histoire de l'Algérie... P. 65.

¹³⁸ Khoja H. Aperçu historique et statistique sur la régence d'Alger. P., 1833. P. 167.

¹³⁹ История Алжира в новое и новейшее время. С. 24.

¹⁴⁰ Aperçu historique, statistique et topographique sur l'état d'Alger... P. 220.

¹⁴¹ Perrot A.-M. Op. cit. P. 22.

¹⁴² История Алжира в новое и новейшее время. С. 24.

¹⁴³ Aperçu historique, statistique et topographique sur l'état d'Alger... P. 221.

решения этого вопроса. Тем не менее все попытки переговоров с деем были неудачными: ни отправленный в Алжир лейтенант де Шассон Безар, ни переговоры через графа Аттили консула Сардинии в 1828 г., ни беседа командующего французской эскадрой Ла Бретоньера в 1829 г.¹⁴⁴ не привели к успеху.

Поиски мирного урегулирования вопроса были продиктованы в том числе опасениями разрыва отношений с Англией. Между тем именно английский консул Сент-Джонс влиял на отказы дея¹⁴⁵. Более того, 3 августа 1829 г. корабль «Прованс» (*La Provence*), вышедший из Алжира и несший парламентский флаг, подвергся обстрелу¹⁴⁶.

Стало очевидно, что примирение теперь невозможно. Внутренняя обстановка в стране – имеется в виду формирование министерства Жюля де Полиньяка в Париже 8 августа, способствовала продолжению поиска решений для удачного исхода дел в Алжире. Поэтому была предпринята попытка переговоров с правителем Египта Мухаммедом-Али. Ему была предложена финансовая помощь Франции и четыре линейных корабля взамен на захват Триполи, Туниса и Алжира. Последний он должен был передать под управление Франции¹⁴⁷.

Опасаясь усиления французского влияния и независимости Мухаммеда-Али, турецкий султан под нажимом англичан запретил египетскому правителю данные военные действия¹⁴⁸. Между тем оппозиция во Франции вела агитацию против использования Мухаммеда-Али.

В итоге Полиньяк поддержал проект высадки французского экспедиционного корпуса в Алжире, полагая, что престиж победы позволит ему покончить с Палатой, с которой он находился в конфликте¹⁴⁹. Узнав незадолго до отплытия флота о роспуске этой Палаты, генерал де Бурмон, возглавивший

¹⁴⁴ Ibid.

¹⁴⁵ Yacono X. Histoire de l'Algérie... P. 66.

¹⁴⁶ Estre H. d'. Les conquérants de l'Algérie (1830–1857). Nancy, P., 1930. P. 8.

¹⁴⁷ Речь идет о так называемом «плане Дроветти». Подробно рассматривается в работе Жерлицыной Н.А. Роль стран Магриба (Алжира, Туниса, Триполитании и Марокко) в соперничестве России с европейскими империями в конце XVIII – начале XX веков: диссертация ... доктора исторических наук: 5.6.7. 02. М., 2023. С. 221–227.

¹⁴⁸ Мухаммед-Али был вассалом турецкого султана.

¹⁴⁹ Yacono X. Histoire de l'Algérie... P. 66.

экспедицию, прямо заявил, что армия обязана добиться успеха до собрания коллегий выборщиков. Решение о высадке десанта в Сиди-Фарруш было принято Советом министров 6 февраля 1830 г. и одобрено королем на следующий день.

В рамках подготовки военной экспедиции в Алжир по распоряжению Генерального штаба был составлен и издан «Исторический, статистический и топографический обзор Алжира...» для использования армией Африки¹⁵⁰. Он был разделен на три части: историческую, статистическую, топографическую. Источниковой базой работы послужили архивные данные, а также информация, полученная от «осведомленных» людей: лейтенант-генерала Ловерда, полковника Ротье, находившегося на службе у короля Нидерландов. Для последней части (топографической) были воспроизведены карты, планы, комментарии Бутена, но, с несколькими новыми дополнениями¹⁵¹.

В этом обзоре можно довольно часто встретить отсылки к уже изданным на тот момент произведениям по Алжиру. Это работы В.-И. Бутена¹⁵², работа американского консула У. Шейлера¹⁵³ (опубликованная на английском языке в 1826 г.), книга доктора Т. Шо¹⁵⁴. Подобные заимствования являлись характерной чертой для всех перечисленных трудов. Авторы более поздних исследований открыто заимствовали и ссылались на предыдущих, часто используя в их сторону хвалебные эпитеты. Тем не менее в работе освещался довольно широкий круг вопросов. В третьей части «Соображения военного характера» главы XX «Война» рассматривались следующие темы: границы с соседними государствами, система обороны, укрепленные пункты, военные силы Регентства, организация армии, оружие и амуниция, благоприятное время для высадки; XXI глава касалась сил морского флота¹⁵⁵.

¹⁵⁰ Aperçu historique, statistique et topographique sur l'état d'Alger...

¹⁵¹ Ibid. P. VI.

¹⁵² Esquer G. Op. cit.

¹⁵³ Schaler W. Op. cit.

¹⁵⁴ Shaw Th. Voyage dans la régence d'Alger, ou Description géographique, physique, philologique, etc. de cet état. P., 1830. 405 p.

¹⁵⁵ Aperçu historique, statistique et topographique sur l'état d'Alger... P. 187–214.

Интересен тот факт, что в самом конце этой работы помещен отрывок статьи из *Le Moniteur* от 20 апреля 1830 г. Необходимость в этом объяснялась множеством публикаций, в которых даются «неточные детали» о причинах войны с Алжиром¹⁵⁶. Это позволяет сделать вывод не только о неоднозначном мнении во французском обществе по данному вопросу, но и о том, что участникам будущей экспедиции нужно было дать «правильную» мотивацию.

В связи с этим перечислялись следующие причины: запрет дея на строительство и укрепление французских владений («... он больше не позволит, чтобы хотя бы одна французская пушка была на территории Алжира...»)¹⁵⁷; отмена исключительного права добычи французами кораллов на африканском побережье, которое в 1826 г. было отменено манифестом дея, разрешавшим этот вид деятельности всем нациям (французское правительство не согласилось платить увеличенный деем налог); вопрос о «римских сооружениях», когда в 1815 г. по согласованию с другими европейскими странами Франция осуществляла их охрану, что было подтверждено деями Алжира, Триполи и беєм Туниса. В то же время через 18 месяцев после подписания этого соглашения дей Алжира конфисковал два сооружения. И уже в качестве непримиримых причин известное дело с долгом Бакри и Бузнака и последовавший удар дея опухалом французского консула. Помимо обозначенных причин, указывалась также «благородная» миссия французских солдат – отомстить за честь короны и избавить Францию и всю Европу от тройной проблемы: рабства своих поданных, налогов, которые наложил на них дей, пиратства¹⁵⁸.

Главнокомандующим войсками был назначен крайне непопулярный (многие французы считали его предателем Наполеона Бонапарта) генерал де Бурмон¹⁵⁹. Это вызывало определенные вопросы и опасения, а также возложение на него вины за государственный переворот во Франции (Июльская революция 1830 г.). Ученый

¹⁵⁶ Ibid. P. 215.

¹⁵⁷ Цит. по: *Aperçu historique, statistique et topographique sur l'état d'Alger...* P. 216.

¹⁵⁸ *Aperçu historique, statistique et topographique sur l'état d'Alger...* P. 216–222.

¹⁵⁹ Perrot A.-M. *Op. cit.* P. 26–27; Estre H. d'. *Bourmont: la Chouannerie, les Cent jours, la conquête d'Alger (1773–1846).* P., 1934. P. 3–4.

Пьер Серваль, первый, кому удалось получить доступ и полностью изучить семейный архив де Бурмонов, в своем труде, главе под звучным названием «Судьба режима зависит от Алжира»¹⁶⁰ приводит цитаты сына Филиппа Эгалите (отец Луи-Филиппа, будущего короля Франции): «Пока мы готовились к схватке, подготовительные действия к экспедиции в Алжир заканчивались. Генерал де Бурмон, военный министр, был назначен командующим этой экспедицией: хотел ли он избежать ответственности за государственный переворот, который он предчувствовал? Это было бы вполне возможно, исходя из его репутации и хитрости; но это оказалось бедой для Карла X...»¹⁶¹.

П. Серваль приводит также цитату из письма посла России во Франции Поццо ди Борго своему коллеге в Лондоне графу Матушевичу от 3 июля 1830 г., за два дня до входа французского экспедиционного корпуса в Алжир и 25 днями до восстания в Париже: «Малейшее происшествие вызовет некоторое неожиданное движение и начнется неразбериха. Крайняя партия рассчитывает на армию. Они ждут Бурмона после взятия Алжира...»¹⁶². Исходя из приведенных выше цитат, автор задается справедливым вопросом: не являлась ли в замыслах организаторов государственного переворота, экспедиция в Алжир своего рода обходным путем для его положительного исхода.

В подтверждение своих мыслей автор обращается к словам Эме-Мари-Гаспара маркиза (будущего герцога) де Клермон-Тоннерра, который, чувствуя приближение революции, обращается к де Бурмону в октябре 1829 г.: «Вы знаете, как сильно я хотел, чтобы два года назад была отправлена экспедиция в Алжир, мои мотивы вам известны. Виллель заставил короля предпочесть роспуск Палаты: то, что мы видели, стало следствием этого <...> В настоящее время у вас нет другого способа занять умы и отвлечь общественное внимание от нашей политической борьбы; во-вторых, это естественный и законный случай – сформировать и собрать армию, все элементы которой были бы полностью

¹⁶⁰ Serval P. Le maréchal de Bourmont, Alger fut à lui. P., 1965. P. 17.

¹⁶¹ Ibid. P. 18.

¹⁶² Ibid. P. 20.

роялистскими; такая армия в состоянии ярости, в котором находится революционная партия, и с раздражением, которое она стремится вызвать, может оказать большое влияние на будущие судьбы Франции»¹⁶³.

Все эти цитаты сводятся к единой мысли: «... чтобы спасти монархию Бурбонов от революционной опасности, нужна армия; чтобы придать бодрости духа этой армии, состоящей из ветеранов наполеоновских кампаний <...> укомплектованной новобранцами без опыта, она нуждается в войне; чтобы ударная сила согласилась в случае необходимости, превратиться в силу порядка, нужны авторитетные командиры; чтобы создать эти вооруженные силы нам нужна победа, победа в Алжире»¹⁶⁴.

За два года до учреждения министерства Полиньяка Королевский совет проконсультировался с капитаном Коллетом (командовавшим военно-морской дивизией, отвечающей за блокаду Алжира) относительно вероятности нападения с моря. От 10 августа 1827 г. был отправлен отчет: «Все экспедиции, которые предшествовали или следовали за экспедицией лорда Эксмута в 1816 г., всегда заканчивались в пользу алжирцев...»¹⁶⁵.

Несмотря на эти досадные прецеденты, победа в Алжире необходима была для решения государственных проблем. Когда 14 октября 1827 г. после заседания Королевского совета, Карл X впервые отказался предпринять экспедицию, маркиз де Клермон-Тоннерр, действующий военный министр и решительный сторонник военного вмешательства в североафриканскую страну, написал: «Я сожалею, что мы упустили возможность получить славу, полезную для этого народа, который нуждается в чем-то, что время от времени занимает и увлекает его за пределы брожения умов. Ему нужно движение, потому что он подвижен, а его тщеславию нужна военная слава. Вы видите, какую пользу принесла нам война в Испании. Разве не было прекрасно, уничтожив тиранов Испании, уничтожить тиранов Алжира?»¹⁶⁶.

¹⁶³ Ibid. P. 21.

¹⁶⁴ Ibid. P. 21–22.

¹⁶⁵ Ibid. P. 22.

¹⁶⁶ Ibid. P. 23.

Выше нами были рассмотрены причины напряженных отношений между двумя государствами. Но каковы были императивы, повлиявшие на начало военной экспедиции?

Большинство историков сходятся во мнении, что основной причиной захвата Алжира Францией была необходимость упрочить положение Бурбонов. Так, в своей работе американский историк Дж.Э. Сешнс выделяет борьбу за политическую легитимность, которая была вызвана атлантическими революциями XVIII в. Разрушив основы старого порядка, Французская революция и успешное восстание рабов, начавшееся в 1791 г. в Сан-Доминго, обозначили последовавший кризис политической легитимности и колониальной, что, по словам Дж.Э. Сешнс, заставило искать новые пути решения правительствам режима Реставрации Бурбонов и Июльской монархии¹⁶⁷.

Июльская революция 1830 г., в ходе которой был низложен Карл X и возведен на престол его двоюродный брат Луи-Филипп герцог Орлеанский, не привела к кардинальным изменениям. Республика провозглашена не была, всеобщее избирательное право введено не было, а лишь незначительно расширен имущественный ценз, что, впрочем, оставляло голосование привилегией незначительного большинства. Таким образом, революция 1830 г. представляла собой не столько борьбу между республиканством и монархией, сколько кризис легитимности в системе конституционной монархии, созданной после падения Наполеона¹⁶⁸.

Карлу X необходимо было преодолеть нарастающее недовольство правительством Полиньяка и отвлечь внимание общественности от внутренних проблем (экономического спада и т. д.). Таким образом, решение об экспедиции в Алжир носило отвлекающий характер.

Еще одним императивом, толкнувшим Францию к завоеванию Алжира, была идея об обеспечении славы короля и его правительства¹⁶⁹. Следуя этой логике,

¹⁶⁷ Sessions J.E. Op. cit. P. 3.

¹⁶⁸ Цит. по: Sessions J.E. By Sword and Plow. France and the Conquest of Algeria. P. 22.

¹⁶⁹ Ibid. P. 25.

правительство Полиньяка установило календарь выборов весной 1830 г. так, чтобы он совпадал с ожидаемыми этапами экспедиции.

В то же время английский исследователь Д. Тодд, симпатизирующий парадигме «формальной и неформальной империи», созданной Рональдом Робинсоном и Джоном Галлахером в 1953 г., а также вдохновленный работой Бейли (на что он сам указывает), в своем труде «Бархатная Империя: французский неформальный империализм в девятнадцатом веке» предпринимает попытку показать, что главная причина начала экспедиции в Алжир не внутренние проблемы и отвлечение от них, а вполне колониальный замысел¹⁷⁰. Опираясь на идеи Робинсона и Галлахера, он указывает, что именно провал неформального господства выдвинул на первый план формальный, более жесткий тип правления¹⁷¹.

Алжирский исследователь М.С. Букекур предлагает рассматривать причины колониального захвата Алжира в «международном контексте эпохи» и «игре альянсов», подразумевая ослабление Османской империи и усиление европейских государств, в частности, России и Англии, которому Франция пыталась препятствовать¹⁷².

Следующим важным фактором, который стал причиной захвата Алжира, был геополитический. Если посмотреть на карту, то в Средиземном море мы увидим, с одной стороны, Гибралтар, с другой стороны Мальту. Две крепости британской морской державы, две базы ее военного флота, два центра торговли. Между ними, прямо посередине находится Алжир. Напротив – Марсель и Тулон. Захват Алжира англичанами в торговом плане означал бы блокировку двух крупных французских портов, а в военном плане непреодолимое препятствие на пути к свободе действий французского военного флота¹⁷³. Продолжая тему выгодного расположения, также

¹⁷⁰ Todd D. Op. cit. P. 76.

¹⁷¹ Ibid. P. 77.

¹⁷² Boukechour M. S. Op. cit. P. 129.

¹⁷³ Serval P. Op. cit. P. 24; Sessions J.E. Op. cit. P. 6.

Алжир рассматривался как отправной пункт для экспансии в Африку к югу от Сахары¹⁷⁴. Нужно было опередить англичан.

Среди прочих причин следует указать на важную роль наполеоновского наследия – имеется в виду египетская экспедиция Наполеона, которая рассматривалась как «цивилизаторская миссия»¹⁷⁵, и эта идея будет подхвачена в качестве обоснования нового захвата «варварской» страны. И, безусловно, реваншистские идеи последующих правителей после «национального унижения» 1815 г.¹⁷⁶.

Подготовка к экспедиции включала в себя не только военную часть, но и дипломатическую. На международной арене Франция предстала перед Европой, как уполномоченная покончить с рабством и пиратством в Средиземном море, а также сделать южный берег этого моря пригодным для производства и торговли.

Большинство европейских государств не препятствовали планам французской экспедиции¹⁷⁷. Так, Россия Николая I рассчитывала, что с обоснованием французов в Алжире «навсегда» будет обеспечено безопасное судоходство в Средиземном море¹⁷⁸. Единственным реальным препятствием была Англия. Герцог Веллингтон был убежден, что экспедиция обречена на верную неудачу¹⁷⁹. Он хотел получить от Франции если не отказ от экспедиции, то, по крайней мере, письменное обязательство не обосновываться в Африке. Карл X ответил, что: «... не намерен брать на себя никаких обязательств, противоречащих его достоинству и интересам Франции» (10 марта 1830 г.)¹⁸⁰.

Англия пыталась также помешать французским планам через турецкого султана. В Алжир был отправлен Тахир-паша, целью которого было смещение дея

¹⁷⁴ Sessions J.E. Ibid.; Perrot A.-M. Op. cit. P. VI; P. 2.

¹⁷⁵ «Цивилизаторская миссия» – идеологический концепт, характерный для XIX–XX вв., основанный на идее превосходства европейцев над другими «варварскими» народами. Согласно которой, они («просвещенные европейцы») должны принести свою цивилизацию. На деле, «цивилизаторская миссия» была оправданием колонизации.

¹⁷⁶ Sessions J.E. Op. cit. P. 15.

¹⁷⁷ Подробно этот вопрос рассматривает Жерлицына Н.А. Роль стран Магриба... С. 227–231.

¹⁷⁸ Цит. по: Yacono X. Histoire de l'Algérie... P. 67.

¹⁷⁹ Estre H. d'. Les conquérants de l'Algérie (1830–1857). P. 13.

¹⁸⁰ Цит. по: Yacono X. Histoire de l'Algérie... P. 68.

Хусейна и недопущение утверждения Франции в североафриканской стране. Вместе с тем Полиньяк дал понять, что не позволит этого, и Тахир-паша намеренно был задержан сначала французским посольством в Стамбуле, а потом и вовсе был направлен в Тулон французской эскадрой у берегов Алжира. Тем не менее Англия в тот момент сдерживалась внутренними проблемами: борьба партий за избирательную реформу, проблемы со здоровьем короля Георга IV, поэтому идти на разрыв отношений с Францией это правительство не намеревалось.

Объявление о готовящейся военной экспедиции к берегам Алжира, во французском обществе вызвало самые разные предположения относительно ее целей¹⁸¹. Одни считали, что эта кампания нужна не столько для того, чтобы «отомстить за оскорбления», сколько для того, чтобы обеспечить успешную борьбу на выборах с оппозицией. Популярной была следующая точка зрения: ради удара опухолью стоит ли жертвовать жизнями тысяч людей?¹⁸². Другие считали, что экспедиция действует в интересах одного человека, чтобы «смыть с себя пятно» позора (речь идет о де Бурмоне – *А.Л.*)¹⁸³.

Тем не менее, согласно французским источникам, по дороге из Лиона в Марсель де Бурмон был принят очень тепло: в Авиньоне часть населения последовала за ним по дороге, архиепископ выразил в его сторону трогательные слова, в Марселе он получил многочисленные поздравления¹⁸⁴. Более того, известно, что проводились коллективные молитвы, направленные на успешное проведение экспедиции в Алжир¹⁸⁵.

10 мая 1830 г. де Бурмон, выступая с напутственными словами перед армией, в качестве причины начала экспедиции называет «оскорбление, нанесенное французскому флагу»¹⁸⁶ и, чтобы придать пафоса, добавляет, что «взгляд цивилизованных наций старого и нового света сосредоточен на вас <...> Дело

¹⁸¹ Perrot A.-M. Op. cit. P. 24.

¹⁸² Réflexions sur la prise d'Alger. Marseille, 1830. P. 9.

¹⁸³ Perrot A.-M. Op. cit. P. 24–25.

¹⁸⁴ Ibid. P. 28.

¹⁸⁵ Prières pour le succès de l'expédition d'Alger, ordonnées par Mgr l'évêque de Cambrai. Roubaix, 1830.

¹⁸⁶ Perrot A.-M. Op. cit. P. 37.

Франции, это дело человечества...»¹⁸⁷. В соответствии с идеей «цивилизаторской миссии», генерал говорит своим солдатам, что после долгого угнетения, «араб» увидит в них освободителей и будет умолять о союзе. И то, что окончательно должно убедить солдат в «великой» цели экспедиции, это участие августейшего принца в ней¹⁸⁸.

Французская армия была отправлена из Тулона 26 мая¹⁸⁹ и десантировалась на побережье Алжира 16 июня. Как сообщают газеты, «... с этого момента и вплоть до взятия Алжира армия вела непрерывные бои и везде одерживала победы, несмотря на численное преимущество врага. Ожесточение было на пределе с обеих сторон»¹⁹⁰. Генерал де Бурмон в письме президенту Совета министров от 5 июля 1830 г. детально докладывал об экспедиции¹⁹¹. Указав на мастерство и бесстрашие французских солдат, вдохновленных в том числе личным примером таких военных, как генерал Лаитт, де Бурмон отмечал достаточно быструю победу¹⁹².

Начавший мирные переговоры секретарь деа предложил Франции компенсировать расходы на войну. Де Бурмон выставил следующие условия: Касба, форты и порт должны быть переданы французским войскам, а также до тех пор, пока не будет заключен мир, не должна совершаться вечерняя молитва¹⁹³.

Немного позже приехали два мавра (Ахмед Бударба и сын Хамдана бен Османа Ходжи, представляющие местных нотаблей)¹⁹⁴, отправленные деем. Они выразили желание, чтобы договоренности были подписаны на месте и попросили о взаимном прекращении огня. Генерал Валазе использовал этот момент для начала переговоров: приехавшие секретарь деа с английским вице-консулом и консулом,

¹⁸⁷ Ibid. P. 38.

¹⁸⁸ Ibid.; См.: Танышина Н.П. Принц на войне...

¹⁸⁹ О составе армии и вооружении см.: Perrot. A.-M. Op. cit. P. 41–67.

¹⁹⁰ Expédition d'Afrique. Prise d'Alger par l'armée française le 5 juillet 1830 à deux heures après midi. Nouvelles officielles.

¹⁹¹ Rapports sur la prise de la ville d'Alger... P., P. 14–19.

¹⁹² Начало французского захвата Алжира было отражено и в российской печати: Вестник Европы. № 3. 1830; Военный журнал. № 3. 1831; Сын отечества и Северный архив. Часть 150. № 21. 1832.

¹⁹³ Perrot A.-M. Op. cit. P. 38.

¹⁹⁴ Yacono X. Histoire de l'Algérie... P. 73.

выразили желание, чтобы условия мира были зафиксированы письменно¹⁹⁵ (также по просьбе дея был приглашен переводчик Браншвиц).

Конвенция была подписана двумя сторонами и скреплена печатью. Согласно подписанному тексту документа между главнокомандующим французской армией и Его Высочеством деем Алжира, форт Касба и все остальные, которые относились к г. Алжиру, а также порт этого города передавались французским войскам 5 июля 1830 г. в 10 часов утра (время французское); глава французской армии брал на себя обязательство обеспечения личной свободы и безопасности дея Алжира и его семьи, их транспортировки в выбранный пункт; защита гарантировалась всем солдатам ополчения; исповедование мусульманской веры оставалось свободным; население, религия, собственность, торговля и производство не будут подвергнуты никаким посягательствам; женщины будут уважаться¹⁹⁶.

По официальным данным, завоевание Алжира стоило Франции 4–5 тыс. раненых, убитых, больных и др. Алжирцы измерили свои потери более чем 10 тыс. человек раненых и убитых¹⁹⁷.

В газете вышли новости о взятии Алжира французской армией 5 июля в два часа дня¹⁹⁸. Также указана была информация об обнаружении в казне дея 55 млн, 1500 артиллерийских орудий в бронзе, 12 боевых трофеев, арсеналов военно-морского флота, укомплектованных оружием и боеприпасами. В депеше от 9 июля 1830 г. военно-морской министр писал префекту департамента Мозеля графу де Вандевру, чтобы информация по взятию Алжира 5 июля в полдень была предана высокой огласке¹⁹⁹.

Как было обещано французскими властями, для транспортировки дея, его семьи и свиты был назначен корабль «Жанна д'Арк» (*Jeanne d'Arc*). Маршрут в Ливорно дей Хуссейн попросил изменить и направиться в Неаполь²⁰⁰.

¹⁹⁵ Perrot A.-M. Op. cit. P. 133.

¹⁹⁶ Rapports sur la prise de la ville d'Alger... P. 19–20.

¹⁹⁷ Expédition d'Afrique. Prise d'Alger par l'armée française le 5 juillet 1830 à deux heures après midi. Nouvelles officielles.

¹⁹⁸ Ibid.

¹⁹⁹ Dépêche télégraphique de Paris, du 9 juillet 1830, à trois heures. Metz, 1830.

²⁰⁰ Ibid.

В газетах сообщалось о возвращении 17 июля лодки «Сфинкс» (*Sphinx*) из Алжира в Тулон с новостями о героической победе французов²⁰¹.

23 июля 1830 г. морской префект Тулона министру военно-морского флота и колоний сообщал, что корабль «Маренго» (*Marengo*), отправившийся из Алжира 15 числа, должен прибыть с 15 млн, из которых два из французской казны и тринадцать из казны Алжира. Эти 13 млн состоят из золотых и серебряных слитков и золотых монет»²⁰².

Что касается, французской армии, то де Бурмон 10 июля 1830 г. докладывал, что многие ополченцы не хотят пользоваться предоставленной возможностью остаться в Алжире, они чувствуют, что ненависть мавров и евреев приведет к их тяжелому положению²⁰³.

Захват Алжира был сопряжен с новостями о падении режима Бурбонов, которые французская армия приняла «с энтузиазмом»²⁰⁴. Некоторые генералы и полковники, не захотевшие подчиняться новым властям, отправились в Испанию²⁰⁵. 2 сентября де Бурмон опубликовал приказ, в котором говорилось о назначении на его должность генерал-лейтенанта Бертрана Клозеля. И уже 4 сентября на борту «Алжезирас» (*Algésiras*) Клозель обратился с речью к армии об июльских событиях в Париже и избрании новым королем Франции Луи-Филиппа (герцога Орлеанского)²⁰⁶. Позже новый главнокомандующий велел опубликовать прокламацию, обращенную к жителям Алжира, со словами, что задача нового французского короля – обеспечить «навсегда счастье раннее угнетенного народа», правя по справедливости и закону, религия, обычаи которого будут сохранены и уважаться²⁰⁷.

²⁰¹ Expédition d'Alger. Débarquement de l'armée française à Torra-Chica. Victoire remportée par nos troupes. Lyon, 1830.

²⁰² Expédition d'Afrique, armée française, dépêches télégraphiques, Toulon, 23 juillet 1830, à 8 heures du soir. Lyon, 1830.

²⁰³ Ibid.

²⁰⁴ Perrot A.-M. Op. cit. P. 140.

²⁰⁵ Ibid. P. 141.

²⁰⁶ Ibid. P. 144.

²⁰⁷ Ibid. P. 145.

Таким образом, трехвековое доминирование турок в североафриканской стране пало за один день. Более того, алжирский дей не получил поддержки ни от бея Туниса, ни от султана Марокко, которые, в свою очередь, надеялись получить преференции от Франции. Прогнозы французской оппозиции и таких военных, как Веллингтона, насчет провала французской экспедиции не оправдались. Даже, наоборот, экспедиция 1830 г. обошлась меньшими жертвами по сравнению с предыдущими (имеется в виду Карл V в 1541 г. и О'Рейли в 1775 г.)²⁰⁸.

Объявление о взятии Алжира не имело большого отклика во Франции. Это лишь вызвало переживания о возможной длительной войне, значительных расходах и угрозах национальной безопасности страны. В то же время в Марселе, где, в первую очередь, торговые круги были заинтересованы перспективными взаимоотношениями, это новость широко обсуждалась.

1.3. Алжирский вопрос во Франции в период «неопределённости»: 1830–1834 гг.

Колониальный дискурс по алжирскому вопросу в период Июльской монархии (1830–1848) во многом определялся принятыми политическими решениями, экономическими интересами, международной обстановкой, а также военными победами или поражениями в североафриканской стране. Непримируемая борьба между сторонниками и противниками колонизации проявилась в дебатах в Парламенте, а впоследствии в специально созданных комиссиях по Африке, а также брошюрах, петициях.

Захват Алжира был сопряжен с революционными событиями во Франции. Июльская революция 1830 г. покончила с режимом Реставрации, и новому правительству Луи-Филиппа нужно было решить вопрос касательно настоящего и будущего алжирского Регентства. Принятие четкой политической линии осложнялось рядом факторов. В первую очередь, оно было обусловлено

²⁰⁸ Yacono X. Histoire de l'Algérie... P. 74.

международной обстановкой. Июльская монархия нуждалась в поддержке Великобритании, правительство которой было обеспокоено тем, что североафриканское завоевание Франции пошатнет ее позиции в Средиземноморье (имеется в виду Гибралтар и Мальта) и нарушит европейский баланс сил.

Согласно А. Жиро, французское правительство не хотело завоевывать Алжир из-за вполне реальных претензий со стороны английского правительства, но в то же время оно не хотело и эвакуироваться оттуда, что выглядело бы как отступление²⁰⁹. Именно поэтому, по его мнению, впоследствии оно выбрало политику ограниченной оккупации, чтобы дождаться подходящего момента. Когда местные племена начали борьбу против французов, под эгидой защиты флага, было объявлено о завоевании Алжира²¹⁰.

Английский кабинет рассчитывал, что новое правительство выступит за уход из Алжира²¹¹. Французский посол в Великобритании Ш.-М. Талейран старался избегать этого вопроса, надеясь на то, что все привыкнут к оккупации²¹². Тем не менее он выступал за идею того, чтобы покинуть Алжир, но встретив оппозицию в лице министра иностранных дел графа Л. Моле, вынужден был отказаться от нее. Л. Моле также смог убедить правительство и Луи-Филиппа в необходимости сохранения Алжира²¹³. В итоге «Пальмерстон простил Алжир нации, которая отказалась от Антверпена»²¹⁴.

Позиция Великобритании также рассматривалась в колониальном дискурсе того времени. В работе депутата А. Дежобера мы встречаем тезис в антиколониальной риторике о том, что возражений со стороны Великобритании по поводу французского завоевания не было. Нагнетание обстановки, обусловленное тем, что в случае эвакуации из Алжира, другая страна займет место Франции,

²⁰⁹ Girault A. Principes de colonisation et de législation coloniale. Troisième partie: l'Afrique du Nord. 1. L'Algérie. Cinquième édition, revue et augmentée. P., 1926. P. 42.

²¹⁰ Ibid.

²¹¹ Julien Ch.-A. Op. cit. P. 78.

²¹² Ibid.

²¹³ Таньшина Н.П. Политическая борьба во Франции по вопросам внешней политики в годы Июльской монархии: диссертация... С. 325.

²¹⁴ Julien Ch.-A. Op. cit. P. 78.

оценивалось им не более чем оправдание сторонников колонизации для формирования общественного мнения в сторону колонизации²¹⁵.

Постоянная смена военкомандующих Алжиром (с июля 1834 г. был введен пост генерал-губернатора Алжира): за первое десятилетие с момента оккупации их сменилось четырнадцать, приводила к расхождению деятельности на местах и политической линией, проводимой Парижем. Они часто имели различные взгляды на свою военную миссию, что в том числе мешало осуществлению единой политики.

Как справедливо отмечает французский историк Э. Бле, часто в историографии (Ш.-А. Жюльен, Ш.-Р. Ажерон, Б. Стора и др.) выдвигается тезис о том, что у французского правительства не было четкого плана относительно североафриканского завоевания после высадки в Алжире в 1830 г.²¹⁶. Между тем у историка К. Яконо мы встречаем обратное утверждение. Он приводит в качестве доказательств директиву от сентября 1830 г., адресованную Ш.-М. Талейрану, в которой говорилось о противоречии эвакуации из Алжира «нашему» (т. е. французскому) достоинству и интересам²¹⁷. Также он упоминает указания военного министра Жерара от 30 октября 1830 г. генералу Клозелю, говорящие о том, что правительство имело «намерение основать на территории Алжира важную колонию»²¹⁸. Исследователь заключает, что Июльская монархия быстро утвердила свои аннексионистские взгляды. Эти же аргументы мы встречаем в работе современника данных событий, противника колонизации А. Дежобера²¹⁹.

Во французском Парламенте не было единого мнения на «алжирский вопрос». Более того, он породил полемику, в которой сталкивались различные взгляды: начиная от вдохновленных Старым режимом, сторонников либеральной экономики, которые рассматривали Алжир как «бремя метрополии» до

²¹⁵ Desjobert A. *Op. cit.* P. 10–12.

²¹⁶ Blais. H. *Op. cit.* P. 19. Алжирский историк М.-Ш. Сахли в этом смысле выдвигает обвинения в идеологической ангажированности к французским ученым, например, Ш.-А. Жюльену. См.: Sahli M.-Ch. *Op. cit.* P. 84.

²¹⁷ Yacono X. *Histoire de l'Algérie...* P. 79.

²¹⁸ *Ibid.*

²¹⁹ Desjobert A. *Op. cit.* P. 30.

соображений, относящихся конкретно к специфике Алжира. Через эти дебаты Алжир становится основой для обсуждений на тему самой идеи колонизации. Противоречивые концепции о том, каким должно быть колониальное пространство, напрямую связаны с политической практикой и решениями, которые в значительной степени влияют на будущее Алжира²²⁰.

Таким образом, на первый план выдвигается вопрос: должна ли Франция сохранить свое завоевание в Северной Африке? Французский историк Ш.-А. Жюльен обозначил период с 1830 г. по 1834 г. как время «неопределенности»²²¹. Франция занимала Алжир в военной форме, но без плана колонизации. Между тем Парламент, равно как и проколониальные лобби, требовали от государства определенности и гарантий.

Наиболее явно дискурс по алжирскому вопросу проявился в работе Парламента. Интерес к данной теме появлялся при обсуждении бюджета и, несмотря на отсутствие плана, из него выделялись значительные суммы. В 1833 г. (впервые, тема североафриканского завоевания обсуждалась Палатой 15 ноября 1830 г.) во время обсуждения формирования бюджета и расхода этих средств депутат от Де-Севра – Оги, указывал на почти двукратное увеличение расходов на внутреннюю администрацию алжирского Регентства. Бюджет был принят в апреле 1832 г., постановили выделить до 549 000 франков, а уже в мае эти средства были в полном объеме поглощены, и требовался новый транш, практически равный этому. Он также акцентировал внимание на том, что для точных расчетов бюджета и его утверждения парламентариям надо знать всю правду о «войне». Эта мысль была поддержана депутатом от Сены, Сальвертом, который дополнил, что бюджеты должны быть составлены на основе очень точных прогнозов и дополнительные расходы возможны в случае высокой необходимости²²².

Сторонник колонизации, барон Пеле, депутат от Луар и Шер, также указывал на необходимость того, чтобы общественность и Палата знали о расходах,

²²⁰ Blais. H. Op. cit. P. 21.

²²¹ Julien Ch.-A. Op. cit. P. 65.

²²² Archives parlementaires, recueil complet des débats législatifs et politiques des Chambres françaises de 1800 à 1860... T. 80. P. 681–682.

связанных с Алжиром. Алжир находился в состоянии завоевания, а не в состоянии колонии. Речь шла о том, чтобы вывести его из того состояния в состояние колонии²²³.

Важным вопросом, который волновал буквально всех: колонистов, депутатов, торговые круги юга Франции, был вопрос, намеревается ли Франция дальше вести завоевание или покинет Алжир. Именно с принятием четкого решения многие связывали вектор своих дальнейших действий.

Депутат от Алье, де Траси, буквально требовал разъяснений о будущем Регентства: «Я говорю *оккупация*, потому что, не знаю, как назвать владение, осуществляемое Францией на этом побережье»; «Алжир – это владение, которое мы временно занимаем? Это колония, на которую предназначены миллионы и люди?»²²⁴.

Выступавшие депутаты требовали ответа со стороны высших государственных чиновников. Председатель Совета, военный министр маршал Н. Сульт, вынужден был отчитаться, что Франция занимает Алжир, Бон и Оран и ведется работа по укреплению этой оккупации. Между тем он уточнял, что несмотря на отсутствие проекта у правительства, оно не намерено отказываться от побережья Африки²²⁵. Тем не менее это не вносило ясность в этом вопросе. Члены палат вынуждены были возвращаться к данной теме раз за разом.

Так, на заседании Палаты депутатов 8 марта 1833 г. Гаэтан де Рошфуко, депутат от Шера, искал уточнения насчет судьбы Алжира, «будет ли это колонией или, как Корсика, частью королевства», и поставил на обсуждение три вопроса: Должны ли мы сохранить Алжир? Как им нужно управлять? Каковы способы его колонизации?»²²⁶. Тем самым он обозначил наиболее важные темы, по которым велись дебаты.

²²³ Ibid. P. 718.

²²⁴ Ibid. P. 689–690.

²²⁵ Ibid. Граф Штакельберг будет вспоминать «старую» пословицу в 1847 г. о том, что кто владеет Теллем, тот владеет и Северной Африкой. См.: РГВИА. Ф. 452. Оп. 1. Д. 294. Л. 1.

²²⁶ Ibid. P. 711.

Выступая за колонизацию, Г. де Рошфуко приводил типичные для сторонников колонизации аргументы в ее пользу: процветание колонии придаст блеск новому военному министру (Н. Сульту), будут учтены торговые интересы французского бизнеса (экзотические товары), будет установлена выгодная для метрополии таможенная система, откроется возможность доминирования в Средиземноморье. Но, как он сам признавал, наиболее высокий интерес к сохранению Алжира виделся в том, чтобы «цивилизовать народы, которые все еще являются варварами, призвать к образованию <...> и наконец, к нашему благосостоянию»²²⁷. Таким образом, Франции отводилась роль формирования нации, причем не только на берегах Алжира, но и с перспективой в Центральной Африке. Противники колонизации впоследствии будут обвинять ее сторонников, что, прикрываясь мантией «цивилизаторской миссии», они оправдывают насилие над местным населением.

Рассматривая вопрос, как следует управлять страной, Г. де Рошфуко поднял тему взаимодействия между гражданской и военной администрацией. Он обвинял министерство, которое, порицая либеральные принципы маршала Этьена Мориса Жерара, установило в Алжире абсолютную военную власть²²⁸. Основную причину актуального положения дел, он видел в том, что военное министерство регулировало все вопросы, касающиеся Алжира. Так, генерал-губернатор составлял бюджет и распоряжался платежами, и все это с единоличного одобрения министерства. Военные ведомства регулировали таможенную систему, устанавливали тарифы и т. д.²²⁹.

Г. де Рошфуко воспроизвел наиболее распространенные мнения о том, как следует управлять в североафриканской стране: в Алжире, унаследованным от турок, можно управлять только как они; невозможно цивилизовать арабов, а поддерживать мир можно только с помощью террора; колонизация станет осуществимой после того, как вся страна будет очищена от «туземцев»²³⁰. Исходя

²²⁷ Ibid. P. 712.

²²⁸ Ibid.

²²⁹ Ibid. P. 713.

²³⁰ Ibid. P. 712.

из мысли, что правительство было введено в заблуждение подобными идеями, Г. де Рошфуко, как сам признавался, не призывал к ответственности отдельных лиц, а критиковал только систему.

Г. де Рошфуко обратил внимание на тему отношений с местным населением. Апеллируя в очередной раз к маршалу Жерару, он указал на то, что точку опоры нужно искать в интересе и привязанности населения. Ведь, по его словам, мавры, арабы и бедуины Регентства относились благосклонно к французам и вместо того, чтобы действовать гуманно, и в их интересах был выбран путь террора²³¹.

Таким образом, он критиковал невыполнение властями обещаний генерала Б. Клозеля (его постановление от 7 декабря 1830 г., касательно налогообложения жителей Алжира, которым обещали, что вводить чрезвычайные налоги не будут), что, однако, было нарушено. Положение местных племен, занимающихся сельским хозяйством, тоже омрачалось введением дополнительных налогов, что приводило к тому, что они покидали свои дома²³².

Он не обошел вниманием тему насилий завоевания: уничтожение мечетей, осквернение местных кладбищ, уничтожение могил для строительства на их месте ветряных мельниц (мрамор, который прикрывал захоронения, был вывезен и продан в Марселе). Г. де Рошфуко привел примеры газет, где факты насилия не были опровергнуты властями – коллективная ответственность племен за преступление совершенного группой лиц; нападения ночью и убийство детей, стариков, женщин; убийства без суда и следствия (пример убийства предполагаемого шпиона жестоким способом: он был изрублен на куски, а его голова была прибита гвоздями к городским воротам)²³³. Безусловно, все эти жестокости завоевания не могли расположить к себе местное население, а наоборот отдаляли это. Противники колонизации очень часто апеллировали именно к проблеме отношений с местным населением и обвиняли сторонников колонизации в намерениях его истребить.

²³¹ Ibid. P. 714.

²³² Ibid. P. 713–714.

²³³ Ibid.

Рассматривая тему колонизации, Г. де Рошфуко пришел к выводу, что без решения по первым двум вопросам она не представляется возможной. В связи с этим он говорил о необходимости объявления о своем завоевании и намерении сохранить страну, определиться, каким будет правительство: пусть оно будет либеральным, защищающим все интересы и справедливым, основанным на законах, чтобы обеспечить жителям не только временную безопасность, но и процветание страны.

Взгляды Г. де Рошфуко разделяли не все члены Палаты, так, граф Александр де Лаборд, депутат от Сены не соглашался с ним по поводу гражданского и военного конфликта. А. де Лаборд указывал на существование двух преувеличенных мнений по поводу того, как видится устройство Регентства: одно из них сводилось к так называемому «*balayer le sol*» (подмести землю), то есть изгнать или истребить местное население, чтобы его заменить на европейских поселенцев, а второе основывалось на даровании Хартии народу, который понятия не имеет о политических правах²³⁴. По мнению парламентария, для основания колонии нужна была единая власть, которая могла бы действовать мудро и энергично, сочетая средства защиты, чтобы обеспечить средства труда. По мере того как страна будет обогащаться, можно будет усовершенствовать и вводить новые институты.

Так как парламентарии требовали реакции от высших правительственных чиновников, маршал Н. Сульт, подтвердил свой тезис о том, что Франция оккупирует Алжир и другие районы Африки. Между тем добавил, что нет никаких обязательств, взятых перед иностранными государствами, и Франция вольна делать все, что сочтет нужным, кроме согласования своих интересов с общей политикой правительств других государств²³⁵.

Отвечая на критику Г. де Рошфуко, Н. Сульт объяснял расходы в первую очередь необходимостью защиты от постоянных набегов арабов и строительством оборонительных сооружений. Маршал также указал на трудности «цивилизовать»

²³⁴ Ibid. P. 714–715.

²³⁵ Ibid. P. 715–716.

народ с другой религией, народ, который себя считает хозяином своей земли и думает, как бы вытеснить французов, установившихся на ней в ходе завоевания, не говоря уже о всевозможных инсинуациях со стороны Империи Марокко и бея Константины²³⁶.

Что касается администрации, то Н. Сульт, вспоминая о министерстве Казимира Перье, говорил, что абсолютная независимость гражданской администрации делает службу почти невозможной и вызывает неразбериху. Подчинение этой администрации главнокомандующему, сохраняя при этом разделение двух служб, вернуло централизацию, а гармония, которой не было, восстановилась. Касаясь вопроса о недостатках системы правосудия, Н. Сульт акцентировал внимание на неоднородности местного населения (мавры, евреи, европейцы), что создает определенные трудности. Для его упорядочивания и лучшего понимания правительство направило туда специального человека для необходимых проверок, и в дальнейшем на базе этих материалов будет составлен проект²³⁷.

Депутат от Арьежа, Жоли в своей речи отводил внимание торговым кругам юга и просил определиться с колонизацией, иначе ожидание будет разорительным для Франции, так как, уже местные жители, напуганные военным аппаратом и реквизициями, увидели во французах не друзей и братьев, несущих цивилизацию, а завоевателей, которые хотят лишить их богатства с помощью военных реквизиций.

Депутат де Лаборд, рассматривая возможность привлечения кампаний к колонизации Алжира, апеллировал к тому, что им нужны уверенность, гарантии и безопасность, поэтому необходимо как можно скорее, принять меры²³⁸.

Таким образом, в ходе дебатов не было принято четкого решения. В результате для этой цели была создана специальная парламентская комиссия (сначала в Палате пэров, специальная комиссия была создана 19 апреля. Потом 7

²³⁶ Ibid. P. 716.

²³⁷ Ibid.

²³⁸ Ibid. P. 717–718.

июля военный министр Н. Сульт предложил создать комиссию для поездки в Африку).

7 июля 1833 г. король Луи-Филипп одобрил создание Специальной комиссии, которой было поручено отправиться в Африку и «собрать на месте все факты»²³⁹ для лучшего понимания внутреннего состояния страны и необходимых мер в будущем. Также король постановил, что по возвращении этой комиссии новая комиссия, в состав которой войдут члены первой, должна будет обсудить собранные сведения, чтобы предоставить подробный отчет правительству. Помимо прочего, комиссия была наделена полномочиями вызывать для консультаций всех, кого она сочтет полезным для своей работы. Различные министерские департаменты должны были предоставлять в распоряжение комиссии документы, которыми они располагают, необходимыми для более полного исследования²⁴⁰.

Таким образом, ордонанс от 12 декабря 1833 г. Луи-Филиппа назначил 19 человек в составе новой комиссии, ответственной за сбор и обсуждение всех фактов и документов, касающихся Регентства Алжир»²⁴¹. Президентом комиссии стал герцог Деказес, остальными членами стали: генерал-лейтенант, французский пэр, граф Гийемино; генерал-лейтенант, французский пэр, член первой комиссии, граф Боне; французский пэр, член первой комиссии, граф д'Оберсар; французский пэр, барон Моннье; члены Палаты депутатов и первой комиссии, де Ла Пенсонньер, Лоранс, Пискатори, Реинар; члены Палаты депутатов и государственные советники Дюшатель и Дюмон; члены Палаты депутатов Пасси, граф де Сад, Бод; генерал-лейтенант Бернар; морской префект Тулона, вице-адмирал Дюкамп де Росамель; член первой комиссии, фельдмаршал (лагерный маршал) Монфор; военачальник, барон Воллан; член первой комиссии, капитан судна Дюваль д'Айи²⁴².

Одним из первых вопросов, рассматриваемых на заседании Комиссии, стала проблема преимуществ и издержек владения Регентством Алжир. Так, 15 января

²³⁹ Procès-verbaux et rapports de la commission d'Afrique instituée par ordonnance du roi du 12 décembre 1833. P. 3.

²⁴⁰ Ibid. P. 3–4.

²⁴¹ Ibid. P. 5.

²⁴² Ibid. P. 5–6.

1834 г. один из членов выразил мнение, что интересы и нужды Франции побуждают ее к необходимости сделать из своих владений в Африке сельскохозяйственную, торговую и военную колонию, объясняя это тем, что от плодородия местных земель они ожидают массового производства, от торговли – перспективы открытия нового рынка для продукции наших мануфактур²⁴³. Под военной колонией имелось в виду установление на месте значительного количества французской армии для обеспечения порядка, что было очень дорогостоящей статьёй расходов казны.

Между тем идеи о сельскохозяйственной и торговой колонии вызвали полемику. Так, другой член Комиссии высказал мысль, что не во всех местах Регентства Алжир можно установить сельскохозяйственную колонию, так как, это зависит от плодородия почвы, настроения местного населения, часто настроенного враждебно. Более того, он говорил о безумии мыслей, о том, что речь идет о колонизации очень богатой страны. Товары, которые сможет поставлять североафриканская страна – зерно, масла, воск. Равно как и для торговли нужны хорошие гавани, такие как Бужи. Тем не менее военная экспедиция в Бужи, приведшая к большим потерям местного населения, по мнению оратора, несмотря на свой успех, никогда не забудется ими²⁴⁴.

Полемика по этому вопросу продолжилась на следующем заседании 16 января 1834 г.²⁴⁵, где один из членов, ставя вопрос о выгоде колонизации, предлагал сравнить расходы и результаты от этого предприятия. Он апеллировал к тезису, что «... есть уверенность в увеличении расходов и неуверенность в результатах»²⁴⁶. Так, размышляя о производстве масла и шелка, оратор акцентировал внимание на трудоемкости и затратности по времени, а также об удаленности этих производств. Под сомнение он ставил и «необычайное плодородие» африканских земель. Он говорил о высоком уровне антисанитарии. Его поражала мысль, что «... мы будем производить мало и дорого...»²⁴⁷, он утверждал, что во Франции есть

²⁴³ Ibid. P. 19.

²⁴⁴ Ibid. P. 20.

²⁴⁵ Присутствовало 18 человек по списку. Ibid. P. 24–31.

²⁴⁶ Ibid. P. 25.

²⁴⁷ Ibid. P. 26.

департаменты, которые нуждаются в развитии, и сумма, эквивалентная вложениям в Регентство Алжир, даровала бы им процветание, богатство, развитие промышленности²⁴⁸. Говоря о коммерческих выгодах, оратор указывал на то, что Франции придется начинать с создания «всего», чтобы там покупать и продавать, а, также сформировать потребителей и обеспечить их покупательской способностью. Подводя итог, этот член Комиссии констатировал, что выгоды очень далеки от того, чтобы компенсировать расходы для Франции, и он «никому не посоветует искушать судьбу в этой колонии, которую надо еще создать», и что расходы от 30 до 40 млн слишком огромны для туманного будущего²⁴⁹.

На заседании Комиссии от 20 января 1834 г. принял участие генерал Валазе, высказавший свои идеи по вопросам колонизации Регентства Алжир. В первую очередь генерал обращал внимание на волнующий всех вопрос об армии. Валазе уверял, что на тот момент, количество французских вооруженных сил достаточно на месте, и их хватит не только для захвата Алжира, но и для отражения любых внутренних вражеских атак, тем не менее при одновременной внутренней и внешней атаки французские войска испытают сложности и вынуждены будут покинуть занятые пункты²⁵⁰.

Таким образом, общий рапорт об оккупации различных пунктов Регентства, об организации управления и о расходах на 1834 и 1835 гг., принятый на заседании Комиссии 7 марта 1834 г., подвел итоги деятельности Комиссии. Он начинался преамбулой, где в качестве «оправдания» военной экспедиции в Алжир, указываются возложенные на французскую армию чаяния всех христианских народов на борьбу против пиратства, угрожавшему всему Средиземноморью. В ней же говорилось о намерениях правительства «сделать из Регентства Алжир владение постоянное и прочное»²⁵¹.

Там же рассматривались проблемы, с которыми столкнулись в Регентстве (до 1833): это и нехватка поселенцев (рабочих рук); болезни и нищета, поглотившие

²⁴⁸ Ibid.

²⁴⁹ Ibid. P. 27.

²⁵⁰ Ibid. P. 35–36.

²⁵¹ Ibid. P. 391–392.

новых земледельцев; нерешительная политика, часто сопряжённая с насилием; враждебность местного населения по отношению к французским войскам; отсутствие четкой политики; отсутствие безопасности и уверенности в завтрашнем дне как у местного населения, так и у колонистов; частые изменения в органах власти, ошибки в администрировании²⁵². Все это поднимало немало вопросов о целесообразности сохранения этих территорий, чем и была занята эта Комиссия.

На заседаниях заслушивались доклады, отчеты, а также вызывались французы и мавры, находящиеся в Париже и обозначенные как люди, которые могли дать полезные сведения о стране. Только спустя 40 заседаний был подготовлен этот сводный отчет, разделенный на две части: первая посвящена фундаментальным вопросам покинуть или остаться в Алжире, какой масштаб должен быть у оккупации, какой должна быть система правления; вторая часть посвящена гражданской администрации и вопросам судопроизводства и финансам.

Главный вопрос первой части – остаться в Регентстве или покинуть. И чтобы ответить на этот вопрос, нужно обратиться к цели экспедиции, которая, согласно авторам документа, состояла в избавлении Средиземноморья от пиратов²⁵³. С пиратством было покончено, Франция удовлетворила чувство собственной славы.

В итоге Комиссией были приняты следующие положения: честь и интересы Франции диктуют ей сохранить владения в северной Африке; военную оккупацию следует ограничить городами Алжир, Оран, Бон, Бужи и на определенных территориях перед Алжиром и Боном, которые, в свою очередь, должны быть укреплены линией постов; эффективные силы, задействованные в Регентстве, должны быть уменьшены, как только это станет возможным до 21 тыс. чел. и распределены следующим образом: на защиту Алжира и прилегающих территорий – 12 тыс. чел., Бон и прилегающие территории – 4 тыс. чел., Оран – 3 тыс. чел., Бужи – 2 тыс. чел.; вполне можно использовать военные силы туземцев как вспомогательные для французских войск²⁵⁴; все вопросы, которые во Франции

²⁵² Ibid. P. 392–393.

²⁵³ Ibid. P. 397.

²⁵⁴ Ibid. P. 455.

регламентируются законодательной властью, должны решаться «во французских владениях на северном побережье Африки» ордонансами короля, обсужденными в Совете министров, и в связи с этим предлагается издать закон, который бы делегировал королю законодательные полномочия в этих владениях; генерал-губернатор, являющийся хранителем королевской власти, должен объединить все гражданские и военные полномочия, которые должны регулироваться ордонансами короля, обсужденными в Совете министров, а также инструкциями, которые будут даны ему в отношении общего правления; приказы короля по всем аспектам службы должны передаваться генерал-губернатору только государственным секретарем, председателем Совета министров, однако по вопросам касающимся персонала в финансовой и судебной сфере генерал-губернатор напрямую должен общаться с соответствующими министрами²⁵⁵; власть генерал-губернатора, который будет сидеть в г. Алжире, будет распространяться на все части французских владений; гражданское управление будет осуществляться по распоряжениям генерал-губернатора через поставленных в Алжире, Оране, Боне, Бужи функционеров, взаимодействующих напрямую с генерал-губернатором; правила, установленные во Франции, в отношении разделения военной власти и гражданской должны соблюдаться при определении полномочий командиров и функционеров, однако, генерал-губернатор должен иметь право делегировать военным командирам на оккупированных территориях часть своих полномочий, которые он сочтет подходящими; первой обязанностью генерал-губернатора должно быть обеспечение безопасности людей, уважение собственности и свободы культов (вероисповедания), защита сельского хозяйства и торговли, что прибегать к военной силе только для подавления агрессии²⁵⁶; генерал-губернатор должен приложить все усилия, чтобы распространить суверенитет Франции на те части Регентства, которые еще не подчинены; генерал-губернатору должен помогать совет из генерала командующего войсками в Алжире, управляющего провинцией Алжир, должностного лица по судебным

²⁵⁵ Ibid. P. 456.

²⁵⁶ Ibid.

делам, назначенный королем, военного интенданта, директора по финансам; необходимо установить специальный бюджет правительства Алжира, где будет отображена вся сумма расходов в североафриканской стране²⁵⁷.

В Парламенте тем не менее дебаты не были завершены²⁵⁸. Результаты работы Комиссии по Африке и прежде всего выводы, сделанные по итогам ее работы, очень быстро оспаривались оппозицией, считавшей недостаточными аргументы в пользу колонизации.

Решение алжирского вопроса волновало европейских колонистов, обосновавшихся в североафриканской стране. Так, колонисты Алжира в своей петиции от 3 июня 1833 г., адресованной Палате депутатов, говоря о политических причинах нестабильности в колонии, указывали именно на отсутствие четкой линии и решительных действий со стороны правительства в вопросах колонизации Регентства²⁵⁹. А также высказывали свое беспокойство после чтения дебатов в английском Парламенте по «алжирскому вопросу», где право Франции владеть колонией было опротестовано²⁶⁰. Между тем они указывали на то, что владение и колонизация Францией Регентства не может ставиться под сомнение, так как теперь это совершившийся факт, потому что все крупные государственные органы признали своими актами колонию Алжир. Таким образом, колонисты заключили, что «Алжир – это французская колония, колония, признанная и основанная правительством, <...> она часть империи, которую никакая сила и никакая воля не могут оторвать от нее»²⁶¹ и для подтверждения этого тезиса прикрепили аргументированный список²⁶², а также обращаясь к депутатам, высказали просьбу ввести широкую, полную, законную систему колонизации или возобновить систему, предложенную маршалом Клозелем²⁶³.

²⁵⁷ Ibid. P. 457.

²⁵⁸ Н.П. Таньшина рассматривает в своей работе политическую полемику по алжирскому вопросу в 1840-е гг.: Таньшина Н.П. Завоевание Алжира и политическая полемика во Франции в 40-е годы XIX века // Восточный архив. 2004. № 11-12. С. 53–58.

²⁵⁹ Pétition des colons d'Alger à la Chambre des Députés. P. 6–7; P. 11.

²⁶⁰ Ibid. P. 6; P. 11.

²⁶¹ Ibid. P. 7.

²⁶² Ibid. P. 7–11.

²⁶³ Ibid. P. 12.

Проекты по колонизации Алжира присылали граждане Франции для их рассмотрения в Палате депутатов в 1830–1834 гг.²⁶⁴. Отечественный историк, Е.А. Прусская, опираясь на архивные документы, приходит к выводу, что в большинстве своем данные проекты были утопичны, так как знания и представления о североафриканской стране были неполными и не всегда отражали действительное положение дел²⁶⁵. Как правило, они сводились к идеям увеличения авторитета Франции на международной арене, доступу к колониальным богатствам и переселению «неудобного» населения в Регентство²⁶⁶.

Взгляды военных, как было сказано выше, часто шли вразрез с директивами из Парижа. Б. Клозель, сменивший де Бурмона, руководил Алжиром дважды (12.08.1830–21.02.1831 – в качестве главнокомандующего армией Африки), (08.07.1835–12.02.1837 – в качестве генерала-губернатора)²⁶⁷. Являясь сторонником колонизации, он открыто заявлял, что после тщательного изучения с октября 1830 г. предложил французскому правительству колонизировать Алжир, сделав вывод, что нет никаких препятствий на пути осуществления этого «обширного и прекрасного предприятия»²⁶⁸.

В действительности Клозель видел только две реальные проблемы, которые можно было услышать в колониальном дискурсе: это враждебность местного населения и опасные для здоровья условия²⁶⁹. Тем не менее даже они не вызывали у него сложностей для реализации колонизации. Арабы, мавры, евреи, по его мнению, наиболее благосклонны к французам, однако они опасались, что французы эвакуируются оттуда, поэтому необходимо провозгласить о колонизации²⁷⁰. Также он упоминал о необходимости сохранить обещания, данные этим группам населения в период завоевания²⁷¹.

²⁶⁴ Прусская Е.А. Указ. соч. С. 31–43.

²⁶⁵ Там же. С. 42.

²⁶⁶ Там же. С. 43.

²⁶⁷ Период с 1830 по 1831 г. подробно рассматривается в работе: Чиняков М.К. Указ. соч.

²⁶⁸ Clauzel В. Op. cit. P. 1.

²⁶⁹ Ibid.

²⁷⁰ Ibid. P. 2.

²⁷¹ Ibid. P. 32.

Клозель отрицал мнение тех, кто считал возможным истребление местного населения подобно испанцам, истребившим мавров и мексиканцев. Он указывал, что это плохой пример, так как испанцами двигали не политические мотивы, а религиозный фанатизм, что у французов было маловероятным²⁷².

Рассматривая опасные для здоровья условия, Клозель сравнивает Алжир с Америкой (в данном контексте рассматривается долина Митиджи) и приходит к выводу, что легче устранить их здесь²⁷³. А также он сравнил Алжир с некоторыми частями Франции, особенно со Средиземноморским побережьем (от Коллиура до устья Роны) и побережьем Бретани (особенно окрестностями Рошфора)²⁷⁴, говоря, что никто из-за этого страну не покинул.

Клозель видел колонизацию Алжира с освоением Митиджи, так как, по его мнению, она занимала центральное месторасположение, поблизости к местному правительству, магазинам и порту²⁷⁵, а также представлялась более легкой и менее дорогостоящей для обороны, нежели, допустим, Бон²⁷⁶. Митиджа упоминается не без причины: сам Клозель вложил достаточно собственных средств в фермы, расположенные в этом месте. Впоследствии он будет подвергаться критике по этому поводу и обвиняться в земельных спекуляциях. Он также выступал против идеи, чтобы сначала колонизировать массив Алжира и ограничиться этими территориями. По его словам, лучше покинуть вообще страну в таком случае. Для защиты он предлагал установить оборонные посты у подножия Атласа. Он выступал против популярной идеи среди членов Парламента и министров, что достаточно оккупации только Бона, Бужи, Орана и Алжира, аргументируя, что этого недостаточно будет для хороших результатов в торговле²⁷⁷. Продолжая говорить об обороне, он предлагал поставить перед всеми аванпостами зуавы (в 1830 г. по инициативе Клозеля были созданы военные соединения из населения

²⁷² Ibid. P. 4.

²⁷³ Ibid. P. 6.

²⁷⁴ Ibid. P. 9.

²⁷⁵ Ibid.

²⁷⁶ Ibid. P. 10.

²⁷⁷ Ibid. P. 12–13.

племя – зуауа), считая, что они отлично справятся с проблемой взаимодействия с арабами²⁷⁸. Говоря о проблеме заселения европейскими колонистами этих земель, он указывал, что это полностью зависит от государства и его намерений, и даже рассматривал возможность военной колонии, а также возможность смешанных союзов между французскими солдатами и бедуинскими женщинами как мощного средства сближения двух наций, так как эти «варвары» испытывают нежные чувства к детям²⁷⁹.

Что касается земельного вопроса, то согласно мыслям Клозеля, являясь преемником Старого режима, можно получить бесплатные концессии, а также купить земли у местных племен и перепродать колонистам²⁸⁰. Наконец, Клозель обращал внимание на необходимость определения и указывал на тройную выгоду: социальную, политическую, торговую. И добавлял: «Оккупировать, не колонизируя, значит разориться; колонизировать, значит обогатиться»²⁸¹.

Обращаясь к теме местного законодательства, он указывал: «Я не думаю, ни о том, чтобы даровать им все французские законы, ни о том, чтобы от всех них отказаться»²⁸². Он также видел сложность в том, что население Регентства неоднородно, что требует дополнительного изучения и рассмотрения и следовало бы прислать компетентную комиссию для этого. Говоря об администрации, он указывал, что генерал-губернатор должен объединять в своих руках всю власть, и пока не произошло подчинения страны и создания колонии, генерал-губернатором может быть только генерал. Несмотря на военную специфику, он должен обладать административными способностями и юридическими знаниями. Все эти условия необходимы для согласованности действий²⁸³.

Тем не менее не все его действия нашли поддержку со стороны правительства. В феврале 1831 г. Клозель покинул свой пост из-за

²⁷⁸ Ibid. P. 18.

²⁷⁹ Ibid. P. 23–24.

²⁸⁰ Ibid. P. 25–26.

²⁸¹ Ibid. P. 28.

²⁸² Ibid. P. 29.

²⁸³ Ibid. P. 29–32.

несогласованности действий с Парижем. Речь идет о секретном договоре, который он подписал с беим Туниса. Правительство Луи-Филиппа договор не признало²⁸⁴. Более того, Бертезен (приемник Клозеля) проинформировал маршала Н. Сульта о земельных спекуляциях своего предшественника²⁸⁵.

Не было единого мнения по алжирскому вопросу и в правительстве. Так, многие министры, такие как Дюшатель (министр торговли), Риньи (министр морских дел и колоний) выступали против дальнейшей оккупации Алжира. Равно как и Ф. Гизо (министр народного просвещения) относился скептически к этой идеи²⁸⁶.

Таким образом, несмотря на разногласия в правящих кругах, период «неопределенности» закончился принятием концепции ограниченной оккупации. Королевские ордонансы от июля 1834 г. одобрили продолжение оккупации, занимаемые территории Алжира, Орана, Бона и Бужи квалифицировались теперь как «французские владения на севере Африки». В ноябре была учреждена военная колония, подчиненная военному министерству и возглавляемая генерал-губернатором, отвечающим за военное командование и высшую администрацию. Владения управлялись ордонансами. Таким образом, с этого времени обсуждается не столько принцип колонизации, сколько ее методы²⁸⁷.

1.4. Предпосылки перехода к тотальному завоеванию Алжира в 1840-е гг.

Уже с 1830 г. началось сопротивление местных племен французским солдатам. Сначала появление французов в г. Алжире воспринималось местными жителями с настороженностью, но в большей степени их принимали как «освободителей» от турецкого владычества. Однако после попытки похода вглубь

²⁸⁴ Julien Ch.-A. Op. cit. P. 127–130.

²⁸⁵ Ibid. P. 140–141.

²⁸⁶ Таньшина Н.П. Политическая борьба во Франции по вопросам внешней политики в годы Июльской монархии: диссертация... С. 337.

²⁸⁷ Blais. H. Op. cit. P. 23.

страны (имеется в виду г. Блида), французы потерпели поражение, и в североафриканской стране начинают складываться центры организованного сопротивления²⁸⁸. Во главе сопротивления французской оккупации встал эмир Абд аль-Кадир²⁸⁹. Попав в затруднительное положение, французский генерал Луи Алексис Демишель начал искать переговоров с эмиром. В 1834 г. Абд аль-Кадир подписал с ним договор, который признавал суверенитет эмира на всем алжирском западе, разрешался провоз через Оран импорта и экспорта, эмир получил монополию на порт Арзев и свободу покупки вооружения и амуниции. В свою очередь, Абд аль-Кадир признал суверенитет Франции в городах и на побережье. Абд аль-Кадир стал «независимым сувереном Орании»²⁹⁰. Этот договор вызывал недовольство со стороны торговых кругов Франции, надеявшихся на быстрый захват страны. Между тем в 1837 г. эмир подписал Тафнский договор уже с генералом Т.-Р. Бюжо (после двух лет прерывистой войны). Договор признавал власть Абд аль-Кадира на территории, примерно равной двум третям Телля²⁹¹.

Перед французским правительством встал вопрос, сможет ли оно оставаться на алжирском побережье, не завоевывая и не колонизируя весь Телль. Генерал Бюжо склонялся к полной оккупации, генерал Б. Клозель считал, что нужно объединить военное завоевание и земельную колонизацию. В итоге Тафнский договор был расторгнут Францией в 1839 г., которая открыто выбрала политику тотальной оккупации.

Отечественный историк Н.П. Таньшина, рассматривая вопрос политической борьбы во Франции по вопросам внешней политики в годы Июльской монархии, основательно исследует эволюцию взглядов военных и политических деятелей Франции по алжирскому вопросу. И если позиции Ф. Гизо, А. Тьера, Т.-Р. Бюжо в

²⁸⁸ История Алжира в новое и новейшее время. С. 27–28.

²⁸⁹ Подробнее о личности Абд аль-Кадира см.: Оганисьян Ю.С. Указ. соч.; Хмелева Н.Г. Указ. соч.

²⁹⁰ Peyroulou J., Tengour O., Thénault S. Op. cit. P. 27.

²⁹¹ Ibid.

первые годы завоевания были достаточно умеренными, то во второй половине 1830-х гг. они меняются²⁹² в сторону тотального завоевания.

Вместе с тем в этот период продолжались поиски общего курса. Так, с 1835 г. по 1837 г. Клозель, занимающий снова пост генерал-губернатора, вынужден был работать в сложной обстановке: за время его полномочий на этом посту сменилось три кабинета, а президенты Совета имели разные взгляды на колонизацию североафриканской страны²⁹³. Или, например, правительство А. Тьера, сторонника решительных действий и колонизации, имело разные взгляды с генерал-губернатором Вале, который выступал за ограниченную оккупацию и мирное решение взаимоотношений с арабами²⁹⁴.

К концу 1830-х гг. был опубликован ряд работ противников колонизации в духе либеральной экономики. Так, в 1835 г. была опубликована брошюра под говорящим названием «Должна ли Франция сохранить Алжир?» А. Гаспарэна²⁹⁵. Аргументация, которую выдвигал автор, была широко использована депутатом Ксавье де Садом во время обсуждения военного бюджета в апреле того же года. В заключении своей книги он обозначил: «Не будем ждать, чтобы покинуть Алжир, пока всеобщая война нас не вынудила и пока опасность на наших границах Франции потребует отзыва наших солдат»²⁹⁶.

В 1837 г. была опубликована работа А. Дежобера, депутата от Сены-Инферьер, решительно выступавшего против колонизации Алжира. Он критиковал сторонников колонизации и их доводы в пользу Алжира в похожей с А. Гаспарэном риторикой. В своей работе он поставил вопрос, «являются ли французы колонизаторами»²⁹⁷, так как часто можно было услышать, что французы не имели способности к колонизации – скорее всего, имелось в виду, что другие нации делали это более умело. Используя цитаты М. Сэ (из книги по политической

²⁹² Таньшина Н.П. Политическая борьба во Франции по вопросам внешней политики в годы Июльской монархии: диссертация... С. 340.

²⁹³ Там же. С. 343.

²⁹⁴ Там же. С. 348.

²⁹⁵ Gasparin A. La France doit-elle conserver Alger? P., 1835. 72 p.

²⁹⁶ Ibid. P. 71.

²⁹⁷ Desjobert A. Op. cit. P. 39.

экономии), автор указывал, что французы обладают большинством необходимых качеств для колонизации. Он заключал, что национальный характер французов – демократический, он ведет к дискуссии и исследованию и в меньшей мере к религии и подчинению разума. Именно этим, по его мнению, и отличается Франция от других колониальных держав того времени²⁹⁸.

Говоря про колонизацию, он уточнял, что тяжело побороть ее сторонников, они неуловимы в своих проектах, так как их воображение каждый день рождает новые системы, которые разрушают друг друга. А. Дежобер рассмотрел примеры: одни хотят колонизировать, как это делали греки и римляне, другие выступают за систему, которую применили англичане в Индии, третьи усматривают для африканского побережья судьбу Америки или Египта. Наиболее умеренные придерживаются французской колониальной системы, желая добавить Алжир к колониям, которыми страна обладала на тот момент; некоторые желают видеть Алжир в качестве исправительной колонии²⁹⁹. Наконец, множество сторонников Африки хотят сделать из Алжира «современную» колонию – это значит страну, которая производит и потребляет в пользу метрополии³⁰⁰.

А. Дежобер выступал против истребления местного населения. Европейцы уничтожили «туземцев» всех островов Мексиканского залива и заменили их на рабов из Африки. Причем правительства не забывают признавать в таких людских рокировках шаги цивилизации: «Я считаю, что мы так не можем поступать в Африке»³⁰¹. Он также указывал, что Франция была на грани, чтобы вступить на путь истребления местного населения. А. Дежобер подкреплял этот тезис фактами о зверствах, которые совершили французы, включая уничтожение и изъятие урожая. Так, Маскара, Бужи, Мостагнем, Тлемсен были обезлюжены, Бон, Блида, Медеа разграблены. Он прикрепил отрывок, где рассказывается об использовании

²⁹⁸ Ibid. P. 39–41.

²⁹⁹ Ibid. P. 45.

³⁰⁰ Ibid. P. 69.

³⁰¹ Ibid. P. 71.

человеческих костей взрослых людей (причем некоторые из которых еще были с мясистой частью) для производства угля животного происхождения³⁰².

Среди проблем колонизации автор выделял следующие: нужны колонисты или земледельцы (все равно местные «туземцы» или иностранцы); враждебность местного населения («арабы видят в нас только узурпаторов»³⁰³).

Отдельно А. Дежобер рассмотрел «систему слияния» (*systeme de fusion*), представленную маршалом Пелисье, и говорит, что она неприменима. И в качестве главного фактора указал: никогда в истории не было слияния двух национальностей, всегда одна разрушала другую. Пример маршала Пелисье о галлах и франках тоже не представлялся, по его мнению, приемлемым³⁰⁴. Для этой системы были необходимы оккупация Африки 50 000 человек на побережье и внутри страны, от Тлемсена до Константины³⁰⁵, смешанные браки, нужно было цивилизовать арабов, донести до европейских колонистов, что слияние также в их интересах³⁰⁶. Итог его брошюры таков: колонизация европейцами невыполнима, вытеснение «туземцев» невозможно, власть беев является больше препятствием, слияние невозможно между двумя национальностями. Он выступал за то, чтобы полностью покинуть Алжир, нежели совершить попытку колонизации, которая неизбежно приведет к войне на истребление. Также А. Дежобер выступал за обозначенные им как «арабская система» (*systeme arabe*) следующие меры: признание арабской национальности, оккупацию морских пунктов, непризнание Францией европейских колонистов – кто приезжает в Алжир, совершает это на свой страх и риск³⁰⁷.

Известный французский политический деятель XIX в. Алексис де Токвиль сформулировал свои взгляды на колонизацию Алжира в своих трудах, написанных в 1830–1840-е гг.³⁰⁸. Появление этих работ соответствовало актуальной

³⁰² Ibid. P. 118–119.

³⁰³ Ibid. P. 83–84.

³⁰⁴ Ibid. P. 298.

³⁰⁵ Ibid.

³⁰⁶ Ibid. P. 299.

³⁰⁷ Ibid. P. 306–307.

³⁰⁸ См.: Таньшина Н.П. Алексис де Токвиль и завоевание Францией Алжира...

колониальной повестке: 1837 г. – пик дебатов во французском Парламенте по дальнейшей судьбе Алжира и появление работ противников колонизации в духе либеральной экономики А. Гаспарэна и А. Дежобера; 1841 г. – решение о тотальном завоевании Алжира; 1847 г. – окончательное завоевание Алжира и взятие Абд аль-Кадира³⁰⁹, дебаты в Парламенте о дополнительных кредитах на Алжир. В своих работах Токвиль поддерживал сторону европейских колонистов и настаивал на возможности их обогащения за счет переселения в Алжир с предоставлением льгот и выгод, он часто обращался к идеологическим концептам, работающим на «благо» колонизации: «берберская политика», направленная на разжигание противоречий и разобщение между кабилами и арабами; отголоски «цивилизаторской миссии» – указания на «варварский» и «получивилизованный» народ, утративший привычку «управлять собой» после длительного османского доминирования; оправдание любых средств колонизации целями величия Франции ее положения в мире, в том числе беспощадных и жестоких по отношению к местному населению. Между тем есть тезисы, которые не вписывались в общую колониальную риторику. Особенно это касалось популярных в то время идей создания деревень по типу фаланстеров, против которых выступал Токвиль, объясняя это отсутствием частной собственности и идеи «слияния рас», о невозможности которой он говорил³¹⁰.

Таким образом, в 1840-е гг. политический и военный контекст в североафриканской стране меняется. В первую очередь, речь идет о Восточном кризисе, в ходе которого Франция потеряла надежды на Египет, и уже Алжир становится вопросом компенсации за утраченные возможности.

В октябре 1840 г. главой нового министерства во Франции был назначен маршал Н. Сульт, министром иностранных дел Ф. Гизо, выступавший за тотальное завоевание Алжира. Более того, в декабре 1840 г. новым генерал-губернатором

³⁰⁹ События войны в Кабилии 1844–1847 гг. нашли свое отражение в российской печати: Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. Т. 92. № 368. 1851.

³¹⁰ Подробнее см.: Лазутина А.Е. Идеолог французского колониализма Алексис де Токвиль об алжирском вопросе (1830–1848) // Манускрипт. 2024. Том. 17. Выпуск. 3. С. 390–396. DOI: <https://doi.org/10.30853/mns20240055>; Мирзеханов В.С. Идеология колонизации...

становится Т.-Р. Бюжо, также стоявший на позициях полного завоевания³¹¹. Бюжо объяснял, что выбор тотального захвата предполагает беспрецедентные военные силы и использование всех методов ведения войны, наиболее эффективных против враждебно настроенного населения и сторонников Абд аль-Кадира. Военные действия в североафриканской стране становятся постоянными и особенно жестокими (тактика выжженной земли, раззии³¹², «выкуривания»)³¹³. Эмир Абд аль-Кадир пытался создать алжирское государство, исходя из своей внутренней базы, в то время как французская военная оккупация начинала распространяться с прибрежных городов. В этом контексте идея покинуть Алжир окончательно отступает, и оппозиция 1830-х гг. собирается встать на новый путь, путь колонизации с наименьшими возможными затратами.

Бюжо отводил большую роль в колонизации армии³¹⁴. Согласно его мнению, армию надо рассматривать как самый мощный элемент в колонизации, так как она вносит свой вклад в завоевание тремя средствами: своим оружием, которое обеспечивает безопасность; своими рабочими руками по хорошей цене, которые необходимы для общественных работ; и свой бюджет, который она вкладывает в колонизаторское движение³¹⁵. Поэтому он выступает категорически против ее сокращения на местах.

Вместе с тем, Бюжо указывал на то, что военное завоевание не может быть долговечным, так как подчиненные племена снова взбунтуются, как только уменьшится количество французских войск. Решение этой проблемы он видел в

³¹¹ Подробно об идеях Бюжо в Алжире сообщалось в российской прессе: Москвитянин. № 10. 1842.

³¹² М.И. Богданович характеризует раззии как набеги на непокорные племена с целью истребления всех, кто сопротивлялся, захвата всего движимого имущества, угона скота и пленения остальных жителей, уничтожения «дочиста» всего остального (Богданович М.И. Указ. соч. С. 35.).

³¹³ О французских методах колонизации Алжира см.: Жерлицына Н.А. Восприятие коренным населением французского Алжира ассимиляции как основного метода колонизации (1830–1870 гг.).

³¹⁴ Изучение быта французской армии было исследовано А.Н. Куропаткиным, который был отправлен в Алжир с целью «изучить снаряжение, продовольствие, систему обучения войск». РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 742. № 166. Л. 6; Куропаткин А.Н. Указ. соч.

³¹⁵ Ideville H. d'. Le maréchal Bugeaud, d'après sa correspondance intime et des documents inédits. 1784–1849. P., 1885. P. 437.

установлении земледельческих лагерей, населенных солдатами-земледельцами из ветеранов армии³¹⁶. Таким образом, Бюжо, несмотря на то что был сторонником военной колонизации, гражданскую тоже признавал. Гизо и Сульт, в свою очередь, предполагали именно гражданскую колонизацию по мере умиротворения страны.

Бюжо постоянно предлагал палатам проекты военной колонизации с колонистами солдатами, которые занимаются обработкой земли, решая при этом вопросы безопасности. Эти планы были отклонены, в особенности сторонниками гражданской колонизации и вывода вооруженных сил³¹⁷. Так, в январе 1847 г. на парламентской сессии решался алжирский вопрос, а именно: проект закона ординарных кредитов на содержание людей и лошадей на местах; законопроект о выделении экстраординарного кредита, в размере 3 миллионов франков на создание лагерей (проект Бюжо). И если первый проект был утвержден парламентариями, то второй отклонили³¹⁸. Бюжо был вынужден подать в отставку.

Провал планов военной колонизации побудил администрацию поощрять гражданскую колонизацию³¹⁹. Это было подкреплено указами от 1844 г. и 1846 г., которые позволили увеличить земельные владения колонистов и занять лучшие земли³²⁰. Таким образом, к концу 1840-х годов вопрос о том, оставаться в Алжире или покинуть его, был снят, и стало очевидно, что это уже свершившийся факт.

Долгий период колебаний правительства Июльской монархии по принятию политических решений по алжирскому вопросу только разжигал борьбу между противниками и сторонниками колонизации. Используя трибуну Парламента, брошюры, печатные органы, сторонники той или иной группы приводили многочисленные аргументы, защищая свои позиции.

Невозможность установления рабства толкала сторонников колонизации на поиски новой концепции, оправдывающей те же инструменты, который

³¹⁶ Ibid. P. 438.

³¹⁷ Blais. H. Op. cit. P. 24.

³¹⁸ Таньшина Н.П. Политическая борьба во Франции по вопросам внешней политики в годы Июльской монархии: диссертация... С. 368.

³¹⁹ Цит. по: там же. С. 371.

³²⁰ Rey-Goldzeiguer A. Op. cit. P. 24.

использовались ранее. Сам термин «колония» старательно избегался как в речах, так и в печатных работах. Казалось бы, выход был найден в так называемой «цивилизаторской миссии», которая, прикрываясь благими намерениями «цивилизовать арабов», тем не менее не отрицала жестоких методов завоевания. Между тем она сразу же стала объектом критики противников колонизации.

Постоянная смена в высших эшелонах власти как в Париже, так и на местах меняла колониальный дискурс в зависимости от приверженности к той или иной точки зрения. Важным моментом в принятии политических решений являлись военные успехи или промахи в Алжире. Они практически сразу меняли вектор в наиболее выгодную сторону.

Таким образом, Июльской монархией были заложены основы второй французской колониальной империи. А с принятием решения о тотальном завоевании Алжира открыты возможности для колониальной практики последующих правительств.

ГЛАВА 2. ФАКТОРЫ НЕУСТОЙЧИВОСТИ ФРАНЦУЗСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В АЛЖИРЕ В 1850-е гг.

2.1. Курс на ассимиляцию Алжира во время Второй Республики 1848–1851 гг.

В ходе Февральской революции 1848 г. во Франции был свергнут прежний режим Июльской монархии и установлена Французская Республика. В статье 5 преамбулы, принятой 4 ноября 1848 г. Конституции, провозглашалось, что страна «не ведет никакой войны с завоевательной целью и никогда не применяет свои силы против свободы какого-либо народа»³²¹, а в статье 6 (глава II. Права граждан, гарантированные Конституцией), что «рабство не может быть допущено на французской территории, где бы то ни было»³²². Казалось бы, данные положения не коррелировались с оккупацией Алжира, однако ясность была внесена статьей 109 (глава X. Предписания частного характера), где уточнялось, что «Территория Алжира и колоний объявляется французскими территориями и будет регулироваться особыми законами до тех пор, пока специальным законом они не будут подчинены действию настоящей Конституции»³²³. Таким образом, Конституция 1848 г. стала важнейшим этапом в рамках развития алжирского вопроса, провозгласив ассимиляцию³²⁴.

Революционные события во Франции были с одобрением приняты колонистами Алжира; они питали их надеждами об окончании военного режима (на который они возлагали ответственность за все свои беды) в колонии и скорейшего осуществления ассимиляции³²⁵. Так, французский историк Ш.-А. Жюльен, чтобы охарактеризовать общие настроения колонистов, обращается к

³²¹ AN. AE/I/29/9. №4.

³²² Ibid. №6.

³²³ Ibid. №28.

³²⁴ Подробнее, см.: Жерлицына Н.А. Идеологические основы французской колониальной политики в странах Магриба в XIX – первой половине XX вв.

³²⁵ Ageron Ch.-R. Histoire de l'Algérie contemporaine... P. 23; Yacono X. Histoire de l'Algérie... P. 147; Julien Ch.-A. Op. cit. P. 343.

меморандуму, направленному королю и палатам от колонистов Алжира еще 28 марта 1847 г.³²⁶. Действительно, при изучении этого документа, четко прослеживаются основные цели, которые они сами резюмируют: введение гражданских институтов и ассимиляция с Францией³²⁷. Постоянно указывая на то, что «Алжир — это навсегда французская земля»³²⁸, колонисты рассматривали в том числе проблему уменьшения количества европейских поселенцев³²⁹, в то время как местное коренное население они предлагали рассматривать как инструмент колонизации, а не ее препятствием. Аргументация исходила из соображений, что местное население — это рабочие руки, которые не нужно транспортировать в колонию и акклиматизировать³³⁰. Демонстрируя в документе проблемы беззакония на местах, основным условием для осуществления ассимиляции они видели в применении в Алжире французских законов³³¹. Кроме того, они предлагали создание трех департаментов: 87 департамент Франции – Митиджа; 88 – Западный Атлас; 89 – Восточный Атлас и трех военных дивизионов с центрами в Маскаре, Медеа и Константине³³². Таким образом, колонисты показывают, что ассимиляция Алжира с Францией должна быть принципом, четко поставленным правительством и преследуемым им. Именно в этом они видели спасение настоящего положения дел и гарантии будущего³³³.

Более того, идее о том, что предоставление свобод и введение гражданской администрации разрешат проблемы, причины которых виделись в военном произволе, способствовало то обстоятельство, что в Алжире не было революционного пролетариата, а была буржуазия, которая стремилась к власти над коренным населением и желала себе прав и гарантий, хотя и не оспаривала полезность сильной армии³³⁴. Все колонисты в той или иной степени чувствовали

³²⁶ Julien Ch.-A. Op. cit. P. 342.

³²⁷ Mémoire au roi et aux Chambres, par les colons de l'Algérie.

³²⁸ Ibid. P 5; P. 14.

³²⁹ Ibid. P 6.

³³⁰ Ibid. P 10.

³³¹ Ibid. P 29.

³³² Ibid. P. 35–36.

³³³ Ibid. P. 44.

³³⁴ Julien Ch.-A. Op. cit. P. 343.

себя республиканцами. Социалисты были немногочисленны на местах, и лишь немногие из них занимали ответственные посты в Алжире³³⁵.

Этот период отличала возросшая политическая активность среди европейского населения колонии. В первую очередь, это было продиктовано, как уже указывалось выше, разочарованием от военного режима и ожиданиями ассимиляции от нового. Печатались брошюры, петиции, статьи, направленные на установление гражданского режима. Также свобода, предоставленная прессе в 1848 г. привела к появлению новых газет: *Le Journal de Constantine* (в 1850 г. будет переименован в *Le Progrès*), *Le Démocrate de Blida* в 1849 г., *Le Courrier d'Oran* в 1850 г. Так как в том числе через печатные органы шло формирование общественного мнения, государственные власти пытались регулировать жизнь алжирской прессы. Они вводили залогов, марки, обязательство подписывать авторов политических, философских и религиозных статей, выделяли субсидии на поддержку противников местных газет³³⁶.

Временное правительство в своей прокламации к колонистам Алжира 2 марта 1848 г. обещало защищать его как землю Франции, а также гарантировало, что их моральные и материальные интересы будут изучены и удовлетворены. Важным для колонистов было объявление о постепенной ассимиляции алжирских институтов с институтами метрополии. Это, помимо прочего, было подкреплено заверениями о более детальном обсуждении этого вопроса в Национальном собрании³³⁷, равно как и обращение к африканской армии, которую республиканское правительство ценит и обещает вознаградить за заслуги³³⁸. Таким образом, новое правительство хотело расположить к себе наиболее важные элементы колониального общества. В связи с этим интересно проследить,

³³⁵ Ibid.; подробно о деятельности социалистов в Алжире см.: Машкин М.Н. Французские социалисты и демократы и колониальный вопрос 1830-1871. М., 1981.

³³⁶ Julien Ch.-A. Op. cit. P. 346.

³³⁷ Collection complète des lois, décrets, ordonnances, réglemens, et avis du Conseil-d'État... Т. 48. P. 68.

³³⁸ Ibid.

насколько это обещание соответствовало действительному положению дел в Алжире, и в какой мере оно было применено на практике.

Уже в декрете от 5 марта 1848 г., касающемся всеобщих выборов, в статье 42 указывалось, что Учредительное собрание должно определить «способ представительства Алжира и колоний»³³⁹. В решении этого вопроса важную роль сыграл французский журналист и политический деятель Ксавье Дюррье, друг О. Бланки. Он добился от республиканца Александра-Августа Ледрю-Роллена права для французов Алжира избирать депутатов, как и в метрополии³⁴⁰. На выборах Учредительное собрание в апреле 1848 г. были избраны четыре представителя: Анри Дидье – заместитель генерального прокурора, Ледрю-Роллен (будет переведен в Париж и переизбран на богатого колониста Фердинанда Барро), Поланжи де Рансе (колонист, ярый сторонник ассимиляции) и Леблан де Пребуа (публицист, враждебно настроенный по отношению к «арабским бюро»)³⁴¹.

Таким образом, как справедливо отмечает французский исследователь Ш.-А. Жюльен, выборы отразили политический «менталитет» Алжира. Здесь, на местах французы столкнулись с другими проблемами, нежели французы в метрополии. Угроза в колонии исходила от «араба», а не от пролетария. Традиционные во Франции различия между правыми и левыми казались второстепенными, как и в случае соперничества комитетов и клубов, личные вопросы выходили на первый план. За кандидатов голосовали исходя из их престижа, а не принадлежности к той или иной политической группировке, что проявилось при повторном голосовании в Учредительное собрание и избрание влиятельного колониста Фердинанда Барро³⁴².

В постановлении об администрировании государственным образованием в Алжире устанавливалось управление Министерством народного просвещения³⁴³.

³³⁹ Julien Ch.-A. Op. cit. P. 350.

³⁴⁰ Ibid.

³⁴¹ Yacono X. Histoire de l'Algérie... P. 153.

³⁴² Julien Ch.-A. Op. cit. P. 350.

³⁴³ Collection complète des lois, décrets, ordonnances, réglemens, et avis du Conseil-d'État... T. 48. P. 472.

Между тем французские и еврейские школы, согласно документу, находились в исключительной компетенции министра народного просвещения (Волабель), в то время как школы местных мусульман оставались в компетенции военного министра (Ламорисьера). Законодательство по вопросам образования объявлялось в Алжире таким же, как и в метрополии, кроме преобразований, который будут признаны необходимыми при совместном решении министров народного просвещения и военного. В постановлении также предусматривались стипендии лицеистам Алжира за счет государства с последующим их зачислением в учебные заведения метрополии. Распределение бюджетных средств на образование в Алжире ложилось на министра народного просвещения.

Постановлением об управлении культурами в Алжире христианство и иудаизм передавались в подчинение министру культов (Волабель)³⁴⁴. Как и сфера образования, мусульманская религия оставалась в ведении военного министра³⁴⁵.

В постановлении о муниципальном устройстве в Алжире утверждалось, что вся гражданская территория делилась на коммуны. Муниципалитет каждой состоял из мэра, одного или нескольких заместителей, муниципального совета. Избирать членов муниципального совета могли граждане Франции или натурализованные французы в возрасте от 21 года, проживающие в коммуне не меньше одного года³⁴⁶. Что касается, иностранного контингента (в том числе местных мусульман и евреев), то иностранцы в возрасте от 21 года, которым исполнительная власть разрешила пользоваться гражданскими правами в Алжире (это были или собственники земельных наделов, или концессионеры в коммуне, или те, кто платили не меньше 6 месяцев ежегодную арендную плату в размере от 600 франков за аренду земли или домов, или имели патент или лицензию как минимум третьего класса), допускались к участию в выборах членов муниципального совета. Иностранцы, участвующие в голосовании, должны были проживать в Алжире не менее двух лет, включая один год в коммуне³⁴⁷.

³⁴⁴ Ibid.

³⁴⁵ Ibid. P. 473.

³⁴⁶ Ibid.

³⁴⁷ Ibid.

Право быть избранными имели все французы в возрасте от 25 лет, проживающие в коммуне не менее одного года, а также те, кто, не проживая в коммуне, владели недвижимостью в течение одного года или с того же времени платили за нее как минимум патент третьего класса. Однако согласно законодательству, число последних не могло превышать четверти членов совета³⁴⁸. Право быть избранными было и у иностранцев (в том числе местных мусульман и евреев) достигших 25 лет. Тем не менее количество иностранцев и местного коренного населения в качестве членов муниципального совета не могло превышать одну треть от общего числа его членов³⁴⁹. Также иностранцам и коренным жителям не разрешалось занимать должность мэра, заместителя мэра или заменять их в случае непредвиденных обстоятельств³⁵⁰. Генерал-губернатор назначал должностных лиц муниципалитетов с населением менее 3 тыс. человек, а исполнительная власть – должностных лиц более крупных центров округов или провинций³⁵¹.

Военные власти заявили, что, несмотря на протест демократов, не могут провести реформу где-либо, кроме шести крупных коммун, созданных постановлением от января 1848 г.³⁵². Выборы были проведены не по отдельной системе, а по совместному электорату, что привело к случаям фальсификации результатов голосования и вызвало возмущения среди французских избирателей. Реакция не заставила себя ждать, и вспыхивали демонстрации против системы, которая делала невозможными «французские выборы». Колонисты независимо от их политических взглядов объединялись в общей борьбе за власть против иностранцев и особенно коренного населения³⁵³. Государственные власти ответили роспуском всех советов к августу 1851 г. и заменой их муниципальными комиссиями. В 1854 г. муниципальное деление было возвращено к образцу 1847 г.

³⁴⁸ Ibid.

³⁴⁹ Ibid. P. 474.

³⁵⁰ Ibid.

³⁵¹ Julien Ch.-A. Op. cit. P. 352.

³⁵² Ibid.

³⁵³ Ibid. P. 353.

Как верно заключает Ш.-А. Жюльен, «Либеральный эксперимент II Республики, осужденный местной администрацией, был недолгим»³⁵⁴.

Что касалось вопроса организации правосудия в Алжире, здесь также уточнялось, что полномочия в этом правовом поле будут переданы Министерству юстиции. Таким образом, вопросы, касающиеся французского и европейского населения гражданских территорий, относились исключительно к компетенции министра юстиции (Мари). Что касается местного коренного населения, то они оставались в ведении военного министра. На смешанных территориях правосудие временно отправлялось в соответствии с постановлениями от 26 сентября 1842 г. и 15 апреля 1845 г.³⁵⁵.

Постановлением об организации деятельности таможни в Алжире, управление передавалось Министерству финансов. Таможенное законодательство объявлялось таким же, как и в метрополии, кроме модификаций, которые есть или будут признаны необходимыми касательно тарифов по экспорту и импорту. Расходы на таможенную службу регулировались полностью министром финансов (М. Гудшо)³⁵⁶.

Постановление о службах регистрации и домениальных земель в Алжире, утвердило, что с 1 января 1849 г. они на гражданских территориях, а также в коммунах, образующих среди смешанных территорий гражданский округ, будут переданы Министерству финансов (министр финансов А. Труве-Шовель). На других территориях служба домениальных земель продолжала оставаться под администрированием военного ведомства³⁵⁷. Земли, предназначенные для колонизации, даже если и находились на гражданской территории, оставались в распоряжении военного министерства. Администрирование секвестрированным имуществом тоже оставалось в ведении военного ведомства.

³⁵⁴ Ibid.

³⁵⁵ Collection complète des lois, décrets, ordonnances, réglemens, et avis du Conseil-d'État... Т. 48. P. 494.

³⁵⁶ Ibid. P. 555.

³⁵⁷ Ibid. P. 672–673.

Постановление касательно сбора налогов в Алжире устанавливало, что с 1 января 1849 г. служба Различных взносов (*Contributions diverses*) в Алжире прекратит свое существование под этим названием. А также сбор налогов, возложенный во Франции в управлении косвенными и прямыми налогами, осуществлялся под руководством и указанию министра финансов. Все, что касалось «арабских» налогов, находилось в полномочиях военного министра³⁵⁸.

В постановлении об организации общей администрации в Алжире подтверждалось актуальное на тот момент деление на три провинции. Объявлялось, что каждая провинция будет поделена на гражданскую и военную территории. Гражданская территория каждой провинции формировала департамент. Департамент был подчинен административному режиму департаментов в метрополии, кроме того, что вытекало из специального законодательства Алжира. Военная территория объявлялась под исключительным управлением военных властей в соответствии с законами, действующими в Алжире. Общее управление Алжира включало в себя командование всеми вооруженными силами и высшую администрацию страной. Оно было представлено генерал-губернатором, действовавшим под руководством и по приказу военного министра, и Правительственным советом³⁵⁹.

Что касалось гражданской администрации, то департамент делился на округа и коммуны. Департаментом управлял префект, а округом – супрефект. При каждом префекте заседал Совет префектур с теми же полномочиями, что и во Франции. Префекты вступали в переписку с генерал-губернатором только по определенным алжирским делам, которые должны быть представлены в Правительственном совете. Они также обращались напрямую к министрам по профильным вопросам, назначали мэров и их заместителей в небольших коммунах³⁶⁰.

Военные территории каждой провинции управлялись по приказу генерал-губернатора генералами, а в подразделениях и округах офицерами. Генеральный

³⁵⁸ Ibid.

³⁵⁹ Ibid. P. 684.

³⁶⁰ Ibid. P. 684–685.

секретарь сосредоточил в своих руках все дела, касающиеся коренных жителей военных территорий. К нему прикреплялось специальное бюро, которое отвечало за колонизацию этих территорий³⁶¹.

Таким образом, новый режим существенно ограничил полномочия генерал-губернатора, который теперь получал информацию о гражданских территориях по рапортам префектов, и полный контроль от него ускользал³⁶².

Конфликт между военными и гражданскими властями в ходе данных политических решений только усугубился. Политика подчинения и политика ассимиляции не могли сосуществовать. Префекты не только переставали быть подчиненными генералов, но и их сфера деятельности была с перспективой расширения за счет военных территорий по мере продвижения колонизации.

Реакция проявляется в рамках законодательной власти. Президентские выборы 10 декабря 1848 г. привели к власти принца Луи-Наполеона Бонапарта при поддержке французов в Алжире, которые предоставили ему большинство голосов. Между тем стало понятно, что преемник генерала Ламорисьера на посту военного министра Ж.-М. Рюльер не выполнял декабрьские декреты: ни разграничение гражданских и военных территорий, ни создания округов и коммун³⁶³. Таким образом, в мае 1849 г. на выборах в законодательный орган, где у Алжира было три места, левые демократы заняли первые два места: Эмиль Барро и Анри Дидье, соответственно, третье у умеренного Рансе³⁶⁴. Это было направлено в отношении Франции, где победила реакция, которая приступила к «подавлению непокорного Алжира»³⁶⁵. Последовавшие меры были направлены против алжирской прессы и на восстановление власти генералов за счет префектов. Конфликт между властями особенно остро проявился во время «Оранского заговора». В мае 1850 г. во время скачек в Оране префект Гарбе произнес речь, в которой неосторожно высказался по поводу отношений генералов и префектов, что вызвало соответствующую

³⁶¹ Ibid.

³⁶² Julien Ch.-A. Op. cit. P. 354.

³⁶³ Yacono X. Histoire de l'Algérie... P. 121.

³⁶⁴ Julien Ch.-A. Op. cit. P. 355.

³⁶⁵ Ibid. P. 356.

реакцию у присутствовавшего на мероприятии генерала Пелисье. В Оране это событие вызвало многочисленные демонстрации в поддержку префекта Гарбе. 25 мая Городской совет утвердил отчет комиссии по скачкам, где осуждалась наглость генерала Пелисье. Это вызвало массовые репрессии и усиление полицейского режима против движения за гражданскую независимость и, в частности, созданного тайного общества «добрых кузенов», целью которого было создание Демократической республики с предоставлением ассимиляции Алжиру³⁶⁶. Через шесть недель после скандала на скачках Гарбе был освобожден от своей должности, что еще раз подтвердило победу военного режима над гражданским.

2.2. Причины трудного продвижения процесса колонизации Алжира

Сельскохозяйственная колонизация в Алжире возникла в первую очередь по политическим причинам. После июньского восстания парижских рабочих в 1848 г., вызванного роспуском национальных мастерских, остро встал вопрос об очистке Парижа от наиболее беспокойного элемента. Как высказался по поводу указанных событий Э. Барро в законодательном органе 4 июля 1850 г., «... речь шла о том, чтобы вымести улицы Парижа, но не о колонизации Африки. Африка была средством, но целью было спокойствие столицы»³⁶⁷.

Также созданию этих поселений содействовали сами колонисты Алжира, которые видели осуществление ассимиляции с Францией, в том числе и через привлечение большого количества поселенцев. С этой целью, в Париже было создано «Алжирское общество». Ранее «алжирцы», находящиеся в Париже, были представлены в двух объединениях: «Алжирский демократический клуб» (*Club démocratique algérien*) и «Алжирское общество» (*Société algérienne*). Между тем ввиду единых целей, в мае 1848 г. было принято решение об их объединении под

³⁶⁶ Yacono X. Histoire de l'Algérie... P. 122.

³⁶⁷ Цит. по: Julien Ch.-A. Op. cit. P. 555. Отметим, что Алексис и Эмиль Барро в 1853 г. направили меморандум Наполеону III в поддержку проекта колонизации Африканской хлопковой компании и заметку с предложением разрешить создание Общества земельного и промышленного кредита Алжира. См.: BNF. Ars. Ms 7840/1; BNF. Ars. Ms 7840/2.

названием «Алжирского общества». Они занимались изучением планов, которые могли бы способствовать процветанию гражданской колонизации и ассимиляции³⁶⁸.

Более того, этим целям содействовало распространение социалистических идей во Франции. Именно они нашли свое отражение в петициях рабочих, оказавшихся на грани выживания во время экономического и социального кризисов середины 1840-х гг. и были направлены на ассимиляцию и создание «ассоциаций» в Алжире.

Так, в петиции и проекте колонизации Алжира, адресованных в Национальное собрание от лица ассоциации рабочих, представленных от имени 20 000 семей, рабочие, оставшиеся без средств к существованию во время вынужденной безработицы и роспуска национальных мастерских, просили у Национального собрания облегчить процедуру эмиграции и их поселения в Алжире.

Они предлагали сформировать группы по 200–250 семей с целью создания «мастерских по поселению», в каждой из которых земельная собственность, сначала созданная и освоенная общим трудом, впоследствии будет распределена между всеми членами одной и той же мастерской. Что характерно, рабочие призывали именно к созданию «ассоциации», то есть совместного труда поселенцев, вместо тяжелого бремени, возлагаемого при индивидуальных усилиях. В качестве компенсации затрат государства они обещали вернуть субсидию, необходимую для их сельскохозяйственного установления общественными работами и ежегодными выплатами³⁶⁹.

Более подробно свои идеи они изложили в проекте поселения в Алжире. Так, в первой главе они указывали в качестве цели ассоциаций освоение путем совместных усилий и работы под эгидой и при поддержке правительства земель, которые будут бесплатно предоставлены им в Алжире. Для этого будут образованы

³⁶⁸ Société algérienne, 37, rue Neuve-Vivienne. (29 mai 1848.). P., 1848.

³⁶⁹ A l'Assemblée nationale. Pétition et projet de colonisation en Algérie, par associations temporaires, présentés au nom de 20,000 familles. Août 1848. P., 1848.

поселения из двухсот рабочих, представленных в количестве от четырех до пятисот человек, включая мужчин, женщин и детей, поставленных в подчинение начальнику поселения и заместителя начальника. Эти поселения будут объединены в группы по четыре-пять. Таким образом, эти группы будут формировать округ, находящийся в подчинении начальника округа, которого, в свою очередь, назначает правительство. Он будет осуществлять высшее руководство и надзор за всеми поселениями в своем округе, в том числе решать вопросы о целесообразности и порядке расходования средств начальниками поселений. Также предусматривалось ежемесячное собрание окружных Советов, созданных в каждом округе и возглавляемых начальником округа, куда входили начальники всех поселений и рассматривали как общие вопросы, так и вопросы отдельных поселений.

Продолжительность ассоциации для каждого поселения составит три полных года. По истечении этого срока земли, постройки, инвентарь, сельскохозяйственная продукция, наличные деньги и все предметы, составляющие активы ассоциации, будут разделены между всеми рабочими пропорционально правам каждого.

Начальник поселения должен быть выбран среди гражданских инженеров, строителей, руководителей промышленных или сельскохозяйственных предприятий, администраторов и будет «управлять поселением как хороший семьянин»: распределять и контролировать все сельскохозяйственные и промышленные работы, осуществлять покупки и продажи, необходимые для поселения (с предварительного одобрения начальника района). Он мог быть отстранен от должности только министром по предложению начальника района и по представлению районного Совета³⁷⁰.

Заместитель начальника поселения должен быть из числа руководителей промышленными или сельскохозяйственными работами и подчиняться немедленным приказам начальника. Он будет нести ответственность за надзор и состояние оборудования и вести журнал работ в поселении. Заместитель

³⁷⁰ Ibid. P. 5–9.

начальника может быть отстранен от должности и заменен только в порядке, установленном для начальника.

Также была предусмотрена должность управителя (завхоз). Он должен быть выбран из числа бухгалтеров, бывших сержантов бухгалтерии и в целом среди всех тех, кто владеет бухгалтерскими и административными вопросами. Он будет под началом начальника поселения отвечать за все, что касается жилья, питания, одежды поселенцев³⁷¹, и вести дневник, где по указаниям заместителя начальника поселения, ежедневно будет проверяться работа каждого поселенца, и вестись общий учет поселения. Казначей мог быть отстранен от должности только главой района по предложению главы поселения. Причем каждый из этих должностных лиц (глава, заместитель или казначей) в случае отставки могли по решению районного Совета войти в ряды обычных поселенцев.

Вводилась должность бригадира (старшины). Назначить и сместить с поста его мог глава поселения. Старшины должны были следить и руководить различными промышленными и сельскохозяйственными мастерскими, которые будут созданы в поселении. Количество старшин не должно было превышать десяти человек.

Также в каждом поселении будет создан семейный совет для обсуждения вопросов, предложенных главой поселения. Этот совет будет состоять из 9 человек: главы поселения, заместителя, казначея, двух старшин, четырех поселенцев. Последние шестеро членов будут избираться тайным голосованием простым большинством голосов всеми собравшимися членами. Совет будет собираться регулярно каждые две недели, однако, начальник поселения может собрать внеочередной совет³⁷².

Вторая глава посвящалась обязательствам, принятым государством по отношению к поселениям. Каждое поселение будет поделено на тех, кто холост, и женатых людей со своими семьями³⁷³. Государство обязуется доставить рабочих и

³⁷¹ Ibid.

³⁷² Ibid. P. 10–11.

³⁷³ Ibid.

их семьи до места их поселения в Алжире и обеспечить их всем необходимым во время дороги.

Что касается земли, то администрация заранее должна определить местоположение районов и в присутствии глав районов, определить земельные владения, относящиеся к каждому поселению. Эти концессии составят 2 тыс. га земли на каждое поселение. Республика гарантирует поселенцам собственность этих земель при соблюдении условий, которые будут установлены. Администрация также зафиксировала 2 гектара земли, скорее всего, в центре поселения, для строительства общественных зданий и храма. Эта территория будет в собственности у государства, и поселение без разрешения не может ничего строить на ней.

Поселения будут находиться под прямым управлением государства и пользоваться той же защитой и теми же преимуществами, что и другие населенные пункты, созданные в Алжире (религия, образование, медицинское обслуживание).

Каждому поселению будет выдан кредит на пятьсот тысяч франков, который нужно будет выплатить в течение трех лет: первый год – 250 000; второй – 150 000; третий – 100 000³⁷⁴.

В третьей главе рассматривались обязательства поселений перед государством. Они обязывались способствовать процветанию колонизации и общему процветанию Алжира. В течение трех лет действия соглашения каждое поселение будет возмещать государству семьдесят пять тысяч франков в год товарами, которые были бы запрошены у нее государством или по своему выбору в виде общественных работ. Также помимо этой суммы каждое поселение должно платить в год еще двадцать тысяч франков в течение семи лет, которые последуют после трех лет соглашения. Кроме того, при разделе земли, каждое поселение должно предоставить главе района землю, равную семи долям рабочего. Поселение также обязуется соблюдать моральный и материальный порядок, подчиняться

³⁷⁴ Ibid. P. 12–14.

законам и властям, предоставлять госслужащим, имеющим на это полномочия, отчеты, информацию³⁷⁵.

Четвертая глава рассматривала обязательства поселений по отношению к поселенцам. Поселение брало на себя транспортировку движимого имущества поселенца, если это было полезными для работы, и приобретало его. Поселенцы не могли иметь в личном использовании предметы движимого имущества, которое они привозили с собой, только на условиях главы поселения. Более того, одеваться, питаться, спать все работники могли за счет расходов общества. Выделялся один франк на день, с которого удерживалось семьдесят пять сантимов на общие нужды, и из этой общей суммы предполагались траты на покупку скота, инвентаря, семян и т. п.

По истечении трех лет две тысячи гектаров с возведенными на них постройками должны быть поделены между поселенцами: каждый рабочий имел право на один дом, построенный строго для жилья и для ведения сельскохозяйственных работ, и на одну часть земли – 7 гектаров. Двадцать долей движимого и недвижимого имущества было зарезервировано для стимулирующих премий, распределяемых между казначеями и работниками. В случае наступления нетрудоспособности работникам гарантировались сохранение их прав, в том числе и на собственность³⁷⁶.

Пятая глава посвящалась обязательствам поселенцев по отношению к поселению. Каждый работник поручался за себя, свою жену, своих детей, что они станут частью поселения в течение трех лет и отдадут всю свою энергию, терпение, работоспособность, будут слушаться начальников и выполнять все требования. Между собой отношения поселенцев должны строиться на чувствах братства, справедливости, милосердия, без которых никакая ассоциация невозможна. Все они должны иметь хорошее здоровье³⁷⁷.

³⁷⁵ Ibid. P. 15.

³⁷⁶ Ibid. P. 15–18.

³⁷⁷ Ibid. P. 21.

Шестая глава посвящалась организации дисциплины и штрафам. Каждый глава поселения составлял устав для определения внутреннего порядка, который согласовывал глава района. Предусматривались следующие виды наказаний: штраф, публичный выговор, выселение. Штраф налагался главой поселения, публичный выговор семейным советом, выселение могло быть инициировано главой поселения в семейном совете³⁷⁸.

Также известен проект колонизации Алжира Жан-Пьера Кремера – военного хирурга, члена Общества естествознания, садоводства департамента Мозель, члена Общества сельского хозяйства провинции Бона, основателя и директора национального питомника в Гельме. В самом начале своего проекта он говорил о колонизации «нашего прекрасного Алжира» как о необычайно важном вопросе политической экономии и социального порядка³⁷⁹. По идее Кремера нужно, с одной стороны, чтобы колонизация как можно скорее прекратила истощать финансы Франции, а с другой, чтобы она получила тысячи рабочих рук, которые находятся в тяжелом положении. Согласно мнению автора, нужно было создать в Алжире баланс, где каждому обеспечивался бы высокий уровень образования, богатства и счастья. Для достижения этого результата существовало два способа: объединение труда (*association du travail*) и жизнь в общине (*la vie de communauté*). Здесь же Ж.-П. Кремер просил не считать его социалистом или приверженцем фаланстеров. Он уточнял, что не является сторонником какой-либо системы, а берет хорошее везде, где оно встречается³⁸⁰.

Ж.-П. Кремер предлагал объединение труда как единственно верное решение для колонизации Алжира, основываясь на опыте, который уже есть, и, исходя из климатических особенностей. К преимуществам он также относил большую производительность труда. Колонизация предполагала создание ферм-поселений на 200–250 человек. Поселенцы должны были заниматься не только распашкой земли и возделыванием сельскохозяйственных угодий, но и строительством

³⁷⁸ Ibid. P. 22.

³⁷⁹ Krémer J.-P. *Projet de colonisation de l'Algérie*. P. 3.

³⁸⁰ Ibid. P. 3–5.

однотипных домов, которые после окончания ассоциации (пять лет)³⁸¹ переходили в собственность каждого поселенца, как и десять гектаров расчищенной и засеянной земли³⁸².

Для создания этих ассоциаций нужны были средства, которые в виде аванса давались бы государством. В форме ежегодных платежей деньги возвращались бы. Ж.-П. Кремер апеллировал к государству о необходимости поддержки с его стороны: кто не сеет, тот не собирает урожай³⁸³.

Автор также уточнял, что эти фермы-поселения могли быть пенитенциарными. Это касалось заключенных и тех, кого предполагалось транспортировать. Они назывались в проекте «паразитами общества», которые не оказывали никакой полезности для своих семей и очень дорого обходились Франции, в то время как их отправка в Алжир и работа давали бы больше пользы³⁸⁴.

Форма «ассоциации», которую предлагали рабочие, не была отклонена колонистами «Алжирского общества». Они рассматривали вариант проекта в этой риторике во главе с гражданским элементом, который предполагалось представить в Национальном собрании с помощью депутата от Алжира Фердинандом Барро³⁸⁵. Тем не менее после июньского восстания парижских рабочих в 1848 г., вызванного роспуском национальных мастерских, ситуация изменилась. Военный министр Ламорисьер, опасаясь укрепления социалистических сил и возможных новых восстаний, отвергал идею создания «ассоциации» в Алжире и предложил возложить полномочия на армию³⁸⁶.

Таким образом, декретом от 19 сентября 1848 г. было провозглашено о создании в Алжире «сельскохозяйственных колоний»³⁸⁷. Национальное собрание выделило военному министру на эти цели пятьдесят миллионов франков со

³⁸¹ Ibid. P. 7.

³⁸² Ibid. P. 5.

³⁸³ Ibid. P. 5–6.

³⁸⁴ Ibid. P. 8.

³⁸⁵ Yacono X.Histoire de l'Algérie... P. 114.

³⁸⁶ Julien Ch.-A. Op. cit. P. 363.

³⁸⁷ Collection complète des lois, décrets, ordonnances, réglemens, et avis du Conseil-d'État... T. 48. P. 518.

следующим распределением по годам: 1848 г. – 5 млн франков; 1849 г. – 10 миллионов франков; 1850 г., 1851 г. и последующие – 35 млн франков³⁸⁸. Предполагалось, что в 1848 г. не более 12 000 колонистов (граждан Франции: речь шла о поселенцах, занятых сельским хозяйством, и рабочих сферы искусств; последние признавались необходимыми для общественно полезных работ, развития колонии и в случае их желания могли остаться в одной из с/х колонии с возможностью получения тех же благ, что и первые) будет привлечено в рамках исполнения этого декрета. Колонисты по истечении трехлетнего срока должны были получить от 2 до 10 га земли (в зависимости от количества членов семьи, их профессий, качества самой земли) на семью в собственность³⁸⁹.

Это вызвало большой спрос по всей стране, однако набор был в основном «парижским»: из семнадцати составов только в одном (последнем) были жители г. Лиона³⁹⁰. После длительной дороги (из г. Парижа предстоял сначала речной путь в г. Арль, потом по железной дороге в г. Марсель) будущие поселенцы группами от 600 до 800 человек достигали Алжира. Генерал-губернатор Шарон должен был обустроить на месте сорок два центра: двенадцать в департаменте Алжир, двадцать в Оране, девять в Константине. Между тем поселенцы столкнулись с рядом проблем – это и несвоевременная доставка семян, трудности возделывания и расчистки земель, ее слишком малые размеры (в среднем размер наделов составлял 2,19 га, в то время как для расквартирования племен считалось, что 3 га – это минимум)³⁹¹, осушение болот³⁹². Более того, бывшим промышленным рабочим трудно было переформатироваться в ряды сельскохозяйственных тружеников.

Не способствовало успеху отношение местной администрации к данным поселениям. Особенно это стало заметно после избрания в Законодательное собрание Эмиля Барро, сторонника сенсимонистских идей³⁹³. На низких

³⁸⁸ Ibid.

³⁸⁹ Ibid.

³⁹⁰ Yacono X. Histoire de l'Algérie... P. 115.

³⁹¹ Ibid. P. 115–119.

³⁹² Malglaive M.de. Marengo (Alger) en 1848. Un directeur de colonie agricole: le capitaine de Malglaive (du Génie). Versailles, 1909. P. 14.

³⁹³ Yacono X. Histoire de l'Algérie... P. 115.

результатах сказывалась некомпетентность офицеров по сельскохозяйственным вопросам. Широко распространен был военный произвол и издевательства над поселенцами³⁹⁴. Неурожаи, нашествие саранчи, холера летом 1849 г.³⁹⁵ только усугубили положение. Историк Ш.-А. Жюльен задает по этому поводу вопрос: «... не хотел ли он [Ламорисьер] сознательно обречь колонизацию на провал по политическим причинам»³⁹⁶.

Специальная комиссия 1849 г. подтвердила ничтожность результатов и провал эксперимента. Она выступила за сохранение военного режима, который должен был исчезнуть через год, и посоветовала приостановить новые отправки поселенцев³⁹⁷.

Ряд историков, как, например, К. Яконо, Ш.-А. Жюльен, указывают и на положительные последствия этой неудачи³⁹⁸. Так, алжирская администрация, ожидая дальнейших отправок колонистов и опасаясь, что ее снова застанут врасплох, заложила базу под четырнадцать новых деревень, из которых двенадцать впоследствии будут называть «сельскохозяйственными поселениями 1849 г.», которые в действительности будут заселены позже и подчинены обязательствам Национального собрания от 10 июля 1851 г.: поселенцы должны быть заняты сельским хозяйством и располагать достаточными ресурсами для обработки 8–10 га земли, они получали построенный дом, однако участие государства ограничивалось общественно полезными работами.

Наряду с сельскохозяйственными поселениями, за их пределами возникали другие деревни. Без предварительного плана, одни возникали спонтанно, другие – в результате административных действий. Всего около 35 новых центров. Также можно добавить области, созданные в результате свободной колонизации, особенно в алжирском Сахеле, Митидже и в Боне³⁹⁹.

³⁹⁴ Julien Ch.-A. Op. cit. P. 369; P. 371.

³⁹⁵ Malglaive M.de. Op. cit. P. 12.

³⁹⁶ Julien Ch.-A. Op. cit. P. 370.

³⁹⁷ Ibid. P. 375.

³⁹⁸ Ibid. P. 375–376; Yacono X. Histoire de l'Algérie... P. 119.

³⁹⁹ Yacono X. Histoire de l'Algérie... P. 119.

В отчете о заселении, составленном в конце 1851 г., сообщалось, что европейское население составляло 131 283 человека, при этом французы составляли 66 050 человек, а число мусульман можно оценить в 2 200 000 человек. Официально насчитывалось 150 фермерских центров или объединений, созданных с 1830 по 1850 г.⁴⁰⁰.

Несмотря на неудачу сельскохозяйственных поселений, период Второй Республики также был ознаменован принятием важных законов. Прежде всего, это земельный закон от 16 июня 1851 г., вдохновителем которого был депутат от Алжира Анри Дидье⁴⁰¹. Статья 10 объявляла собственность неприкосновенной без различия между коренными жителями, французами или другими владельцами⁴⁰². Таким образом, постановления от 1844 г. и 1846 г. больше не могли применяться в отношении экспроприации, которой свободно пользовался генерал-губернатор. Тем не менее случаи изъятия земли новым законом были предусмотрены, но четко определены статьей 18: основание городов или деревень, возведение оборонительных сооружений или систем водоснабжения, строительство дорог⁴⁰³. Статья 11 нового закона касалась собственности коренного населения и признавала права собственности и пользования, принадлежащие отдельным лицам, племенам и фракциям племен в том виде, в котором они существовали во время завоевания или в том виде, в каком они были сохранены, урегулированы или учреждены впоследствии⁴⁰⁴. В этой статье появляются намеки на различие между коллективными землями арш (общинные пастбища или семейные наделы землевладельцев)⁴⁰⁵ и частной собственности на землю мульк. Это различие находит свое применение в режиме сделок. В статье 14 указывалось, что никакое право собственности или пользования, относящееся к земле территории племени не может быть отчуждено в пользу лиц, не принадлежащих к племени, кроме

⁴⁰⁰ Ibid. P. 120.

⁴⁰¹ Julien Ch.-A. Op. cit. P. 380.

⁴⁰² Yacono X. Histoire de l'Algérie... P. 123.

⁴⁰³ Ibid.

⁴⁰⁴ Ibid. P. 124.

⁴⁰⁵ История Алжира в новое и новейшее время. С. 16.

государства⁴⁰⁶. Что касалось земель мульк, находящихся на гражданской территории, как и в постановлении от 1 октября 1844 г., ни один имущественный договор, переданный мусульманином немусульманину, не мог быть оспорен на основании неотчуждаемости имущества хабус⁴⁰⁷ (согласно мусульманскому праву хабус являлся неотчуждаемым имуществом)⁴⁰⁸. Таким образом, можно говорить о так называемом «смешанном статусе», когда собственность определялась статусом покупателя: подчинялась французскому законодательству, если принадлежала европейцу, и мусульманскому праву, если переходила в руки коренного жителя⁴⁰⁹.

Что касается таможенного регулирования между Алжиром и Францией, стоит указать влияние депутатов Анри Дидье, Эмиля Барро, Леблана де Пребуа, которые требовали ассимиляции в данной сфере. В соответствии с законом от 11 января 1851 г. почти все алжирские товары беспошлинно ввозились во Францию. При этом Алжир больше походил на «торговую пристройку к Франции» колониального характера, так как речь шла больше не о торговле, а об обмене промышленных товаров на сырье. Иностранные товары, ввозимые в Алжир, облагались столичным тарифом кроме необходимых для новой территории товаров (строительные материалы, уголь и т. д.), они ввозились беспошлинно или по сниженным тарифам⁴¹⁰.

26 апреля 1851 г. был принят указ о концессиях. Под предлогом того, что формальности были многочисленными и трудоемкими, а бремя, возложенное на концессионера, было слишком тяжелым, временный правовой титул (предоставлял только право пользования) был заменен на окончательный (позволял закладывать и отчуждать). Для крупных концессий, площадь которых превышала 100 га, было отменено требование внесения до вступления во владение залога в размере десяти франков за гектар. Таким образом, новое законодательство работало в пользу

⁴⁰⁶ Yacono X. Histoire de l'Algérie... P. 124.

⁴⁰⁷ Хабус- неотчуждаемое имущество, принадлежащее религиозным братствам или учреждениям и мечетям.

⁴⁰⁸ Julien Ch.-A. Op. cit. P. 380.

⁴⁰⁹ Ibid.; Daresté de La Chavanne R. De la propriété en Algérie: loi du 16 juin 1851, Sénatus-consulte du 22 avril 1863. P., 1864. P. 11.

⁴¹⁰ Yacono X. Histoire de l'Algérie... P. 125.

крупных концессионеров. Они были практически лишены каких-либо обязательств и контроля⁴¹¹. Это вызвало волну жалоб на богатых горожан, которые получали сотни гектаров, которые они сдавали в аренду арабам, в то время как мелкие колонисты на своих небольших земельных участках пытались что-либо вырастить⁴¹².

Вторая республика продолжила ассимиляторский курс Первой республики. Конституцией 1848 г. Алжир был признан частью Франции. Деление Алжира на гражданские и военные территории приводило к половинчатому характеру принятых решений, которые только обнажали колониальные проблемы. Они обостряли борьбу за главенствующие позиции между генералами и префектами. Неравное правовое положение европейских поселенцев и местного коренного населения открывало возможности для финансовых, земельных, торговых спекуляций в пользу колонистов.

Правительство, озабоченное наведением порядка после революционных событий в столице, рассматривало Алжир местом для высылки июньских инсургентов и для организованных наспех сельскохозяйственных поселений, которые в первую очередь были созданы для отправки «неудобных» элементов, а потом уже для преодоления безработицы из-за закрытия национальных мастерских.

2.3. Ужесточение военного режима в Алжире в первые годы Второй империи

В ночь на 2 декабря 1851 г., принц-президент Луи-Наполеон Бонапарт совершил государственный переворот. Катализатором послужило то, что Конституция Франции 1848 г. ст. 45⁴¹³ не позволяла главе государства переизбираться на второй срок подряд. Попытка Луи-Наполеона Бонапарта и его

⁴¹¹ Julien Ch.-A. Op. cit. P. 376.

⁴¹² Ibid. P. 377.

⁴¹³ AN. AE/I/29/9. №14.

сторонников в 1851 г. внести изменения в Основной закон по этому вопросу не увенчалась успехом, депутаты Законодательного собрания в большинстве своем были против⁴¹⁴. Нарушив Конституцию, Луи-Наполеон провозгласил о его роспуске. Как указывали советские историки в многотомном труде по истории Франции, чтобы «ввести в заблуждение общественное мнение и затушевать контрреволюционный характер переворота»⁴¹⁵, Луи-Наполеон объявил о восстановлении всеобщего избирательного права, отмененного законом 31 мая 1850 г.⁴¹⁶.

В этот же день появилось воззвание Луи-Наполеона Бонапарта к народу⁴¹⁷, где он дал объяснения своим действиям и фактически сделал наброски новой Конституции. Критикуя членов Законодательного собрания, он указывал на то, что этот орган власти стал «рассадником заговоров», «вместо того, чтобы принимать законы на благо всех, оно выковывает оружие для гражданской войны», что ставит под угрозу спокойствие Франции⁴¹⁸. Называя народ «единственным сувереном Франции», он отдал решение по пяти «принципам Конституции» на всеобщее обсуждение в форме плебисцита: увеличение срока правления главы государства до 10 лет; ответственность министров только перед исполнительной властью; Государственный совет, состоящий из выдающихся граждан, подготавливает законы и представляет их Законодательному корпусу; Законодательный корпус, избираемый всеобщим голосованием, обсуждает и принимает законы; вторая Палата, состоящая из наиболее знаменитых граждан, защищает основной закон и гражданские свободы⁴¹⁹. Таким образом, Луи-Наполеон Бонапарт посредством плебисцита планировал легитимизировать государственный переворот и свои полномочия по подготовке и реализации новой Конституции.

⁴¹⁴ История Франции: В 3 т. М., 1973. Т. 2. С. 323.

⁴¹⁵ Там же. С. 328.

⁴¹⁶ Там же.

⁴¹⁷ Proclamation du Président de la République Appel au Peuple. P., 1851.

⁴¹⁸ Ibid.

⁴¹⁹ Ibid.

Итогом проведенного плебисцита стало принятие всех пяти положений, указанных выше: «положительных» избирательных бюллетеней было зарегистрировано 7 439 216, «отрицательных» 640 737, «недействительных» 36 820⁴²⁰. Что касалось плебисцита в Алжире, то в Алжире свои положительные голоса отдали 4 286 избирателей, в Константине 1 240, в Оране 1 001; «против» проголосовали, соответственно, 3 544, 1 333, 858; недействительных бюллетеней было зарегистрировано 82, 22, 14⁴²¹. Результаты очень хорошо показали отношение населения Алжира (той части, которая обладала правом голоса) к действующей власти: Алжир и Оран продемонстрировали небольшой перевес в сторону положительных голосов, а Константина вовсе проголосовала «против». Луи-Наполеон Бонапарт считал, в том числе из-за результатов указанного выше плебисцита Алжир страной «республиканизма» и «социализма», максимально способной собирать опасные элементы метрополии⁴²².

Несмотря на это, комиссии 1852 г. продолжили отправлять в Алжир противников правящего режима, отнесенные к категории «*Algérie plus*» по приезде на место попадали под режим военных исправительных учреждений, из категории «*Algérie moins*» были сформированы группы по 20 человек, занятые в работах по очистке земель и строительству поселковых деревень⁴²³. Данные об отправке новых «транспортированных» печатались в том числе в *Le Moniteur algérien*. Так, в номере от 25 ноября 1852 г. был опубликован согласованный принцем-президентом список, в котором присутствовали следующие сведения: фамилия, департаментская комиссия, вынесшая решение, категория, предложения министра (среди которых были «выселение», «полное помилование» и др.)⁴²⁴. Согласно положению на 1859 г., в Алжир был отправлено 6 258 осужденных (июньские инсургенты 1848 г. и противники переворота 1851 г.)⁴²⁵. Амнистия 1859 г. сделала

⁴²⁰ AN. AE/I/21/2. №2.

⁴²¹ Ibid. №8.

⁴²² Julien Ch.-A. Op. cit. P. 388.

⁴²³ Ibid.

⁴²⁴ Moniteur algérien: journal officiel de la colonie. 1852. Le 25 novembre.

⁴²⁵ Julien Ch.-A. Op. cit. P. 388.

возможным возвращение 5 465 бывших осужденных в метрополию. Принимая во внимание количество умерших и сбежавших, в Алжире осталось около 250 человек⁴²⁶. Большинство из них было сторонниками ассимиляции французов Алжира с французами метрополии и противниками военного режима и идеи «Арабского королевства», что соответствовало их демократическим взглядам⁴²⁷.

Переворот 2 декабря 1851 г. был воспринят по-разному французской общественностью, что породило полемику между сторонниками и противниками принца-президента⁴²⁸. Бонапартисты в традиционной для них манере прославляли «спасителя общества» Луи-Наполеона и соглашались в том, что во всем виноваты депутаты Законодательного собрания, готовившие заговор с целью его свержения. Республиканцы, всю вину возлагали на одного человека, которым являлся Луи-Наполеон. Чего только стоили обвинения одного из самых ярых критиков – известного французского писателя В. Гюго: одарив принца-президента целой палитрой самых нелюбимых характеристик: «шакал», «ничтожество», «человечишко», на долгое время закрепил за ним обидное прозвище «Наполеон малый»⁴²⁹. Крупная буржуазия, офицерство, чиновничество одобрили переворот, равно как и католическое духовенство, призвало население быть на стороне президента. Монархические группировки (легитимисты и орлеанисты) выступили с формальными протестами против незаконного захвата власти⁴³⁰.

Общая обстановка в Париже характеризовалась некоторой растерянностью и безучастностью горожан⁴³¹. Организовать сопротивление перевороту и призвать народ к оружию против «узурпатора-президента» выдвинулась небольшая группа

⁴²⁶ Ibid. P. 389.

⁴²⁷ Ibid.

⁴²⁸ В ф. 316 РГАСПИ содержатся материалы, которые показывают политические настроения французских горожан накануне 1851 г. См., например: РГАСПИ. Ф. 316. Оп. 1. Д. 1–2. Л. 42; Л. 53; Л. 57. Петиция мэру г. Бордо и письмо императору Наполеону III (с аналогичным содержанием) призывали переименовать объекты городской инфраструктуры (мост, площадь, ворота и т.п.) и вернуть тем самым величие имени Наполеона и его династии. Автор указывал, что именно этот момент (речь о 1857 г. – *А. Л.*), наиболее подходящее время. См.: РГАСПИ. Ф. 316. Оп. 1. Д. 3.

⁴²⁹ Смирнов А.Ю. Указ. соч. С. 15–17.

⁴³⁰ История Франции. Т. 2. С. 328.

⁴³¹ Смирнов А.Ю. Указ. соч. С. 175.

левых республиканцев и демократов, среди которых наиболее активную роль играл В. Гюго. Начавшееся 3 декабря республиканское восстание в Париже было подавлено в течение двух дней, не достигнув тем самым своих целей. Более серьезное сопротивление переворот встретил в провинции в 20 департаментах центральной и южной Франции начались восстания. Более 26 тыс. человек были арестованы, специальные правительственные комиссии, созданные во всех департаментах, занимались решением их дальнейшей судьбы. Согласно официальной статистике, около 21 тыс. человек было отправлено на каторгу, в ссылку⁴³².

С течением времени и в зависимости от политической конъюнктуры взгляд на государственный переворот 2 декабря 1851 г. переосмысливался. Отечественный историк А.Ю. Смирнов, изучая государственный переворот Луи-Наполеона Бонапарта 2 декабря 1851 г., отводил данному событию важную роль на пути формирования бонапартизма как метода управления установившегося впоследствии режима Второй империи⁴³³. Исследователь указывал на социал-национальную доктринальную основу бонапартизма Луи-Наполеона, ориентированного на широкие слои населения, что в том числе позволило принцу-президенту получить поддержку среди масс. Таким образом, А.Ю. Смирнов заключил: «Государственный переворот 2 декабря 1851 г. стал одновременно революцией крестьян против всевластия нотаблей и контрреволюцией принца-президента против буржуазной республики, которой он положил конец». Тем не менее внутреннее нестабильное положение в стране после государственного переворота 1851 г. вынудило Луи-Наполеона на сотрудничество с нотаблями и церковью⁴³⁴.

7 ноября 1852 г. Сенат издал сенатус-консульт, где согласно ст. 1 «императорское достоинство» (*la dignité impériale*) было восстановлено, Луи-Наполеон провозглашался императором французов под именем Наполеона III⁴³⁵.

⁴³² История Франции. Т. 2. С. 329; См.: Milza P. Napoléon III. P., 2007. P. 262–264.

⁴³³ Смирнов А.Ю. Империя Наполеона III. М., 2003. С. 12.

⁴³⁴ Там же. С. 250 – 256.

⁴³⁵ AN. AE/I/21/4. №1.

Это положение, а также статьи сенатуса-консульты о наследовании власти были вынесены на плебисцит 21 и 22 ноября 1852 г. Власти Алжира в лице генерал-губернатора, графа Жака Луи Рандона призывали солдат и местное население участвовать в голосовании и осуществить «самое ценное» и «легитимное» право, которое могло быть поручено нации: им предстояло выбрать форму правления, которая будет управлять судьбами Родины⁴³⁶. Таким образом, в соответствии со статьями 31 и 32 Конституции 1852 г., Сенат внес данные изменения по итогам проведенного плебисцита в Основной закон⁴³⁷.

В Конституцию, которая была принята 14 января 1852 г.⁴³⁸ вошли те принципы власти и государственного устройства, которые были выдвинуты Луи-Наполеоном в воззвании к народу 2 декабря 1851 г. и впоследствии утверждены плебисцитом 20 и 21 декабря 1851 г.⁴³⁹. Статья 27 Конституции 1852 г. утверждала «устройство колоний и Алжира» посредством принятия Сенатом соответствующего сенатуса-консульты⁴⁴⁰. Как указывал французский историк Ш.-Р. Ажерон, ввиду общего характера формулировки складывалось впечатление, что Сенату было поручено подготовить больше, чем просто новое административное устройство, настоящую Конституцию Алжира⁴⁴¹. Вместе с тем начавшийся процесс утверждения сенатуса-консульты был прерван. В отсутствие официальных ответов Ш.-Р. Ажерон предлагал обратиться к отчету генерала Аллара, который выступал за сохранение прежнего положения в Алжире: «Наша колония имела несчастье быть организованной 10 раз за пятнадцать лет; после стольких

⁴³⁶Le Moniteur algérien: journal officiel de la colonie. №1223. 1852. Le 10 novembre.

⁴³⁷Le Moniteur algérien: journal officiel de la colonie. №1225. 1852. Le 20 novembre.

⁴³⁸AN. AE/I/29/10.

⁴³⁹ Подробно политическое устройство, согласно новой Конституции, рассматривается в работе: Аванесян В. М. Луи-Наполеон Бонапарт - Наполеон III - основатель авторитарной империи во Франции: характерные черты // Личность и общество в историческом процессе : Сборник статей Международной научно-практической конференции, Рязань, 09–10 апреля 2020 года / Под редакцией И.М. Эрлихсон, Ю.В. Савосиной, Ю.И. Лосева. Рязань: Индивидуальный предприниматель Коняхин Александр Викторович, 2020. С. 145–164; Он же: Империя Наполеона III: Парламент и колон. политика: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.03. М., 1996.

⁴⁴⁰AN. AE/I/29/10.

⁴⁴¹ Ageron Ch.-R. Politiques coloniales au Maghreb. P. 46.

сменяющих друг друга трансформаций <...> одна из главных нужд для нее сегодня – это отдохнуть, не быть подверженной новым изменениям»⁴⁴².

Органическим декретом от 2 февраля 1852 г. уточнялось, что Алжир не будет иметь своих представителей в Законодательном корпусе. Таким образом, Алжир находился в ведении военной власти, которую могла ограничить только центральная⁴⁴³. Позиции военных властей укрепились декретом от 25 марта 1852 г. об административной децентрализации, который позволил генерал-губернатору вернуть свою власть над префектами⁴⁴⁴.

На следующий день после государственного переворота Луи-Наполеон назначил губернатором Алжира генерала Жака Луи Рандона, который пробыл на этом посту с 10 декабря 1851 г. по 24 июня 1858 г.⁴⁴⁵. Свою карьеру в Алжире Рандон начал в 1838 г. в качестве полковника 2-го егерского полка в Оране. Уделяя особое внимание сельскохозяйственным работам, он добился определенных успехов в этом направлении и признания со стороны маршала Бюжо. Уже в 1848 г. Рандон возглавил в Париже управление по делам Алжира, а в январе 1851 г. он был назначен военным министром. Вместе с тем, после государственного переворота 2 декабря 1851 г. пост военного министра был передан Сент-Арно, а Рандон в качестве компенсации был назначен генерал-губернатором Алжира (15 марта 1856 г. был назначен маршалом).

Деятельность Рандона на посту генерал-губернатора Алжира в первую очередь была связана с завоеванием Кабилии (сначала Восточной Кабилии, затем Большой Кабилии). Указанным событиям предшествовало совершенное с особой жестокостью взятие оазиса Лагуат (по свидетельствам очевидцев, после одного из сражений батальон только три дня занимался тем, что «сжигал трупы или таскал их в ямы»)⁴⁴⁶. Рандон был заинтересован этим регионом ввиду того, что Франция могла бы контролировать движение по пустыни Сахара и район, где были

⁴⁴² Цит. по.: Ibid. P. 47.

⁴⁴³ Yacono X. Histoire de l'Algérie... P. 168.

⁴⁴⁴ Ageron Ch.-R. Politiques coloniales au Maghreb. P. 47.

⁴⁴⁵ Julien Ch.-A. Op. cit. P. 389.

⁴⁴⁶ Ibid. P. 391.

сосредоточены агитаторы, поддерживающие беспорядки, которые распространялись на Телль⁴⁴⁷. Для успешного проникновения и умиротворения Кабилии было начато строительство дорог, что было очень трудоемким процессом. Восточная Кабилия была завоевана в результате военной кампании 1853 г., оставалось самое сложное – занять Кабийский массив и его центр Джурджуру. Итогом решающей кампании 1857 г. стали не только человеческие жертвы, но и денежные выплаты, которые кабийцы должны были выплатить. Их институты в общем были сохранены, но фактически вся независимость исчезла⁴⁴⁸, чтобы не мешать осуществлению административной ассимиляции.

Вторым важным аспектом генерал-губернаторства Рандона стал его конфликт с военным министром, маршалом Жаном Батистом Филибером Вальяном, сменившего в марте 1854 г. Сент-Арно. После декрета 25 марта 1852 г. префекты должны были отчитываться обо всей своей деятельности перед губернатором, и с тех пор, как генерал-губернатор стал практически единственным, кто вел корреспонденцию с военным министром, он искал каждый раз возможности расширить свои полномочия⁴⁴⁹. Это касалось вопроса использования фондов (земель, денег), собранных с арабов в виде *centimes additionnels*. Рандон также хотел лично фиксировать маршруты своих генералов субдивизий и быть осведомленным в случае каких-либо изменений. Если по первому вопросу Рандон был удовлетворен только спустя несколько лет (30 июля 1855 г.), то по второму министр постоянно отказывал⁴⁵⁰.

Пиковым моментом в конфликте послужила тема колониального бюджета. Убежденный, как ранее Блондель, что колония должна жить за счет собственных ресурсов, Рандон был сторонником учреждения специального бюджета, который позволил бы направлять налоговые поступления, полученные за счет увеличения «арабского» налога на экономическое развитие, и предложил создать колониальный автономный бюджет, подготовленный и рассчитанный генерал-

⁴⁴⁷ Ibid.

⁴⁴⁸ Yacono X. Histoire de l'Algérie... P. 133.

⁴⁴⁹ Ageron Ch.-R. Politiques coloniales au Maghreb. P. 47.

⁴⁵⁰ Ibid. P. 48.

губернатором, на что получил отказ министра. Чтобы преодолеть оппозицию маршала Вальяна, он пытался добиться реорганизации Алжира. В своих письмах, направленных напрямую императору Наполеону III (с 1854 г. адресовал напрямую императору, при министерстве Сент-Арно просил его класть письма перед глазами императора), он указывал на проблемы развития колонии ввиду того, что местные инициативы постоянно подвергались противодействию контроля военного министерства, просил о большей независимости губернатора (возвести до ранга министра) и требовал передать административные функции военного министра генерал-губернатору⁴⁵¹.

16 марта 1856 г. Рандон стал маршалом Франции, и казалось, что Наполеон III будет благосклонно относиться к его инициативам. Историк Ш.-Р. Ажерон указывает, что Сенат уже начал готовить серию декретов, соответствующих идеям Рандона и император собирался их подписать, пока не получил от маршала Вальяна аргументы против этого решения: «Алжир не может быть маленькой автономной империей возле Франции»⁴⁵².

30 декабря 1856 г. был принят декрет об административной децентрализации в Алжире⁴⁵³. Как указано в тексте декрета, основой послужили постановления 9 и 16 декабря 1848 г. об управлении Алжира и отчет военного министра маршала Вальяна (в своем отчете императору он указывал на декрет от 25 марта 1852 г. и принцип: «Насколько важно централизовать государственную деятельность, настолько необходимо децентрализовать чисто административную»)⁴⁵⁴. Согласно отчету маршала Вальяна, в Алжире необходимо было разделить полномочия по осуществлению децентрализации. Генерал-губернатору было поручено принятие решений по общим вопросам колонизации; префекты и генералы занимались вопросами, отвечающими за локальный интерес⁴⁵⁵.

⁴⁵¹ Ibid. P. 48–49.

⁴⁵² Ibid.

⁴⁵³ Collection complète des lois, décrets, ordonnances, réglemens, et avis du Conseil-d'État... T. 57. P. 6.

⁴⁵⁴ Цит. по: Collection complète des lois, décrets, ordonnances, réglemens, et avis du Conseil-d'État... T. 57. P. 6.

⁴⁵⁵ Ibid.

На деле декрет подтвердил лишь самые незначительные полномочия генерал-губернатора. Он по-прежнему должен был отчитываться перед военным министром, равно как и префекты с генералами перед генерал-губернатором⁴⁵⁶. Как справедливо указывал Ш.-Р. Ажерон, складывалось впечатление, что в реальности хотели «уничтожить его власть»⁴⁵⁷: «Находящиеся рядом, но не подчиняющиеся генерал-губернатору будут ли они (*местные власти*) нуждаться в этом фантоме власти, которому они должны только простые отчеты?»⁴⁵⁸. Казалось, Рандон смирился с данным положением дел, однако попытка пересмотра декрета от 30 декабря 1856 г. в соответствии с его чаянием об автономном колониальном бюджете, утверждаемом генерал-губернатором, стала возможной для маршала с установлением Министерства по делам Алжира и колоний в 1858 г.

2.4. Министерство по делам Алжира и колоний как опыт гражданской администрации в Алжире (1858–1860 гг.)

Подчинение Большой Кабилии, завершившееся в 1857 г., сделало завоевание страны уже практически завершенным фактом, и военный режим оправдывал себя все меньше и меньше в глазах своих противников; громкое «дело Дуано»⁴⁵⁹ дало гражданской оппозиции серьезную поддержку, что усилило давнюю борьбу в Алжире между военными и гражданскими; конфликт за власть между генерал-губернатором Рандоном и военным министром Вальяном, заставлявший императора обращать внимание на этот вопрос – все эти факторы способствовали созданию министерства по делам Алжира и колоний⁴⁶⁰.

⁴⁵⁶ Ibid. P. 9.

⁴⁵⁷ Ageron Ch.-R. Politiques coloniales au Maghreb. P. 49.

⁴⁵⁸ Цит. по: Ageron Ch.-R. Politiques coloniales au Maghreb. P. 49.

⁴⁵⁹ Капитан Огюст-Эдуард Дуано являлся главой «арабского бюро» в Тлемсене, был обвинен в подстрекательстве к убийству Мухаммеда бен Абдаллаха, ага в Бени Сну в сентябре 1856 г. Переведенный в суд присяжных Орана, капитан нашел защитников в лице офицеров «арабских бюро», однако, его это не спасло. Дуано был приговорен к смертной казни. Дело вызвало широкий резонанс. (Более подробно см.: Procès du capitaine Doineau et de ses coaccusés devant la cour d'Assises d'Oran (aout 1857). P., 1857).

⁴⁶⁰ Spillmann G. Napoléon III et le royaume arabe d'Algérie P. 18; Yacono X. Histoire de l'Algérie... P. 153.

Идея создания отдельного министерства для Алжира не была новой. Как указывает французский историк К. Яконо, она была сформулирована еще в 1843 г. Проспером Анфантенем в его книге «Колонизация Алжира»⁴⁶¹, а в 1846 г. секретарем Гизо, Жозефом Ленгаи в своей работе «Франция в Африке»⁴⁶². Более того, на одном из заседаний в Национальном собрании 1850 г., комиссия, ответственная за разработку законов, касающихся Алжира, подготовила проект, который предполагал учреждение специального министерства, ликвидацию поста генерал-губернатора и подчинение военной власти гражданской⁴⁶³.

В Алжире существовало мнение, что в Париже занимаются вопросом о переустройстве в североафриканской стране. Речь шла о передаче высшего управления принцу Наполеону в качестве вице-короля или наместника императора⁴⁶⁴. Французские исследователи сходятся во мнении, что именно французские колонисты Алжира были основными бенефициарами таких перемен⁴⁶⁵. Воспользовавшись указанными выше обстоятельствами, они потребовали положить конец военному режиму, упразднить генерал-губернатора и заменить на министерство Алжира во главе с принцем Наполеоном⁴⁶⁶.

Таким образом, Наполеон III решил опробовать опыт гражданской администрации в Алжире. В мае – июне 1858 г. комиссия во главе с принцем Наполеоном вела свою работу с целью выработки проекта по административной организации в Алжире⁴⁶⁷. Среди рассмотренных положений можно выделить следующие: введение поста министра Алжира в качестве наместника императора на месте⁴⁶⁸, создание Генерального совета, состоящего из 4 нотаблей на каждую провинцию сроком на три года⁴⁶⁹, сохранение военным министром и генерал-

⁴⁶¹ *Enfantin B.-P. Colonisation de l'Algérie. P., 1843. 542 p.*

⁴⁶² *Lingay J. La France en Afrique. P., 1846. 301 p.*

⁴⁶³ *Yacono X. Histoire de l'Algérie... P. 152.*

⁴⁶⁴ *Derrécagaix V.-B. Le Général de division Cte de Martimprey... P., 1913. P. 226.*

⁴⁶⁵ *Spillmann G. Napoléon III et le royaume arabe d'Algérie. P.19; Yacono X. Histoire de l'Algérie... P. 190.*

⁴⁶⁶ *Spillmann G. Ibid.*

⁴⁶⁷ *AN. 400AP/136. №404.*

⁴⁶⁸ *Ibid. №405.*

⁴⁶⁹ *Ibid. №406.*

губернатором своей власти до передачи полномочий, упразднение Управления по делам Алжира в Военном министерстве, начиная с подписания документа⁴⁷⁰.

24 июня 1858 г. декретом императора было создано министерство по делам Алжира и колоний. Принц Наполеон (Жером) его возглавил в качестве министра. Известный факт говорит, что Наполеон III хотел, чтобы принц Наполеон находился в Алжире и приезжал в отпуск в Париж на срок не более чем один месяц в год, где его постоянно представлял бы в Совете министров государственный секретарь. Тем не менее принца Наполеона это не устроило, император пошел ему навстречу, и именно формат министерства по делам Алжира и колоний, ввиду своей структуры, был наиболее приемлемым для того, чтобы оправдать присутствие принца в Париже⁴⁷¹.

В связи с новыми обстоятельствами генерал-губернатор Рандон попытался добиться своих старых целей и в июле 1858 г. предоставил принцу Наполеону проект, согласно которому министру по делам Алжира и колоний давались полномочия по решению важных вопросов, но за генерал-губернатором закреплялись вопросы использования колониального бюджета, проекты колонизации и общественных работ⁴⁷². Следует полагать, что это было неприемлемо для министра, так как уже в августе он написал рапорт императору, где указывал на необходимость упразднения генерал-губернатора и распределения его полномочий между «специальным министром и местными властями путем разумной децентрализации»⁴⁷³.

Рапорт принца Наполеона интересен еще тем, что в нем он указывал на: «... принципы, которые делают необходимыми меры, которые я предлагаю и какова ситуация в Алжире»⁴⁷⁴. Акцентируя внимание на озабоченности императора прогрессом «этой страны» и, обеспечивая посредством присутствия достаточного количества армии подчинение и спокойствие арабов, его правление имело главную

⁴⁷⁰ Ibid. №409.

⁴⁷¹ Ageron Ch.-R. Politiques coloniales au Maghreb. P. 20.

⁴⁷² Ibid. P. 51.

⁴⁷³ AN. 400AP/136. №352.

⁴⁷⁴ Ibid. №353.

цель – колонизацию⁴⁷⁵. Но для этого со стороны безопасности нужно больше свободы. Согласно автору рапорта, учитывая, что Алжир не похож никакую другую колонию (он сравнивает его с Индией и Соединенными Штатами), сложность состояла в том, что «... мы имеем воинственную расу, которую нужно удерживать и цивилизовать, эмигрантское население, которое нужно привлечь, слияние рас, которое нужно получить, высшая цивилизация, которую нужно развить путем применения великих открытий современной науки <...> Мы в присутствии, с одной стороны, вооруженной и живой национальности, которую необходимо подавить путем ассимиляции, и, с другой стороны, европейское население, которое увеличивается, нужно примирить эти противоположные интересы. Отсюда указанные роли военных и гражданских функций в Алжире»⁴⁷⁶.

Министр по делам Алжира и колоний делал акцент на серьезных расходах по завоеванию страны, а также на то, что пришло время компенсировать затраты метрополии. Согласно его идеям, целью деления территории на военную и гражданскую должна была быть подготовка населения военной территории к переходу под гражданский режим, через частную собственность, индивидуальные налоги. В то же время для гражданских территорий он указывал на подходящий момент для большей свободы действий и даже предлагал, чтобы министр не вмешивался в решение дел, кроме тех, которые представляли общий интерес. Его основной тезис, который должен был обеспечить процветание Алжиру – «Управлять из Парижа и администрировать на местах»⁴⁷⁷.

Перечисляя позитивные результаты деятельности предыдущих властей (завоевание завершено и обеспечено спокойствие, построены новые дороги и дома, платятся налоги), принц Наполеон обратил особое внимание на «практически нулевую колонизацию»: едва ли наберется 200 тыс. европейцев, из которых половина – французы и менее 100 тыс. – фермеры. Инвестиции редкие и дорогостоящие, дух инициативы и предпринимательства не получает должного

⁴⁷⁵ Ibid.

⁴⁷⁶ Ibid. №354.

⁴⁷⁷ Ibid. №354–356.

развития⁴⁷⁸. Выход из этой ситуации он видел в упразднении функций генерал-губернатора. По его словам, это дало бы министру и местным властям всю свободу действий, упростило бы управление. Тем более благоприятный момент настал ввиду отставки Рандона⁴⁷⁹ (в письме от 19 августа 1858 г. генералу де Мартемпрею он пишет о ее причинах)⁴⁸⁰.

Что касается военного вопроса, верховное командование армией по-прежнему подчинялось одному руководителю. Военная власть, возложенная на генерал-губернатора, осуществлялась главнокомандующим африканской армией и несла ответственность за безопасность страны и границ. Он также располагал военно-морскими силами, назначенными для Алжира в случае необходимости подавления беспорядков. Он находился в положении, сходным с маршалами занимающих высшие должности командующих действующими территориальными дивизиями во Франции. Взаимоотношения с административными и судебными органами регулировались на тех же принципах: префекты, управляющие гражданскими территориями, и особенно генералы, управляющие военными территориями, докладывали ему обо всем, что могло иметь отношение к общей политике и безопасности страны. Но административные вопросы как на военных, так и на гражданских территориях оставались вне его компетенций. Автор заключал, что следует ожидать лучших результатов от этой реорганизации⁴⁸¹. Принимая во внимание идеи, озвученные принцем Наполеоном в этом отчете, совершенно очевидными становятся контуры его политических взглядов и та группа лиц, выразителем чьих интересов он являлся.

Таким образом, на основе этого отчета Наполеон III 31 августа 1858 г. принял декрет⁴⁸², согласно статьям которого функции генерал-губернатора упразднялись,

⁴⁷⁸ Ibid. №359.

⁴⁷⁹ Ibid. №360.

⁴⁸⁰ Derrécaigaix V.-B. Op. cit. P. 229–231. В этот период в Алжире находился подполковник Макшеев, который в своем рапорте от 22. 08. 1858 начальнику Николаевской академии Генерального штаба сообщал о местах своих остановок. См.: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 469. № 760. Л. 51.

⁴⁸¹ AN. 400AP/136. №361–363.

⁴⁸² Collection complète des lois, décrets, ordonnances, réglemens, et avis du Conseil-d'État... T. 58. P., 1858. P. 448.

равно как и правительственный совет и генеральный секретариат правительства, поставленный рядом с генерал-губернатором в Алжире; вводилось высшее командование сухопутными и морскими вооруженными силами, чтобы обеспечивать власть императора и исполнение законов и в случае острой необходимости приостанавливать исполнение мер, принятых генералами и префектами⁴⁸³. Этой же датой был издан декрет о назначении дивизионного генерала Патриса де Мак-Магона⁴⁸⁴ главнокомандующим сухопутными и морскими вооруженными силами в Алжире⁴⁸⁵.

Этот декрет имел свой отклик. Клеман Дювернуа, французский политический деятель и журналист, в письме принцу Наполеону о реорганизации Алжира писал о том, что на протяжении 28 лет в Алжире присутствовало две системы: антиколонизаторская и колонизаторская – первая, которая до сих пор единственная победила, рассматривает колонизацию как дополнение оккупации⁴⁸⁶. Автор указывал на то, что, очевидно, принц Наполеон будет действовать против той системы, которая ему досталась от предшественников, иначе его деятельность не будет иметь значения. Развивая эту тему, К. Дювернуа указывал на три меры, которые идут против существовавших: ассимиляция побежденного народа с народом победителем; создание частной собственности; расширение прав и возможностей людей.

Исходя из позиций, направленных против военной власти в Алжире, К. Дювернуа предлагает принцу Наполеону не верить тем, кто предлагает для осуществления ассимиляции сохранение «арабских бюро»⁴⁸⁷. Так, бывший руководитель по гражданским делам в Алжире Виктор Фуше в своей работе 1858 г., посвященной «арабским бюро» в Алжире, указывает на то, что «Учреждение

⁴⁸³ Ibid. P. 450.

⁴⁸⁴ Подробно о личности Мак-Магона см.: Черкасов П.П. Маршал Мак-Магон // Новая и Новейшая история. 2018. Выпуск 5. С. 198–211. URL: <https://nni.jes.su/s013038640001430-1-1/> (дата обращения: 20.09.2023).

⁴⁸⁵ Collection complète des lois, décrets, ordonnances, réglemens, et avis du Conseil-d'État... T. 58. P., 1858. P. 450.

⁴⁸⁶ Duvernois Cl. La Réorganisation de l'Algérie, lettre à S. A. I. le prince Napoléon. Alger, 1858. P. 4.

⁴⁸⁷ Ibid. P. 7.

арабских бюро, на мой взгляд, и, по моему убеждению, слишком полезно для развития завоевания и колонизации, оно является слишком необходимым посредником по отношению к коренному населению»⁴⁸⁸.

К. Дювернуа выступал против тех, кто был за сокращение полномочий «арабских бюро», объясняя это закреплением позиций арабской аристократии, и возможностью офицеров «арабских бюро» использовать местных шерифов, которые могут поднять восстание, причиной, которого назовут реформы, проводимые министром по делам Алжира и колоний. Автор совершенно открыто указывал на опасения возврата «режима сабли», в то время как «миссия» принца Наполеона рассматривалась в избавлении от него. К. Дювернуа был против идеи замены гражданских «арабских бюро» на военные. Он иронично задавался вопросом, будет ли разница заключаться в замене людей, полностью одетых в черное на людей в туниках и красных штанах⁴⁸⁹.

К. Дювернуа видел административную ассимиляцию арабов легкой и простой. Чтобы она стала эффективной, должна быть создана частная собственность. После того как местное население подтвердит свой титул, следовало провести раздел излишков между арабами и колонизацией. Каждая арабская семья получила бы в среднем участок в 10 га, излишки пошли бы в счет государства⁴⁹⁰.

Таким образом, возглавляя министерство Алжира и колоний, принц Наполеон проводил линию, направленную на административную ассимиляцию. Это проявилось в распределении полномочий генералов и префектов. Так, в декрете об административной организации в Алжире 27 октября 1858 г. несмотря на то, что деление на три провинции и сохранение гражданских и военных территорий сохранялось, четко прослеживалась линия, направленная на ослабление военной власти. Префект гражданской территории, которому помогал совет префектур (состоял из четырех членов для департамента Алжир, из трех для

⁴⁸⁸ Foucher V. *Les Bureaux arabes en Algérie*. P., 1858. P. 7.

⁴⁸⁹ Duvernois Cl. *Op. cit.* P. 8–10.

⁴⁹⁰ *Ibid.* 19.

двух других) видел свои полномочия более широкими, нежели командующий военной территорией, рядом с которым теперь был образован совет по гражданским делам, который в свою очередь состоял из 4 членов, где у военных был только один представитель. В каждой провинции создавался Генеральный совет, который состоял из 12–20 человек, члены которого назначались императором по предложению министра Алжира и колоний из числа европейских нотаблей или местных жителей, живущих в провинции или являющимся там собственником⁴⁹¹. Генеральные советы, обсуждавшие вопросы бюджета, стали поборниками гражданской колонизации.

Принцем Наполеоном было создано также шесть новых супрефектур в Гельме, Сетифе, Медее, Милиане, Маскаре, Тлемсене, а также пять гражданских комиссариатов. Так шло посягательство на военную территорию через утверждение гражданских комиссариатов в Омале, Батне, Джиджелли, Немуре, Сук-Ахрасе⁴⁹².

Проявление политики ассимиляции было обозначено в судебных реформах. Апелляционный суд Алжира был реорганизован путем создания обвинительной Палаты, как указывал министр, это был «... еще один шаг на пути к полной ассимиляции с судами метрополии»⁴⁹³, который был уже пройден «по гражданским и исправительным делам»⁴⁹⁴. По мнению историка Жюльена, реформа «туземного» правосудия вызвала такую враждебность к принцу Наполеону, что, возможно, стала причиной его отставки⁴⁹⁵.

Политика ассимиляции заключалась в том, чтобы постепенно приблизить местное правосудие к французскому. В основном она была направлена на отмену широких полномочий офицеров, которыми они обладали. Естественно, офицеры «арабских бюро», в свою очередь, считали, что их полномочия необходимы для

⁴⁹¹ Collection complète des lois, décrets, ordonnances, réglemens, et avis du Conseil-d'État... T. 58. P., 1858. P. 485–486.

⁴⁹² Julien Ch.-A. Op. cit. P. 414.

⁴⁹³ Цит. по: Ibid. P. 415.

⁴⁹⁴ Ibid.

⁴⁹⁵ Ibid.

поддержания порядка. В итоге принц Наполеон учредил дисциплинарные комиссии: при главнокомандующем, в каждом административном центре дивизий и подразделений. Комиссия при верховном командовании предполагала, что министр будет депортировать «туземцев», о которых сообщалось как об опасных элементах для поддержания французского правления и общественного порядка. Дивизионные и комиссии подразделений могли ходатайствовать о заключении под стражу или возложить штраф: дивизионный максимум на один год и штраф 1 тыс. франков, подразделений 6 месяцев и штраф 500 франков. Проступки и нарушения, совершенные на военной службе, влекли теперь за собой только 15 суток и 50 франков, один месяц и 75 франков, два месяца и 100 франков тюремного заключения в военной тюрьме и уплата штрафа, назначаемых, соответственно, командирами округов, подразделений, дивизий⁴⁹⁶.

Помимо этого, чтобы ограничить злоупотребления, принц Наполеон запретил офицерам использовать специальную печать с арабскими символами, которая отныне предназначалась только для командиров дивизий, подразделений и округов. Он также отменил коллективные штрафы, которые возлагали на племена за преступления, совершенные на их территории, виновные в которых не были найдены⁴⁹⁷. Все эти решения вызвали сопротивление со стороны «арабских бюро», что заставило принца Наполеона смягчить решения и признать, что коллективные штрафы для племен сохранятся, когда речь идет о случаях с большим количеством виновных⁴⁹⁸.

Земельный вопрос был обозначен в декрете от 30 октября 1858 г. Документ подтверждал земельные транзакции в Алжире как уже осуществленные, так и будущие между мусульманами и евреями в соответствии со ст. 3 ордонанса от 1 октября 1844 г. и ст. 17 закона 16 июня 1851 г., а также свидетельствовал, что никакой земельный передаточный акт от «туземца» к европейцу не может быть

⁴⁹⁶ AN. 400AP/136. №320–324.

⁴⁹⁷ Julien Ch.-A. Op. cit. P. 415.

⁴⁹⁸ Ibid. P. 416.

оспорен исходя из мусульманского закона⁴⁹⁹. Поощряя гражданскую колонизацию, министерский указ от 4 декабря 1858 г. разрешал индивидуальный или семейный переезд коренного населения с военной территории на гражданскую для проживания в доме европейца. Более того, были предусмотрены меры в отношении местных вождей, которые воспрепятствуют такому желанию. Это решение было направлено на то, чтобы побудить туземцев смешаться с европейцами и подготовить их совместному проживанию на одной территории⁵⁰⁰.

7 марта 1859 г. принц Наполеон ушел в отставку. Это событие было воспринято с особой грустью со стороны европейского местного населения, которое возлагало надежды на свою счастливую жизнь и процветание гражданской колонизации именно с принцем Наполеоном. Множество писем, петиций с сожалениями, благодарностями за проделанную работу и надеждами о возможном возврате министра в Алжир можно было обнаружить в Национальном архиве Франции, фонде Наполеон: от жителей Филипвиля (15 марта 1859 г.)⁵⁰¹, Константины (14 марта 1859 г.)⁵⁰²; генерального совета Алжира, императорского прокурора Алжира, коммерческой Палаты Алжира⁵⁰³, муниципального совета и жители центра поселения Арба – 61 подписей, центра поселения Дуэра – 100 подписей, муниципального совета Шераги и Дели-Ибрагима⁵⁰⁴, мэра и жителей Весула-Беньяна – 110 подписей, евреев Алжира – 30 подписей⁵⁰⁵.

Новым министром по делам Алжира и колоний был назначен граф Проспер де Шаслу-Лоба, человек образованный, имевший политический опыт работы по Алжиру: он входил в состав нового высшего совета Алжира и колоний, созданного для совместной работы по всем важным вопросам, касающимся заморских владений Франции, был морским министром, который также отвечал за колонии.

⁴⁹⁹ Collection complète des lois, décrets, ordonnances, réglemens, et avis du Conseil-d'État... T. 58. P., 1858. P. 493.

⁵⁰⁰ Yacono X. Histoire de l'Algérie... P. 154.

⁵⁰¹ AN. 400AP/136. №310.

⁵⁰² Ibid. №292–293.

⁵⁰³ Ibid. №365.

⁵⁰⁴ Ibid. №366.

⁵⁰⁵ Ibid. №367.

Колонисты Алжира находились в напряжении, беспокоясь, что их положение пошатнется в сторону военных, и завоевания, полученные при принце Наполеоне, будут утрачены ими. Еще определенное время они пытались уговорить Наполеона III вернуть его на пост министра. Но Шаслу-Лоба запретил 7 сентября 1859 г. все петиции по этому вопросу и публикацию телеграмм⁵⁰⁶. Новый министр по делам Алжира и колоний поддерживал меры, принятые его предшественником. Это касалось административной и судебной организации, однако, он смягчил те меры, которые, по его мнению, представляли опасность или преждевременность событий. Так, он отменил декрет о свободе сделок с собственностью на военных территориях, что вызвало возмущение среди европейского населения и наоборот удовлетворение со стороны местных жителей и военных. Помимо этого, Шаслу-Лоба восстанавливает коллективную ответственность племен, возвращает офицерам «арабских бюро» часть их дисциплинарных полномочий⁵⁰⁷.

Экономическое развитие Алжира получило серьезный импульс. Происходила работа по строительству железных дорог, портов, дорог, очистке болот, водоснабжению, выращиванию промышленных с/х культур. Особенно эти работы проявились в Боне, Филипвиле, Алжире, Оране⁵⁰⁸. Будучи приверженцем капиталистической колонизации, что отвечало концепции императора, Шаслу-Лоба относился отрицательно к мелким поселениям, которые стоили дорого, но мало способствовали процветанию страны. Свое предпочтение он отдавал крупным частным корпорациям с большими техническими и финансовыми ресурсами, таким как «Женевская кампания», «Сосьете Женераль» (*la Compagnie Genevoise, la Société Générale*) и др.⁵⁰⁹. Он продолжил расширять гражданскую территорию, основывая центры колонизации всего 27 деревень с 1858 г. по 1860 г.

⁵⁰⁶ Ageron Ch.-R. *Politiques coloniales au Maghreb*. P. 51; Spillmann G. *Napoléon III et le royaume arabe d'Algérie*. P. 54.

⁵⁰⁷ Yacono X. *Histoire de l'Algérie...* P. 156.

⁵⁰⁸ Spillmann G. *Napoléon III et le royaume arabe d'Algérie*. P. 23.

⁵⁰⁹ *Ibid.*

включительно. Тем не менее это происходило без компенсаций для местных жителей⁵¹⁰.

Важную роль в административной и социально-экономической жизни Алжира играли «арабские бюро». Они были созданы в 1844 г., и изначально речь шла о военных постах, установленных армией и вверенных офицерам в качестве средства обеспечения дальнейшего завоевания⁵¹¹. При каждом бюро находились ходжа (секретарь), врач, переводчик, два клерка, спахи (отряд кавалерии) на случай необходимости, глава которых (шауш) помогал в обеспечении безопасности и спокойствия в окрестностях. Со временем количество арабских бюро росло, и к 1870 г. их было 49, а управляющих ими офицеров – 150⁵¹².

Являясь своего рода медиаторами между французским командованием и местным населением, «арабские бюро» должны были решать широкий круг задач. Так, ответственные за порядок и безопасность главы «арабских бюро» обеспечивали решение по множеству вопросов: налогообложение, правосудие, экономика, полиция, образование, здравоохранение, религиозная жизнь. Расширение полномочий, возлагаемых на глав «арабских бюро» без реального контроля, открывали путь к злоупотреблениям⁵¹³, что впоследствии активно использовалось в качестве основы для критики сторонниками гражданского режима в борьбе против военного. Особенно это проявилось в известном «деле Дуано», и лишь с ликвидацией «арабских бюро» в 1880 г. закончилась их борьба с европейскими колонистами. Так, в своей работе 1882 г. Морис Валь, преподаватель истории в лицее Алжира, писал о преувеличении значения собственной значимости офицеров «арабских бюро» и о том, что в армии их называли «партией взаимного восхищения», однако не отрицал их влияния, в том числе на императора Наполеона III⁵¹⁴.

⁵¹⁰ Ageron Ch.-R. *Politiques coloniales au Maghreb*. P. 55.

⁵¹¹ Peyroulou J., Tengour O., Thénault S. *Op. cit.* P. 36.

⁵¹² История Алжира в новое и новейшее время. С. 102.

⁵¹³ Peyroulou J., Tengour O., Thénault S. *Op. cit.* P. 37.

⁵¹⁴ Wahl M. *L'Algérie*. P., 1882. P. 241.

Французский историк К. Яконо, в своей работе рассматривая тему «арабских бюро», указывал на «могущественное братство»⁵¹⁵, сформированное в большей степени из офицеров, служивших в них. Сами военные сначала не воспринимали тех, кто в них работал. Они считали их функционерами, бухгалтерами, дипломатами, но впоследствии это изменилось. С течением времени на высших постах в армии оказались бывшие офицеры «арабских бюро», такие как Лапассе, Шанзи, Ламорисьер и др. Более того, офицеры «арабских бюро», отстаивая позиции коренного населения, нашли союзников в лице видных публицистов своего времени: Фредерика Лакруа, Исмаила Урбена. Таким образом, они сформировали своего рода группу давления, противостоящую группе колонистов и, с другой стороны, наоборот, установили связь с «лагерем Наполеона III»⁵¹⁶.

У «арабских бюро» не было какой-то определенной доктрины, однако та программа, которая была намечена Бюжо и Дома (основоположники «арабских бюро») была возобновлена Рандоном⁵¹⁷. Для многих офицеров единственным способом обеспечить безопасность было окончательно привязать туземца к Франции, и для этого необходимо было постепенно его отождествить с французом посредством двойной ассимиляции: сначала экономической и социальной, потом административной и политической. Что касалось экономической и социальной ассимиляции, ее реализацию они видели в разграничении собственности с целью создания индивидуальной, а также в строительстве домов и деревень, таких же, как во Франции. После их осуществления можно было говорить об административной и политической ассимиляции, которая представлялась более сложной. Так, Бюжо на заседании Палаты депутатов в июне 1847 г. обозначил следующие идеи о коренном населении Алжира: «... мы им пообещали, что будем к ним относиться, как если бы они были сыновьями Франции; мы им дали формальное заверение, что мы им сохраним их законы, собственность, религию, обычаи; мы им должны и для самих себя держать слово по всем пунктам наших слов. Мы заставим

⁵¹⁵ Yacono X. Histoire de l'Algérie... P. 135.

⁵¹⁶ Ibid.

⁵¹⁷ Ibid. P. 136.

почувствовать нашу силу и могущество племени Алжира; нужно, чтобы они узнали нашу справедливость и доброту, и предпочли наше правление правлению турок и Абд аль-Кадира. Таким образом, мы сможем надеяться, что сначала заставим их смириться с нашим господством, позже приучим их к нему и, в конечном итоге отождествим их с нами, чтобы они образовали единый народ с нами под властью короля французов»⁵¹⁸. Очень частыми среди офицеров «арабских бюро» были тезисы о слиянии рас (*la fusion des races*). Так как эта идея была близка сенсимонистам и фурьеристам, вполне очевидно, что такими офицерами были в основном те, кто симпатизировал этим социалистическим течениям. Таковым являлся капитан Ришар, который выступал за смешанные браки, при этом не считая препятствием разные вероисповедания у вступающих в брак⁵¹⁹. Некоторые офицеры, такие как Жюбо, глава «арабского бюро» в Тениет-эль-Хад предлагали создать что-то наподобие коммунального совета туземцев с той целью, что, предоставив им свободно обсуждать свои проблемы и нужды, можно было бы знать о реальном положении дел⁵²⁰.

В рамках реализации ассимиляции, а конкретно создания частной собственности, была реализована процедура расквартирования (*cantonnement*). Между тем намек на нее встречался и ранее. Так, в ноте от 30 октября 1847 г. генерал-губернатор указывал: «Расквартирование туземного населения является необходимой прелюдией европейской колонизации»⁵²¹. В циркуляре от 10 апреля 1847 г. Бюжо указывал, что цель заключалась не в том, чтобы изгнать арабов со своих земель, а в том, чтобы вовлечь их в колонизацию. И так как их земли, согласно его мыслям, не соразмерны населению племен, предполагалось отобрать не более чем $\frac{1}{5}$ или $\frac{1}{4}$ земель, и, это должно сопровождаться созданием частной

⁵¹⁸ Guizot F. Histoire parlementaire de France: recueil complet des discours prononcés dans les Chambres de 1819 à 1848. Vol. 5. P., 1863–1864. P. 432.

⁵¹⁹ Yacono X. Histoire de l'Algérie... P. 136.

⁵²⁰ Ibid. P. 137.

⁵²¹ Цит. по: Nouschi A. Op. cit. P. 263.

собственности⁵²². Интересно отметить, что опубликованная в 1846 г. работа⁵²³ доктора Вормса по земельной собственности в мусульманских странах, изобилующая правовой доказательной базой, дала своего рода основу политике Бюжо в этом направлении⁵²⁴. Расквартирование не носило законного характера, оно осуществлялось в качестве административной меры без каких-либо правительственных предписаний.

«Арабские бюро» взяли на себя проведение этой операции, как упоминалось выше, они были заинтересованы в создании частной собственности для осуществления ассимиляции. Расквартирование вызвало беспорядки в племенах, способствуя их распаду, увеличило земельные спекуляции со стороны отдельных колонистов и крупных финансовых корпораций, получавших лучшие земли коренного населения путем безвозмездной концессии или за незначительные деньги. Таким образом, офицеры «арабских бюро» поменяли свое мнение, осудили это предприятие, в то время как гражданская оппозиция, выступившая изначально против, в итоге ее поддержала⁵²⁵. Между тем в мае 1861 г. губернатор Пелисье создал комиссию для подготовки проекта императорского указа о расквартировании, что безусловно, вызвало шквал критики со стороны «арабских бюро»⁵²⁶.

«Арабская» колонизация должна была дополнять создание частной собственности у коренного населения, но могла существовать и без нее, учитывая расширение земель мульк и те ресурсы, которыми обладало государство. Она осуществлялась путем строительства домов и различных общественных сооружений с целью заинтересованности населения в поддержании порядка. Это могли быть дома-крепости с двойной функцией хранилища продовольствия и жилья для командования, роскошные особняки, огромные дома для мохазни,

⁵²² Yacono X. Histoire de l'Algérie... P. 137.

⁵²³ Worms M.-G. Recherches sur la constitution de la propriété territoriale dans les pays musulmans, et subsidiairement en Algérie. P., 1846. 499 p.

⁵²⁴ Yacono X. Histoire de l'Algérie... P. 138.

⁵²⁵ Ibid.

⁵²⁶ Ibid. Подробно об обнищании местного населения через раззии, земельные конфискации и другие колониалистские практики французов см.: Kateb K. Op. cit.

рассчитанные на несколько семей. Объединение в деревни выглядело предпочтительнее, этому содействовали в том числе «арабские бюро»: разрабатывали план и выбирали месторасположения, участвовали в церемонии закладки фундамента. Встречались также смала спахи, когда всадники должны были выполнять двойную функцию: полицейскую и сельскохозяйственную. Каждая палатка занимала от 15 до 18 га, поэтому проблемой для них было расширение европейского поселения, что приводило к их перемещениям⁵²⁷.

Данные о составе и количестве европейского населения Алжира демонстрировала сравнительная таблица, опубликованная в *Le Moniteur algérien* 31 марта 1852 г.⁵²⁸. Французы представляли большинство (всего: 67 433, Алжир 29 128, Оран 21 305, Константина 16 930), общее количество испанцев – 41 753, итальянцев – 7 607, «англо-мальтийцев» – 7 492, немцев – 3 058, швейцарцев – 1 698, пруссаков – 1 120, «англо-испанцев» – 646, бельгийцев и голландцев – 594, португальцев – 310, поляков – 296, англичан – 146, греков – 94, ирландцев – 84, русских – 23, остальных – 628.

Из общего числа европейского населения городскими жителями являлись – 85 678 человек, сельскими – 47 304. На гражданской территории проживало 114 555 человек, военной – 18 427. Мужчин всего – 53 674, женщин – 38 034, детей – 41 274. Общее количество – 132 982 человек, в сравнении 1849 г. – 112 606, что продемонстрировало небольшой, но прирост.

Таким образом, государственный переворот 1851 г. в Париже повлиял на положение дел в Алжире. Авторитарный режим требовал максимального сосредоточения власти в одном центре. Генерал-губернаторство Рандона, так рьяно мечтавшего и боровшегося за расширение своих полномочий и создание автономного бюджета было заменено на министерство по делам Алжира и колоний во главе с принцем Наполеоном. Руководствуясь принципом «управлять из Парижа, администрировать на местах», он проводил политику административной

⁵²⁷ Ibid. P. 140.

⁵²⁸ *Le Moniteur algérien: journal officiel de la colonie*. №1225. 1852. Le 20 novembre. Вопрос статистических данных в колониальный период рассматривается в работе К. Катеба. См.: Käteb K. *Européens, indigènes et juifs en Algérie, 1830–1962: représentations et réalités des populations*.

ассимиляции, направив все свои усилия на установление гражданского режима и поддержку европейских колонистов.

Колонизация, требовавшая новых земель, привела к проведению процедуры расквартирования, вызвала широкую критику со стороны офицеров «арабских бюро». Нарастающий круг проблем привел к тому, что император лично отправился с визитом в Алжир в 1860 г. для лучшего понимания реального положения дел и поиска путей решения.

ГЛАВА 3. ПРОВАЛ ПРОЕКТА «АРАБСКОГО КОРОЛЕВСТВА» В АЛЖИРЕ В ПЕРИОД «ЛИБЕРАЛЬНОЙ ИМПЕРИИ» (1860-е гг.)

3.1. Истоки и зарождение проекта «Арабского королевства» при императоре Наполеоне III

Реформы 1860-х гг. положили конец авторитарному периоду Второй империи и воплотили новые либеральные идеи⁵²⁹. В Алжире 1860–1870-е гг. были ознаменованы попыткой воплощения идеи «Арабского королевства» Наполеона III, начало которой было положено личной поездкой императора в Алжир в сентябре 1860 г. и принятием им мер по усилению положения военных на местах, а также его политикой по отношению к коренному населению, которая носила «арабофильский» характер.

Международная повестка середины XIX в. сделала для императора первостепенными вопросы борьбы за возвращение ведущих позиций Франции в «европейском концерте» после унижительных условий Венского конгресса и Крымской войны, активизировавшей восточный вопрос, а также активной колониальной экспансии, служащей удовлетворению appetitов крупной буржуазии.

Будучи сторонником идеи превращения Средиземного моря во «французское озеро», и следуя бонапартистской традиции в восточной политике, Наполеоном III был реализован грандиозный проект по строительству Суэцкого канала в Египте (1859–1869)⁵³⁰, однако попытка укрепиться в Сирии и Ливане в 1860–1861 гг. потерпела неудачу, что предопределило внимание к Алжиру как точке опоры в данном регионе⁵³¹. Император Наполеон III, вооружившись идеями сенсимониста

⁵²⁹ Подробно об этом см.: Уварова М. Коронованная демократия. Франция и реформы Наполеона III в 1860-е гг. М., 2014. 249 с.; Смирнов А.Ю. Империя Наполеона III. М., 2003. 283 с.

⁵³⁰ Строительство Суэцкого канала в Алжире связывают с именем французского консула в Александрии Фердинандом де Лессепсом, являвшимся главным идеологом и реализатором этого проекта.

⁵³¹ Подробнее о Сирийской экспедиции см.: Панченкова М.Т. Указ. соч.; Arboit G. Aux sources de la politique arabe de la France: Le Second Empire au Machrek. P., 2000.

И. Урбена и его сподвижников полковника Лапассе и префекта Ф. Лакруа, предложил так называемую политику «Арабского королевства» (*Royaume arabe*), в рамках которой гарантировалось уважение прав и земель коренных жителей колонии, а также предполагалась социальная интеграция мусульман в Алжире. Такое положение дел не отвечало интересам ни метрополии, ни колонии, что позволило говорить об изначальной утопичности этой идеи императора и предопределило ее крушение. Тем не менее последствия данной политики нашли свое отражение не только в сенатус-консультах 1863 г. и 1865 г., но и в решениях последующих правительств, которые искали идеологические опоры в своем колониальном опыте.

Полемика вокруг идеи «Арабского королевства» в Алжире началась с момента ее появления и не прекращается до сих пор. Разногласия касались самой формулировки, которую предложил император (*Арабское королевство*). Так, французский историк Ж. Табуле предлагал говорить об «*Алжирском королевстве*» ввиду того, что Алжир был населен не только арабами, а проводимая там политика — это политика протектората⁵³². Другой французский исследователь, Ж. Спиллманн, участвуя в данной дискуссии, согласился с данным тезисом, однако, уточнил, что он использовал в своей работе формулу «Арабское королевство», потому что Наполеон III употребил именно это выражение⁵³³.

Похожие размышления мы обнаруживаем в работах колониалистов середины XIX в. Ж. Дюваля и О. Варнье⁵³⁴. Так, О. Варнье указывал на то, что автохтонный народ — это берберы (кабилы) больше приближен к европейской цивилизации, чем арабы, и очень серьезная ошибка не отличать эти народы друг от друга⁵³⁵. Однако в большей степени это было продиктовано попытками некоторых идеологов

⁵³² Spillmann G. Napoléon III et le royaume arabe d'Algérie. P. 111.

⁵³³ Ibid. P. 112.

⁵³⁴ Duval J. Réflexions sur la politique de l'empereur en Algérie. P. 25; Warnier A. L'Algérie devant l'Empereur: pour faire suite à "L'Algérie devant le Sénat" et à "L'Algérie devant l'opinion publique". P., 1865. P. 3–21.

⁵³⁵ Warnier A. Ibid. P. 9.

колонизации разделить арабов и берберов, что предопределило появление «берберофилов»⁵³⁶.

Против использования понятия «Арабское королевство» выступал маршал Мак-Магон. В своем ответном письме императору Наполеону III от 11 августа 1865 г. он указывал на опасность волнений среди колонистов, так как это выражение было заимствовано из произведения, которое считалось враждебным по отношению к европейской колонизации (речь идет о работах сенсимониста И. Урбена – *А.Л.*): «Колонисты внушат себе, что мы хотим воссоздать арабскую нацию и сделать ее компактной, так, что европейский элемент не сможет туда войти»⁵³⁷. Он предлагал заменить этот параграф на: «... эта страна представляет обширную территорию, где расположены рядом туземное население достаточно многочисленное, европейская колония и французский лагерь»⁵³⁸. Мак-Магон также считал, что слово «туземец» более подходящее, чем «араб», так как значительную часть населения составляли берберы⁵³⁹. Тем не менее маршал совершает ошибку, указав в качестве источника выражения «Арабское королевство» работы И. Урбена. При внимательном изучении мы не встречаем там ни одного упоминания.

Полемика велась также по вопросу того, входил ли только Алжир в «Арабское королевство» Наполеона III или предусматривалось также включение других территорий.

Известный французский арабист Ш.-Р. Ажерон в одной из своих работ рассматривал проект «Арабского королевства» Алжира с возможностью контекста политики «арабских королевств». В связи с этим он указывал на идею «восстановления арабской империи» как части «Наполеоновских идей»⁵⁴⁰. Для подтверждения своих слов он приводит пример сначала дипломатической, а потом и военной интервенции Франции в Сирию в июле 1860 г. и агитационную работу во французской прессе по выдвижению кандидатуры эмира Абд аль-Кадира для

⁵³⁶История Алжира в новое и новейшее время. С. 105.

⁵³⁷ AN. 400AP/60. Dossier 2. Lettres du maréchal de Mac-Mahon. № 58; № 123.

⁵³⁸ Ibid.

⁵³⁹ Ibid. № 58; № 124.

⁵⁴⁰ Ibid. P. 135.

создания «арабского королевства» на Востоке⁵⁴¹. Как известно, заручиться поддержкой эмира в этом вопросе не удалось, по сохранившимся свидетельствам, он множество раз отказывал, ввиду угрозы со стороны турок⁵⁴².

Воспользовавшись внутренним кризисом между мусульманами -друзами и христианами- маронитами, в 1860 г. под предлогом помощи христианам, Наполеон III ввел экспедиционный корпус в Сирию. Стремление укрепиться в данном регионе способствовало развитию идеи создания там «Арабского королевства» под эгидой Франции и во главе с Абд аль-Кадиром, роль и значение которого возросло после укрытия эмира в своей резиденции более 12 тыс. христиан во время резни в Дамаске (июль 1860 г.). Поступок Абд аль-Кадира не оставил равнодушными практически никого, так, поступали письма и подарки в качестве признательности и восхищения его благородством, в том числе и от Александра II, а также имама Шамиля, а Наполеон III наградил его Большим крестом Ордена Почетного Легиона⁵⁴³. Англия, не желая укрепления Франции, получила поддержку от Австрии и Пруссии, что способствовало подписанию Органического статута по Горному Ливану и скорейшему выводу французских войск из Бейрута в 1861 г. Тем не менее французы неоднократно пытались использовать авторитет и популярность эмира для решения своих политических задач в Магрибе и Машрике.

Более того, европейские журналисты середины XIX в., воодушевившись спасением эмиром христиан, предлагали создать для него «Аравийскую империю», которая охватила бы Персидский залив, Красное, Черное и Средиземное моря, Атлантику. Но союз между народами Месопотамии (которая станет Ираком), Сирии, Ливана, Киликии, Турции, Палестины, Неджда, Хадрамаута, Египта, Ливии, Триполитании, Туниса и Алжира, Марокко невозможен. Их объединение было реально только путем завоевания, что делало эту задумку утопичной⁵⁴⁴.

⁵⁴¹ Ibid. P. 135–136. Подробнее см.: Arboit G. Aux sources de la politique arabe de la France: Le Second Empire au Machrek. P., 2000.

⁵⁴² Ibid. P. 139–141.

⁵⁴³ Estailleur-Chanteraine Ph. d'. Op. cit. P. 191–196.

⁵⁴⁴ Ibid. P. 192.

Вместе с тем, Ш.-Р. Ажерон разделял политику императора в Алжире и на Востоке. В первом, император искренне сочувствовал побежденному народу, выступал за примирение, объединение, основанному на «арабофилии», идеях сенсимонистов в сочетании с французским универсализмом, а создание «арабского королевства» на Востоке предполагало использование престижа Абд аль-Кадира для того, чтобы поставить его во главе профранцузского Арабского государства, и базировалось прежде всего на дипломатии великих держав⁵⁴⁵.

В сборнике документов по истории Магриба, А. Темими, анализируя восстание в Тунисе 1864 г., задается вопросом о возможном основании императором «Арабского королевства» путем объединения Туниса, Триполитании и Алжира. После рассмотрения характерных черт политики императора по отношению к этим странам, автор не дает четкого ответа о работе Наполеона III над созданием «Арабского королевства» в Магрибе ввиду отсутствия источников с прямым указанием на это. Тем не менее автор не исключает возможности существования такого плана⁵⁴⁶.

Отвечая на вопрос об использовании формулировки «Арабское королевство» и о том, было ли целью сделать французский Алжир «арабским государством», Ш.-Р. Ажерон объяснял, что это было информационной борьбой и вбросами алжирской прессы против провозглашенного императором политического курса в 1863 г.⁵⁴⁷. Ученый уточнял, что Наполеон III не собирался создавать «арабское государство» и ставить в его главе арабского правителя⁵⁴⁸. Ш.-Р. Ажерон не соглашался с тезисом исследователя Ж. Спиллманна, который утверждал, что «... в какой-то момент, он [император] безусловно подумал о том, чтобы сделать эмира Абд аль-Кадира генерал-лейтенантом этого королевства»⁵⁴⁹. Ш.-Р. Ажерон, утверждал, что «никогда император не помышлял о том, чтобы дать Абд аль-Кадиру крупное

⁵⁴⁵ Ageron Ch.-R. De « l'Algérie française » à l'Algérie algérienne. Vol. 1. P. 147.

⁵⁴⁶ Temimi A. Recherches et documents d'histoire maghrébine: la Tunisie, l'Algérie et la Tripolitaine de 1816 à 1871. Tunis, 1971. P. 28–30.

⁵⁴⁷ Речь идет о письме императора маршалу Пелисье (1863 г.) и сенатусе-консульте 1863 г., которые были расценены колониальной общественностью как «арабофилия» императора.

⁵⁴⁸ Ageron Ch.-R. De « l'Algérie française » à l'Algérie algérienne. Vol. 1. P. 142.

⁵⁴⁹ Цит. по: Ageron Ch.-R. De « l'Algérie française » à l'Algérie algérienne. Vol. 1. P. 142.

командование в Алжире или титул вице-короля»⁵⁵⁰. Так, Ажерон объяснял статью Э. де Жирардена в *La Presse* от 23 июля 1865 г., где сообщалось о прибытии Абд аль-Кадира в Париж и якобы «подходящем моменте, чтобы поставить его во главе Алжира»⁵⁵¹, не более чем политическим ходом, который «никогда не рассматривался историками как объявление правительственной инициативы»⁵⁵².

В тоже время Ш.-Р. Ажерон уточнял, что если рассматривать политику «Арабского королевства» в Алжире как стремление императора к «арабофилии», то данная формула имеет смысл. Еще в XIX в. маршал Рандон объяснял генералу Дево в феврале 1863 г.: «*Арабское королевство* было образным выражением так же, как и *Император арабов*, которое могло бы взволновать во многих отношениях тех, кто находится в Мосуле и Багдаде, тех, кто в Тунисе и Марокко...»⁵⁵³.

Отдельным вопросом стоял поиск истоков формулировки «Арабское королевство». Мысль о том, что это «арабофильские» работы И. Урбена «Алжир для алжирцев»⁵⁵⁴ и «Французский Алжир. Коренное население и иммигранты»⁵⁵⁵, исключалась, так как ни в одной из работ оно не употребляется, что мы тоже можем подтвердить. В свою очередь, маршал Мак-Магон считал именно их источником этой формулы. Французский антрополог, лингвист, писатель XIX в. Эмиль Маскере, не давая никаких уточняющих деталей, указывал на использование данного термина герцогом Омальским⁵⁵⁶. Однако сама формулировка, как уточнял историк Ш.-Р. Ажерон, встречается в работе французского журналиста, писателя, государственного чиновника Максимилиана Шарля Альфонса Серфберра, датированной 1834 г.⁵⁵⁷

В своем основательном труде французский историк А. Рей-Гольдзегер указывала, что политика «Арабского королевства» была предпринята

⁵⁵⁰ Ibid.

⁵⁵¹ Цит. по: Ibid.

⁵⁵² Ibid.

⁵⁵³ Ibid. P. 143.

⁵⁵⁴ Urbain I. (1861). *L'Algérie pour les Algériens*. P., 2000. 153 p.

⁵⁵⁵ Urbain I. (1862). *L'Algérie française, indigènes et immigrants*. P., 2002. 127 p.

⁵⁵⁶ Ageron Ch.-R. De « l'Algérie française » à l'Algérie algérienne. Vol. 1. P. 143.

⁵⁵⁷ Ibid.

императором, чтобы положить конец многолетней административной «неопределенности» в Алжире и найти такой путь, такую систему, которая обеспечила бы изначально поставленные задачи: завоевание и получение прибыли. Цель императора, согласно мнению историка, «превратить Алжир в политическую силу на службе у суверена и в элемент могущества для империи»⁵⁵⁸. Также она указывала на распространение французского влияния в мусульманском мире в южном средиземноморье от Алжира до Сирии как на одну из целей политики императора.

Британский исследователь Г. Мюррей-Миллер в своей работе, рассматривает политику «Арабского королевства» Наполеона III как типичный бонапартистский подход к алжирскому вопросу. Автор указывает на сакральность отношений между императором и подданными как основу бонапартизма, а также на его способность отождествлять себя с различными социальными и идеологическими группами как отличительные черты⁵⁵⁹. Он отмечает, что попытки представить Наполеона III «арабским» императором и его стремление «возродить» приходящий в упадок Восток восходят ко времени Наполеона Бонапарта и его стремлению «играть в мусульманина». По мнению ученого, бонапартизм предлагал систему, способную управлять многонациональным государством, допуская возможность имперского государственного устройства, сочетающего демократические практики с династической властью, что отличалось от республиканских идей, основанных на ассимиляции и «цивилизаторской миссии»⁵⁶⁰. Бонапартистская идеология предлагала модель, способную организовать разнообразное имперское сообщество, охватывающее Средиземноморье. Так, «арабский» электорат представлял собой одно сообщество среди множества других, связанных через имперского суверена, представляющего национальную волю. Как отмечал ученый, европейский элемент не был готов воспринимать арабскую национальность и ее

⁵⁵⁸ Grimal H. Annie Rey-Goldzeiguer, *Le Royaume Arabe. La politique algérienne de III, 1861–1870* // *Revue d'histoire moderne et contemporaine*. Т. 28. N°2, Avril-juin 1981. P. 380.

⁵⁵⁹ Murray-Miller G. *Bonapartism in Algeria: Empire and sovereignty before the third republic* // *French History*, 2018. 32 (2). P. 251. DOI: 10.1093/fh/cry005.

⁵⁶⁰ *Ibid.* P. 253–254.

интеграцию, так как это мешало их стремлению создать французский Алжир, более того, многие из них являлись республиканцами⁵⁶¹.

В другой своей работе Г. Мюррей-Миллер рассматривает время Второй империи и, в частности, политику «Арабского королевства» как время происхождения французского мультикультурализма. Дебаты по «алжирскому вопросу» в этот период значительно определили концепции «национальности» и «модерна» во Франции. И несмотря на то что «Арабское королевство» предусматривало создание места для мусульман во французской нации, оно фактически утвердило различия между французскими гражданами и подорвало цель создания французского космополитического сообщества⁵⁶².

Таким образом, под термином «Арабское королевство» мы понимаем образное выражение императора Наполеона III, которое в себя включало те политические меры по отношению к Алжиру, которые он обозначил в своих письмах маршалу Пелисье от 1863 г. и маршалу Мак-Магону от 1865 г. после своих поездок в Алжир в 1860 и 1865 гг. соответственно.

В связи с этим возникает вопрос: чем являлся Алжир для императора? С этой целью обратимся к личности Наполеона III. Еще до своего прихода к власти в 1848 г. он интересовался этой североафриканской страной и признавал, что ее оккупация положила конец пиратству и в то же время стала плацдармом в западном Средиземноморье, всего в 800 км от побережья Лангедока и Прованса. Однако это являлось единственным преимуществом по его мнению, так как на тот момент Алжир был очень затратным для Франции, и судьба его была не определена⁵⁶³⁵⁶⁴. Подобное суждение объяснялось его увлечением идеями социалистов: А. Сен-Симона, Р. Оуэна, О. Бланки, а также А. Смита⁵⁶⁵. Французский историк А. Рей-

⁵⁶¹ Ibid. P. 261–262.

⁵⁶² Murray-Miller G. A Conflicted Sense of Nationality... P. 1.

⁵⁶³ Spillmann G. Napoléon III et le royaume arabe d'Algérie. P. 11.

⁵⁶⁴ Вопрос об отказе от Алжира Луи-Наполеон Бонапарт не поддерживал, так как это могло привести к протестам в стране и недовольствам в армии, нанесло бы ущерб престижу Франции, которая, по его мнению, после 1815 г. уступала Англии и Германии в вооружении, индустриализации, внешней торговли. См.: Spillmann G. Napoléon III et le royaume arabe d'Algérie. P. 12.

⁵⁶⁵ Anceau E. Op. cit. P. 134.

Гольдзегер указывала на значительное влияние сенсимонистов на будущего императора и отмечала влияние П. Анфантена на его работу «Уничтожение пауперизма»⁵⁶⁶, написанного во время его заточения в крепости Гам (с 1840 по 1846 гг.). Исследовательница уточняла, что он использовал в большей степени теории сенсимонистов, нежели их алжирские проекты, например: главенство экономики над политикой, необходимость вмешательства государства в экономическую жизнь⁵⁶⁷. Отечественный историк Е.А. Вихрова в качестве источника социализма Луи-Наполеона Бонапарта указывала на его личные качества, а именно на «доброту»⁵⁶⁸.

Так как из-за закона об изгнании у Луи-Наполеона Бонапарта не было возможности составить собственное мнение об Алжире, побывать на месте, то помимо изучения парламентских дебатов и публикаций об этой стране он пользовался случаем и расспрашивал высокопоставленных лиц, побывавших там. В Лондоне он познакомился с генералом бароном Фабвье, который, будучи пэром Франции, совершил несколько инспекционных поездок в Алжир для проверки вооруженных сил⁵⁶⁹. Там же Луи-Наполеон Бонапарт встретился с маршалом графом Клозелем. Таким образом, пока он не имел точных и полных знаний, Алжир являлся «грузом», привязанным к Франции, от которого нельзя избавиться, но нужно облегчить⁵⁷⁰.

После своего избрания Президентом Республики в декабре 1848 г. принц Луи-Наполеон был озабочен в первую очередь решением внутривосточных вопросов и Алжиру не мог уделять достаточного времени. По мнению историка А. Рей-Гольдзегер, Алжир для Наполеона III до 1860 г. представлял «выгоду»⁵⁷¹. Помимо того, что Алжир рассматривался как место ссылки для оппозиционеров режима, отправленных в 1851 г., 1852 г. и 1858 г., он также представлялся как

⁵⁶⁶ Rey-Goldzeiguer A. Op. cit. P. 123.

⁵⁶⁷ Ibid.

⁵⁶⁸ Вихрова Е. А. Наполеон III – социалист? // Национальная Ассоциация Ученых. 2015. № 3-5(8). С. 166.

⁵⁶⁹ Spillmann G. Napoléon III et le royaume arabe d'Algérie. P. 13.

⁵⁷⁰ Ibid. P. 13–14.

⁵⁷¹ Rey-Goldzeiguer A. Op. cit. P. 126.

постоянный военный лагерь, идеальный для тренировок, воспитания смелости и выносливости у солдат⁵⁷². Помимо указанного, Алжир являлся источником для вознаграждений верных служителей режима и военных, которые помогли совершить государственный переворот в 1851 г. Взамен они снабжали Францию резервной армией на случай европейской войны или социальных потрясений⁵⁷³. В многотомном труде французского историка Т. Делора мы встречаем подтверждение данных мыслей⁵⁷⁴. И, наконец, Алжир должен был по задумке императора служить славе Наполеонов⁵⁷⁵.

Как указывал историк К. Яконо, изменение отношения императора к Алжиру в 1860-е годы соответствовало как эпохе либеральной империи, так и неудачам во внешней политике: мексиканское дело (1862–1867) и конфликт с Пруссией⁵⁷⁶. И если одни исследователи настаивали на «великодушии» императора как мотивах его политики, то К. Яконо указывал на его заботы о государственных расходах, не исключая тем не менее его благородные намерения⁵⁷⁷.

3.2. Поездки Наполеона III в Алжир (1860 г. и 1865 г.) и формирование нового курса

В 1860 г. император принял решение лично отправиться в Алжир, чтобы разобраться в проблемах, которые там назрели к этому времени⁵⁷⁸. Этот тезис подтверждается в работах А. Рей-Гольдзегер, Ж. Спиллманна, Ш.-Р. Ажерона, Э. Фурместро⁵⁷⁹. В связи с этим не совсем верным представляется рассматривать

⁵⁷² Ibid. P. 124–125.

⁵⁷³ Так, во время Крымской войны (1853–1856) при осаде Севастополя лучше всех проявили свою ценность и выносливость алжирские войска. См.: Rey-Goldzeiguer A. Op. cit. P. 125.

⁵⁷⁴ Delord T. Histoire du Second Empire : 1848–1869. P., 1873. T. IV. P. 67 ; P. 69 ; P. 70.

⁵⁷⁵ Rey-Goldzeiguer A. Op. cit. P. 126.

⁵⁷⁶ Yacono X. Histoire de l'Algérie... P. 160.

⁵⁷⁷ Ibid. P. 161.

⁵⁷⁸ Подробно рассматривается в работе: Лазутина А.Е. Первое путешествие Наполеона III в Алжир // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 11. С. 41–44.

⁵⁷⁹ Rey-Goldzeiguer A. Op. cit. P. 28; Ageron Ch.-A. Politiques coloniales au Maghreb. P. 56; Fourmestraux E. Op. cit. P. 25.

данную поездку Наполеона III в том свете, в каком ее характеризует Т. Делор: «Император с императрицей, одним прекрасным утром встали с фантазией появиться в Алжире на три дня»⁵⁸⁰.

Одной из основных причин поездки императора в Алжир являлась информация о состоянии дел в колонии, которую он получал. Историки М. Эмери, Ж. Спиллманн, А. Рей-Гольдзегер, Ш.-Р. Ажерон подтверждают, что донесения и рапорты поступали к суверену не только от высших функционеров, но и параллельными путями от частных информаторов. Таковыми являлись барон Давид, бывший офицер «арабских бюро», ставший депутатом и прославившийся своей работой, посвященной собственности у «арабов», где он рассматривал вопрос о недостатках системы расквартирования и больших капиталистических кампаниях, занятых в с/х колонизации⁵⁸¹; хирург О. Виталь, который прибыл в Алжир в один год вместе с известным «арабофилом» И. Урбеном в 1857 г. и поселился в Константине. Являясь достаточно авторитетным человеком, ввиду своей профессии, он был членом генерального совета Константины и хорошо знал проблемы своего региона. Он вел переписку с И. Урбеном и информировал его о состоянии дел по «арабскому вопросу»; генерал де Ла Рю, известный еще со времен Луи-Филиппа, в 1845 г. в рамках марокканского вопроса возглавил французскую делегацию. Наполеон III прибегал к его «разведывательным» талантам; генерал Дюкро разоблачал деяния, совершенные его коллегами, такие как раззии, снабжал императора документацией по Алжиру; офицер «арабских бюро» полковник Лапассе, сенсимонист И. Урбен⁵⁸². Вследствие чего император имел более полную картину положения дел в североафриканской стране, нежели он руководствовался бы одними официальными данными. Информаторы по «алжирскому вопросу» указывали на две большие проблемы, требующих решения.

⁵⁸⁰ Delord T. Op. cit. T. IV. P. 74.

⁵⁸¹ David J. *Réflexions et discours sur la propriété chez les Arabes*. Bordeaux, 1861.

⁵⁸² Rey-Goldzeiguer A. Op. cit. P. 19; Ageron Ch.-R. «L'Algérie algérienne» de Napoléon III à de Gaulle. P., 1980. P. 11; Emerit M. *La Révolution de 1848 en Algérie: mélanges d'histoire*. P., 1949. P. 88.

Первая проблема — это сосуществование и проживание на одной территории коренного населения и европейских колонистов. Помимо религиозных, культурных и других различий между ними, особое место занимал земельный вопрос. Обострение этой проблемы произошло в рамках процедуры расквартирования. Ситуация усугублялась тем, что колонисты, которые действительно занимались модернизацией с/х, обработкой земли, были в меньшинстве, подавляющее большинство не занималось земледелием, а перепродавало свои земли или сдавало их в аренду местным крестьянам. Все это провоцировало недовольства со стороны местного населения и враждебно настроивало европейских колонистов и автохтонов между собой. Об этом шла речь в докладе полковника Гандиля практически накануне приезда Наполеона III в колонию (июль 1860): «... наиболее стойкая и поддерживаемая сегодня идея у туземцев, что французы хотят изгнать их из страны отцов или понизить до состояния рабов колонистов. Они пришли к этому убеждению благодаря колонистам, которые не скрывают ни своей жадности, ни своих ожиданий...»⁵⁸³.

Второй проблемой являлась постоянная борьба между военными и гражданскими. Военные указывали на опасность, которую стоит ожидать в ходе решений, принятых гражданскими: ущемления и грабежи местного населения. Речь шла о возможных восстаниях и бунтах «туземцев». Гражданские, в свою очередь, обвиняли военных в провокациях восстаний с целью поддержания враждебности⁵⁸⁴. В качестве еще одной причины поездки императора историк А. Рей-Гольдзегер указывала желание суверена разобраться в неудачном министерском опыте принца Наполеона в Алжире⁵⁸⁵.

Таким образом, 23 августа 1860 г. в газетах сообщалось, что императорская чета и принц империи (Наполеон Эжен) покинули Париж, чтобы посетить не только новые французские территории Савойи и Ниццы (согласно Туринскому договору 1860 г.), но и Алжир⁵⁸⁶. Посещение Алжира продлилось три дня, с 17 по

⁵⁸³ Цит. по: Ageron Ch.- R. *Politiques coloniales au Maghreb*. P. 53.

⁵⁸⁴ *Ibid.* P. 56.

⁵⁸⁵ Rey-Goldzeiguer A. *Op. cit.* P. 126.

⁵⁸⁶ *Le Constitutionnel, journal politique, litteraire, universel*. [s.n.] Paris. № 236. 1860. Le 23 août.

19 сентября, и состояло, по сути, из трех действий: посещения г. Алжир, инаугурации, джигитовки и смотра войск. Тем не менее Наполеону III удалось составить впечатление о стране. Он принял визит бея Туниса, заложил первый камень бульвара императрицы, имел частные беседы, произнес памятную речь.

Так, в беседе с генералами и префектами первые высказывали опасение, что первенство было отдано гражданской власти, «противнику интересов арабов», в то время как восстания оставались постоянной угрозой. Префекты, в свою очередь, защищали причину колонизации, «расширение гражданской территории»⁵⁸⁷. В своей речи 19 сентября император выразил благодарность армии: «Когда я поставил ногу на африканскую землю, моя первая мысль была обращена к армии, смелость и настойчивость которой завершили завоевание этой огромной территории...»⁵⁸⁸, с уважением к местному населению и необходимости: «... возвести арабов до ранга свободных людей, распространить на них образованность, уважая их религию, улучшить их существование...»⁵⁸⁹, с надеждами о колонистах: «Что касается этих смелых колонистов <...> метрополия никогда их не оставит без защиты <...> мы должны надеяться, что, следуя их примеру, новое население будет приезжать, чтобы обосноваться на этой навсегда французской земле»⁵⁹⁰. В заключении своей речи он объявил: «... и, если я пересек море, чтобы какой-то момент провести с вами, чтобы оставить здесь <...> уверенность в будущем...»⁵⁹¹. Поездка императора была прервана печальной новостью из Парижа о смерти сестры императрицы Евгении, именно поэтому вместо запланированного месяца она продлилась всего три дня.

Последствия поездки Наполеона III были значительными для всех, кого касался алжирский вопрос. Одним из главных итогов стала либеральная эволюция режима. На это повлияло, безусловно, личное впечатление суверена о стране: «... император принял во внимание прежде всего невыносимое напряжение, которое

⁵⁸⁷ Ageron Ch.-R. *Politiques coloniales au Maghreb*. P. 56.

⁵⁸⁸ Цит. по: Fourmestraux E. *Op. cit.* P. 27.

⁵⁸⁹ Цит. по: Fourmestraux E. *Op. cit.* P. 28.

⁵⁹⁰ *Ibid.*

⁵⁹¹ *Ibid.*

присутствовало в официальном круге между гражданскими и военными. Внутренний батальон служащих неприятно впечатлил его, в то время как местное население, наоборот...»⁵⁹².

Французский историк Ш.-Р. Ажерон указывает на личные качества императора, повлиявших на эти метаморфозы: «Когда он осведомился, природное благородство инстинктивно направило его на очень либеральную политику по отношению к туземцам»⁵⁹³. Ему вторит исследователь А. Рей-Гольдзегер: «Наполеон III видел в местном жителе больше эксплуатируемого, чем побежденного. Его природная благородность побудила изменить анализ положения дел в колонии. Он хотел поставить колонизацию на службу благородной идее. Говоря об определяющей цели местной политики, он употребил термин «искупление». Больше, чем политик, он хотел оправдать эту колонизацию, которая была ему навязана цивилизаторской миссией. Он хотел найти решение, которое удовлетворило бы его сердце и ум»⁵⁹⁴. На изменение политического курса императора повлияло и его окружение, а именно герцог де Морни. По мнению А. Рей-Гольдзегер император «не мог выдержать идеи, заглушить «арабскую нацию» в пользу горстки колонистов во имя ассимиляции»⁵⁹⁵. Отметим сразу, что несмотря на такую лестную характеристику со стороны французских исследователей, принятые законы, которым император не препятствовал, не соответствовали «благородной» риторике, которую нам предлагают, а совсем наоборот, направлены были на удовлетворение интересов групп влияния.

После своего возвращения в Париж император начинает работать над восстановлением военного режима в Алжире. Декрет императора от 24 ноября 1860 г. упразднил министерство по делам Алжира и колоний, объединив колонии под началом Военно-морского министерства (ст. 4). Граф Шаслу-Лоба был назначен министром военно-морского флота и колоний, заменив адмирала Гамлэна (ст. 5), который, в свою очередь, заменил маршала Пелисье, став великим канцлером

⁵⁹² Rey-Goldzeiguer A. Op. cit. P. 126.

⁵⁹³ Ageron Ch.-R. Politiques coloniales au Maghreb. P. 57.

⁵⁹⁴ Rey-Goldzeiguer A. Op. cit. P. 126.

⁵⁹⁵ Ibid.

Почетного легиона (ст. 6). Последний же, маршал Пелисье, был назначен генерал-губернатором Алжира (ст. 7)⁵⁹⁶.

Надежды колонистов на усиление гражданского режима начали рассеиваться с принятием императорских декретов, которые утвердили главенство военных. Согласно декрету от 10 декабря 1860 г., управление и высшая администрация Алжира сосредотачивались в Алжире под руководством генерал-губернатора (ст. 1)⁵⁹⁷, однако правосудие, образование и культы были подчинены соответствующим министерствам метрополии, кроме франко-арабских и «туземных» школ, которые оставались в исключительном ведомстве генерал-губернатора (ст. 5).

Генерал-губернатор отчитывался напрямую императору о политической и административной ситуации в стране (ст. 2) через военного министра (ст. 7). Он также управлял сухопутными и морскими силами в Алжире, при этом военный министр и министр военно-морских сил сохраняли власть над армией и военно-морскими силами (ст. 3). Губернатору помогали два Совета с ограниченными полномочиями. Под руководством губернатора работал Консультативный и Высший советы. Первый состоял из главного управляющего гражданской администрацией, главного командующего инженерными войсками, главного инспектора по общественным работам, главного инспектора по финансовым вопросам, двух советников-докладчиков, секретаря и давал свое заключение по любому акту, касающемуся государственной сферы (ст. 9–10). Второй собирался для рассмотрения вопросов, касающихся годового бюджета и распределения налогов (ст. 12). Он состоял из заместителя губернатора, членов Консультативного совета, трех главнокомандующих военными дивизиями, первого председателя императорского Суда в Алжире, трех префектов департаментов, епископа, ректора академии, шести членов Генерального совета (ст. 12). Выработанный проект бюджета отправлялся на утверждение военному министру (ст. 13). Генеральные

⁵⁹⁶ Collection complète des lois, décrets, ordonnances, réglemens, et avis du Conseil-d'État... Т. 60. Р., 1860. Р. 593–594.

⁵⁹⁷ С 1860 г. по 1864 г. этот пост занимал маршал Пелисье, с 1864 г. по 1870 г. маршал Мак-Магон.

советы провинций сохранялись в том виде, каком были учреждены декретом от 27 октября 1858 г. (ст. 17)⁵⁹⁸.

Декрет от 7 июля 1864 г., направленный на «единство в управлении Алжиром», подтверждал власть военных еще более очевидно⁵⁹⁹. Общее руководство по гражданским делам было упразднено (ст. 3), был создан пост генерального секретаря правительства по гражданским делам (ст. 4). Консультативный совет был переименован в правительственный, где генеральный секретарь правительства по гражданским делам находился рангом ниже, чем заместитель губернатора (ст. 6), равно как и в Высшем совете (который был сохранен) он находился рангом ниже дивизионных генералов (ст. 7). Более того, общее управление гражданской и военной территорией провинций было поручено главнокомандующим дивизиями, которые теперь назывались главнокомандующими провинциями (ст. 13). Они подчинялись генерал-губернатору и периодически отчитывались перед ним, получая, в свою очередь, от него инструкции по колонизации и «арабским» вопросам (ст. 15). Гражданская территория каждой провинции административировалась префектом, но под властью главнокомандующего провинцией (ст. 17). Префекты должны были периодически отчитываться перед ними, а также они получали от них инструкции по вопросам колонизации. Более того, префекты могли обратиться к генерал-губернатору только через главнокомандующего провинцией (ст. 19). Управление местным коренным населением проводилось через «арабские бюро» (ст. 25)⁶⁰⁰.

Генерал-губернатор был ответственным за надзором за прессой и был наделен полномочиями в экстренных случаях взять на себя все меры в отношении правопорядка и общественной безопасности. Это было продиктовано тем, что маршал Рандон, помимо прочего, связывал восстания на юге Орана именно с

⁵⁹⁸ Collection complète des lois, décrets, ordonnances, réglemens, et avis du Conseil-d'État... T. 60. P., 1860. P. 600–601.

⁵⁹⁹ Ibid. T. 64. P., 1864. P. 398.

⁶⁰⁰ Ibid. P. 398–399.

протестами и «криками» алжирской прессы⁶⁰¹. Военному министру поручалось окончательное утверждение бюджета колонии⁶⁰².

Реакция европейского населения Алжира на этот декрет была враждебной, но не такой яростной, как на императорское письмо маршалу Пелисье от 1863 г. Они боялись быть поставленными на военных территориях под власть генералов и оказаться чувствительным к *deminutio capitis* (лат. (ром.) умаление правоспособности) префектов. Усиление роли военных было подкреплено также декретом от 1 апреля 1865 г., согласно которому гражданская территория была уменьшена с 1 854 990 до 1 015 990 га⁶⁰³.

Назначив маршала Пелисье генерал-губернатором Алжира, император рассчитывал на его авторитет, чтобы навести порядок на местах, где уже два года не было прямого управления, имелось в виду время министерства по делам Алжира и колоний, глава которого проживал в Париже. Новый губернатор получал теперь указания от императора, а военный министр брал на себя управление алжирской администрацией. Наполеон III назначил ему двух заместителей: генерала де Мартемпрея для командования войсками и префекта Мерсье-Лакомба для гражданской администрации. Как известно, маршал Пелисье не был сторонником политики, проводимой Наполеоном III в Алжире, и часто шел против решений суверена. В письме от 1 ноября 1861 г. маршалу Пелисье, император указывал, что для достижения цели, которой он придавал большое значение («наши владения в Африке – это не обычная колония, а арабское королевство»; «арабский элемент является жизненно важным элементом колонизации»)⁶⁰⁴ необходимо придать импульс, совершенно противоположный тому, который существовал до этого: вместо «расквартирования» – «успокоить местное население, предоставив им землю», вместо того, чтобы продавать государственную собственность, закрепленную за арабами – необходимо ее сохранить; вместо того чтобы оттеснять их в пустыню – нужно их направить на плодородные равнины, вместо расширения

⁶⁰¹ Piquet V. La colonisation française dans l'Afrique du Nord. Algérie-Tunisie-Maroc. P., 1914. P. 94.

⁶⁰² Ageron Ch.-R. Politiques coloniales au Maghreb. P. 66.

⁶⁰³ Ibid. P. 67.

⁶⁰⁴ Цит. по: Spillmann G. Napoléon III et le royaume arabe d'Algérie. P. 25.

гражданской территории – нужно ее ограничить, вместо следования примеру североамериканцев – следовать примеру испанцев в Мексике⁶⁰⁵. А также император указывал на необходимость создания военных поселений, так как «каждый араб является солдатом», и впоследствии можно было бы рассчитывать на их военную помощь (проект полковника Бренкура)⁶⁰⁶.

В ответном письме императору от 25 ноября 1861 г. маршал Пелисье изложил совершенно противоположное мнение. Обращая основное внимание земельному вопросу, в рамках процедуры «расквартирования», которой он и занимался, генерал-губернатор указывал, что эти «примитивные племена» без европейцев не смогут использовать землю так, чтобы извлекать из нее максимальную выгоду для Франции. То есть, согласно Пелисье «араб должен быть руками колонизации, но не ее головой»⁶⁰⁷. Пелисье, соглашаясь со своими предшественниками, маршалом Бюжо и генералом Рандоном, акцентировал внимание на необходимости европейского присутствия в большем количестве, чем местного населения. Вопрос о военных поселениях он считал несостоятельным, так как уже был опыт создания подобной системы, которая показала свою неэффективность⁶⁰⁸.

Возвращаясь к вопросу о системе «расквартирования», нужно вспомнить, что неточное толкование закона от 16 июня 1851 г. открывало возможность для спекуляций, и маршал Пелисье не мог этого не знать. Это вызвало большую волну протестов, особенно со стороны офицеров «арабских бюро». Учрежденная в мае 1861 г. комиссия изучила проект, регулирующий расквартирование племен. Император представил его на рассмотрение Государственного совета, который в итоге его отклонил⁶⁰⁹. Чтобы пресечь подобные инициативы, Наполеон III приказал определить основы Конституции Алжира, для обсуждения которой будет созван Сенат.

⁶⁰⁵ Цит. по: Ibid. P. 27.

⁶⁰⁶ Цит. по: Ibid.

⁶⁰⁷ Цит. по: Ibid. P. 28.

⁶⁰⁸ Цит. по: Ibid. P. 29–30.

⁶⁰⁹ Ibid. P. 31.

Через три года после посещения североафриканской страны, а именно, 6 февраля 1863 г. император написал свое «знаменитое» письмо маршалу Пелисье, в котором изложил свои идеи на политику в Алжире. Это письмо было воодушевлено трудами сенсимониста Исмаила Урбена «Алжир для алжирцев» и «Французский Алжир. Местное население и иммигранты». Факт заимствования основных тезисов подтверждают ряд историков: Ш.-Р. Ажерон, М. Эмери, Р. Пиллорге⁶¹⁰. И. Урбен в автобиографии указывал на заимствования, который император употребил в своей работе⁶¹¹. Более того, император не скрывал этого факта: «Я совершил плагиат вашей брошюры, чтобы написать мое письмо от 6 февраля»⁶¹². Интересным представляется тот факт, что вышеназванные брошюры И. Урбена стали причиной недовольства колонистов и «арабофобов». Император, зная это, тем не менее использовал основные идеи этих работ в своем письме. Он начинает с упоминания обещаний, данных предыдущими правительствами Алжира, а именно: «... уважать их религию и собственность»⁶¹³. Правитель говорил о соблюдении режимом Империи этих установок и приводит пример благородно им освобожденного эмира Абд аль-Кадира⁶¹⁴. 30 октября 1852 г. Абд аль-Кадир подписал декларацию, в

⁶¹⁰ Ageron Ch.-R. «L'Algérie algérienne» de Napoléon III à de Gaulle. P. 27; Emerit M. La Révolution de 1848 en Algérie... P. 89; Pillorget R. Op. cit. P. 30–36.

⁶¹¹ BNF. Ars. Ms 13737. Fol. 32.

⁶¹² Цит. по: Ageron Ch.-R. «L'Algérie algérienne» de Napoléon III à de Gaulle. P. 27.

⁶¹³ Цит. по: Fourmestraux E. Op. cit. P. 34.

⁶¹⁴ С сентября 1852 г. президент Республики, Луи-Наполеон Бонапарт начал свое турне по Франции. Во время, которого, 16 октября он остановился в замке в Амбуазе и объявил эмиру Абд аль-Кадир о его свободе. Французский историк К. Вигуре рассматривая личности Луи-Наполеона Бонапарта и Абд аль-Кадира, пришел к выводу, что многое в судьбах этих двух людей было схожим, что предопределило взаимную симпатию. Дело в том, что Абд аль-Кадир обменял свою «саблю» и своего коня на добровольную ссылку на мусульманской земле в Дамаске, где он хотел провести свою жизнь в молитвах (см.: Vigoureux C. «Napoléon III et Abd-el-Kader» // *Napoleonica. La Revue*. 2009. Vol. 4. №1. P. 111–143). Но как известно, взяв эмира со свитой на корабль, французы обманули его. Они объяснили ему, что трансфер на Ближний Восток будет отложен на несколько недель, и предоставили ему жилье в форте Ламальг в Тулоне. Крах Луи-Филиппа в феврале 1848 г. вызвал надежду у эмира. Но, правительство Второй Республики не ратифицировало обязательств, данных Июльской монархией. Абд аль-Кадир был перевезен в По, замок Генриха IV, а потом в замок Амбуаз. Эмир неоднократно просил у правительства уважать данное слово и позволить ему жить на земле, где исповедуют ислам («Мы не можем жить в стране, в которой одежда, язык, пища и все в целом полностью отличается от наших»). Цит. по: Vigoureux C. «Napoléon III et Abd-el-Kader» // *Napoleonica. La Revue*. 2009. Vol. 4. №1. P. 111–143). После того как к власти пришел принц Луи-Наполеон Бонапарт, уже на первых заседаниях в Елисейском дворце он вел дискуссии об освобождении эмира. Но, Конституция требовала еще

которой обещал, что не обманет доверие императора и не нарушит свою клятву, не забудет его великодушия и никогда не вернется в Алжир⁶¹⁵. Он также обратил внимание на личные качества императора: «доброту», «великодушие», «благородство»⁶¹⁶. Наполеон III освободил его, ничего не обещая, в то время как другие обещали и не сдержали свои обязательства⁶¹⁷. Текст декларации был переведен на французский язык И. Урбеном (заместителем начальника в бюро Управления по делам Алжира) и заверен Э. Дома государственным советником, генералом, директором по делам Алжира в Военном министерстве⁶¹⁸.

Центральное место в письме императора отведено земельному вопросу: «... мне кажется необходимым <...> закрепить собственность в тех руках, в которых она находится. Как можно рассчитывать на усмирение страны, когда практически все население безостановочно беспокоится о том, что оно имеет?»⁶¹⁹. Император защищает коренных жителей от посягательств колонистов на их земли: он упоминает о 420 000 га земли, отданных «европейской колонизации», большая часть которой была перепродана или сдана в аренду «туземцам».

подписи двух министров, которые ему не удалось получить. Однако, в результате государственного переворота 1851 г. Луи-Наполеон монополизировал существенную часть власти в своих руках, подтверждением этого стала Конституция 1852 г. Одним из первых решений, уже императора Наполеона III было по поводу Абд аль-Кадир. Согласно, историку К. Вигуре на это повлияло великодушие императора, обращение с просьбой об освобождении эмира таких людей как Э. Оливье, священник Дюпуш; восхищение отвагой побежденного; схожесть судеб Абд аль-Кадир и Наполеона I, Наполеона III, прошедших тоже через заключение. 16 октября 1852 г. император объявил ему об освобождении и переезде в Турцию с жалованием 100 000 франков. В знак благодарности Абд аль-Кадир в «Письме французам» со всей поэзией арабского языка наилучшем образом говорит о Наполеоне III: «самый прославленный из всех королей своей инициативностью», «самый сильный» «самый благосклонный к арабам и не арабам». Таким образом, Абд аль-Кадир был свободен и обосновался в Бурсе (Турция). После землетрясения 1855 г. он перебрался в Стамбул, после чего сделал окончательный выбор в сторону Сирии (г. Дамаск) с разрешения турецких и французских властей. Когда случилась резня христиан в Дамаске 9 июля 1860 г., повлекшая 5 тыс. смертей за два дня, эмир укрыл у себя христиан. Тронутый этим благородным жестом, Наполеон III наградил его орденом почетного легиона, а в 1864 г. он был принят в масонскую ложу.

⁶¹⁵ AN. AE/I/21/3/A; AE/I/21/3/B. №3.

⁶¹⁶ Ibid. №4.

⁶¹⁷ Ibid. №3.

⁶¹⁸ Ibid. №5.

⁶¹⁹ Цит. по: Fourmestraux E. Op. cit. P. 34.

Наполеон III выступал против системы «расквартирования»: «... нельзя признать, что была бы выгода от расквартирования туземцев, то есть взимания некоторой части их земель, чтобы увеличить долю колонизации»⁶²⁰. Он указывал, что сегодня надо: «... убедить арабов, что мы пришли в Алжир не для того, чтобы их угнетать и грабить, а чтобы принести им преимущества цивилизации...»⁶²¹. Император уточнял: «... первое условие цивилизованного общества, это уважение прав каждого»⁶²². Говоря о несправедливости по отношению к арабам, он сравнивал правление в Алжире с деспотическим режимом в период турецкого владычества. Автор письма упоминал об индейцах в Северной Америке как о «бесчеловечной и невозможной» ситуации. И призывал всеми средствами «... примирить с нами эту умную, гордую, воинственную и сельскохозяйственную расу»⁶²³. Император указывал на закон от 1851 г. по правам собственности, где были плохо определены рамки пользования землей, которые оставались неопределенными на тот момент. Также, по мнению Наполеона III, пришло время решить этот вопрос: «Территория, признанная за племенами, будет поделена на *дуары*, что позже позволит <...> прийти к частной собственности <...> Неотчуждаемые хозяева своей земли, туземцы смогут ей воспользоваться по своей воле, и увеличение сделок между ними и колонистами породят ежедневные связи, более эффективные, чем все принудительные меры, чтобы привести их к нашей цивилизации»⁶²⁴. Император указывал на обширность африканской земли, которая обладает достаточными ресурсами, чтобы каждый мог там найти свое место, согласно своей природе, своим обычаям и нуждам. Эта «идея» императора напоминала основной тезис сенсимонистского учения: «Всякому по способностям, всякой способности по ее делам!». Он отводил каждому свою роль в Алжире: «туземцам» – скотоводство и земледелие; колонистам – разработка полезных ископаемых, добыча леса, внедрение прогрессивных технологий в с/х; местному

⁶²⁰ Цит. по: Ibid. P. 36.

⁶²¹ Цит. по: Ibid.

⁶²² Цит. по: Ibid.

⁶²³ Цит. по: Ibid. P. 37.

⁶²⁴ Цит. по: Ibid.

правительству – развитие морального и материального благосостояния. Император резюмировал: «... Алжир – не колония, собственно говоря, а арабское королевство. Туземцы, как и колонисты, имеют одинаковое право на мою защиту, и я император арабов, равно как и французов»⁶²⁵.

Историк Ш.-А. Жюльен писал, что письмо императора было расценено как провокация⁶²⁶. Современник данных событий Т. Делор считал, что идеи, высказанные императором, не имели ничего несправедливого, однако вызвали в Алжире очень сильное недовольство и обратили европейских колонистов против него⁶²⁷. Письмо императора, как и брошюра И. Урбена, разделило Алжир на два лагеря: «арабофилов» и «арабофобов»⁶²⁸. Мерсье-Лакомб, как и маршал Пелисье пытался переубедить императора изменить свои проекты. Делегация колонистов, яркими представителями которой были автор «арабофобской» брошюры «Европейская колонизация Алжира» М. Люсе и крупный собственник Борели Ла Сапи, отправились в Париж, чтобы просить аудиенции у Наполеона III, который им отказал, продемонстрировав, что это не в компетенции колонистов.

Алжирская пресса, воодушевленная губернатором и гражданскими, начала атаку на «вдохновителей» императора. Петиции, пародирующие плебисцит, просили европейцев ответить на вопрос: «Вы хотите быть арабом или французом?»⁶²⁹. О. Варнье – представитель «арабофобов» жаловался, что сенсимонисты «говорят только о священных правах туземцев» в ущерб «не менее священных колонистов». Маршал Пелисье не скрывал своего отношения, в частности, к И. Урбену, называя его «лисом с отрезанным хвостом»⁶³⁰.

Реакция на письмо в городах североафриканской колонии была очень живая. В Константине это был «настоящий мятеж», в г. Алжире организовали «комитеты обороны». Епископ Алжира попросил публично молящихся, чтобы «крест не

⁶²⁵ Цит. по: Ibid. P. 38.

⁶²⁶ Julien Ch.-A. Op. cit. P. 280.

⁶²⁷ Delord T. Op. cit. T. IV. P. 78.

⁶²⁸ Emerit M. La revolution de 1848 en Algerie, melanges d'histoire. P. 89.

⁶²⁹ Ageron Ch.-R. «L'Algerie algerienne» de Napoleon III a de Gaulle. P. 27.

⁶³⁰ Julien Ch.-A. Op. cit. P. 280.

склонился перед полумесяцем». Пресса разразилась «против франко-мусульманского заговора, сплетенного в Париже против европейской колонизации»⁶³¹. В газете *L'indépendant de Constantine* 17 февраля 1863 г. писали, как о совершившемся факте: «Мы поданные арабского королевства, а не апостолы цивилизации»⁶³². Напротив, мусульмане, представляющие местные знатные семьи, напечатали письмо императора золотыми буквами⁶³³.

Несколькими месяцами позже этого письма последовал сенатус-консульт 22 апреля 1863 г.⁶³⁴, целью которого было «создание частной собственности в Алжире, на территориях, занимаемых арабами». Согласно ст.1, алжирские племена объявлялись собственниками территорий, которые находились в их постоянном и традиционном пользовании. Также в административном порядке по сенатус-консульту объявлялось разграничение территорий племен; их разделение по дуарам (округам) с сохранением земель, которые должны сохранить характер общинной собственности; установление, везде, где это будет признано возможным, частной собственности у членов этих дуаров⁶³⁵. Также специальное положение должно было определить формы разграничения территорий племен; формы и условия их раздела между дуарами; формы и условия, на которых будет установлена частная собственность, а также способ предоставления титулов⁶³⁶. Налоги, пошлины, причитающиеся государству от владельцев территорий племен, будут по-прежнему взиматься до тех пор, пока иное не будет предписано декретами императора. Сохраняются права государства на земли бейлик и мульк, равно как и общественные территории, которые были определены ст. 2 законом от 16 июня 1851 г. как и территории, принадлежащие государству, особенно касающиеся лесов ст. 4 этого же закона. Второй и третий абзацы ст. 14 закона от 1851 г. о создании собственности в Алжире отменены, тем не менее индивидуальная собственность,

⁶³¹ Цит. по: Ageron Ch.-R. *Politiques coloniales au Maghreb*. P. 62.

⁶³² Цит. по: Ibid.

⁶³³ Ibid.

⁶³⁴ *Collection complète des lois, décrets, ordonnances, réglemens, et avis du Conseil-d'État...* T. 63. P., 1863. P.169–179.

⁶³⁵ Ibid. P. 179.

⁶³⁶ Ibid.

которая будет установлена в пользу членов дуаров, не может быть отчуждена только с того дня, когда оно будет надлежащим образом оформлено путем выдачи титулов. Статьей 7 сенатус-консульта утверждалось, что не допускается отступление от остальных статей закона от 16 июня 1851 г., особенно касающихся изъятия в общественных целях⁶³⁷.

В отчете комиссии, которая рассматривала проект этого сенатус-консульта, составленным графом Касабьянка, были резюмированы причины создания индивидуальной собственности без перехода к коллективной: акт благородства со стороны Франции; удовлетворение и легкость для колонизации; благодеяние для арабов; ослабление племен; гарантия безопасности; увеличение налогов⁶³⁸.

Можно согласиться со справедливым замечанием российского историка К.А. Фурсова, что сенатус-консульт 1863 г. является «любопытным» законом в мировой истории аграрных реформ: несмотря на негативную реакцию со стороны европейских колонистов Алжира на него, именно он заложил юридическую основу лишения коренного населения значительной части земель в их пользу⁶³⁹.

Через пять лет после своей первой поездки в Алжир, Наполеон III в 1865 г. отправляется снова в североафриканскую страну. Изучение причин и ключевых событий этого путешествия императора дает возможность осмыслить сложившуюся ситуацию на месте и проследить трансформацию взглядов суверена на алжирский вопрос и его дальнейшие политические шаги в этом направлении.

Первая поездка императора запомнилась его пламенной речью 19 сентября 1860 г., обращенной к жителям Алжира, и письмом от 6 февраля 1863 г., адресованным маршалу Пелисье. В последнем, император четко обозначил свою политическую линию по отношению к колонии. Но, несмотря на это, ни генерал-губернатор, ни его преемник Мак-Магон не всегда выполняли императорские директивы. Они на них реагировали с большими промедлениями или вовсе

⁶³⁷ Ibid.

⁶³⁸ Ibid.

⁶³⁹ Фурсов К.А. Указ. соч. С. 71–72; подробнее о земельном вопросе и разрушении племен см.: Rahem K. Op. cit.; Ben Hounet Y. Op. cit.

игнорировали⁶⁴⁰. Более того, оба выступали в защиту не только европейских колонистов, но и тех из них, кто занимался земельными спекуляциями.

Результатом их политики, по мнению французского историка Р. Пиллорге, стали мятежи племен на юге провинции Оран в 1864 г.⁶⁴¹. Это мощное восстание, начатое племенами Улад Сиди Шейх (одновременно военно-религиозное братство и конфедерация племен) заставило увеличить численность армии Африки до 85 499 человек⁶⁴². Французские политические деятели Т. Делор и Ф. Гастю, рассматривая причины данных мятежей, называли главной ошибкой просчет правительства, которое не оказывало достаточной поддержки решению проблемы⁶⁴³. Оба историка не соглашались с официальными объяснениями, которые прикрывались мусульманским фанатизмом и подвижным характером населения⁶⁴⁴. Т. Делор не соглашался с «арабофобами», которые обвиняли в злоупотреблениях и деспотизме шефов «арабских бюро»⁶⁴⁵.

В свою очередь маршал Мак-Магон в письме императору от 27 сентября 1864 г. помимо подробного отчета о военных операциях по подавлению мятежей в Алжире выделил следующие причины их возникновения: мусульманский фанатизм, которому он отводит одну из главных ролей, однако признает, что «этот фанатизм был скорее средством, чем главным мотивом»⁶⁴⁶, европейская колонизация и система «расквартирования», которые, по его мнению, стали причиной глубоких возмущений⁶⁴⁷. Кроме этого, маршал указывал на недовольство «туземных» шейхов возросшим французским влиянием, что отражалось на их материальном благосостоянии, а также распространенным мнением у «туземцев»,

⁶⁴⁰ Fourmestraux E. *Op. cit.* P. 33; Spillmann G. *Le Royaume arabe d'Algérie // Revue du Souvenir Napoléonien.* 1972. №266. P. 15–19. URL: <https://www.napoleon.org/histoire-des-2-empires/articles/le-royaume-arabe-d-algerie/> (дата обращения: 18.09.2023).

⁶⁴¹ Pillorget R. *Op. cit.* P. 30–36.

⁶⁴² Ollivier E. *Op. cit.* T. VII. P. 378.

⁶⁴³ Delord T. *Op. cit.* T. IV. 1873. P. 81; Gastu F. *Le peuple algérien par F. Gastu (ancien député d'Alger).* P., 1884. P. 21.

⁶⁴⁴ *Ibid.*

⁶⁴⁵ Delord T. *Op. cit.* T. IV. 1873. P. 81.

⁶⁴⁶ AN. 400AP/60. Dossier 2. *Lettres du maréchal de Mac-Mahon.* № 5; № 42.

⁶⁴⁷ *Ibid.* В российской прессе также рассматривался вопрос колонизации Алжира и неуспех этого предприятия: *Военный сборник.* № 5. 1863.

появившимся к концу 1863 г., о затруднительном положении Франции, отправляющей свои войска в Мексику и Кокинхину, войне в Европе, и считали это хорошим моментом для проявления «независимости и недовольства»⁶⁴⁸.

Генерал Мартимпреи в переписке с императором указывал, что религиозная работа, которая велась несколько месяцев в районе Телля и на юге Сахары, дала начало восстанию⁶⁴⁹. И приводит яркую цитату: «... все мусульмане, молодые или старые, носят в своем сердце глубокую ненависть к христианскому доминированию...»⁶⁵⁰.

Ситуация с мятежами 1864 г. была осложнена тем, что требовались серьезные военные силы для их подавления. Но эффективность и ресурсы африканской армии в этот момент были значительно ослаблены необходимостью отправки подкрепления в Мексику. Также ситуация осложнялась болезнью генерал-губернатора Пелисье, который вскоре скончался, в мае⁶⁵¹. Чтобы подавить эти восстания, понадобилось туда отправить 5 тыс. человек, а в следующем году вдвое больше⁶⁵².

Французский исследователь В. Пике справедливо указывает, что восстания 1864 г. стали поводом для новых изменений в управлении колонии⁶⁵³. Это было закреплено в декрете от 7 июля 1864 г.⁶⁵⁴.

Более того, идея суверена о поездке в Алжир встретила оппозицию в правительстве. Как пишет современник данных событий Т. Делор: «Казалось, что момент был плохо выбран для длительного отсутствия Наполеона III»⁶⁵⁵. Это объяснялось нерешенными внутренне и внешнеполитическими вопросами. Регентство, порученное императрице Евгении, казалось, не могло дать

⁶⁴⁸ Ibid.

⁶⁴⁹ AN. 400AP/60; Dossier 3. Lettres de : général de Martimprey (1864) ; Pélissier (1853-1854) ; Randon (1857); divers. № 40.

⁶⁵⁰ Ibid.

⁶⁵¹ Delord T. Op. cit. T. IV. P. 81.

⁶⁵² Pillorget R. Op. cit. P. 30–36.

⁶⁵³ Piquet V. Op. cit. P. 94.

⁶⁵⁴ Ageron Ch.-R. Politiques coloniales au Maghreb. P. 64.

⁶⁵⁵ Delord T. Op. cit. T. IV. P. 85.

достаточных гарантий против случайностей. Между Францией и Алжиром не было телеграфной связи⁶⁵⁶.

Военный министр, маршал Рандон был из тех, кто настаивал на переносе поездки императора. Он опасался, что Наполеон III будет плохо впечатлен, увидев страну после сильных мятежей 1864 г.⁶⁵⁷. Генерал-губернатор Мак-Магон, напротив, требовал присутствия суверена в надежде, что идеи, выраженные в письме от 6 февраля 1863 г., изменятся, когда он услышит пожелания колониального населения и проедет по стране. Генерал Флери, адъютант императора горячо поддерживал это путешествие⁶⁵⁸.

В переписке между Наполеоном III и генералом Мартимпреи император задолго до поездки интересовался, стоит ли ему ехать снова в колонию, и имело ли его первое путешествие «полезность»⁶⁵⁹. Поэтому нельзя говорить, что восстания 1864 г. послужили основанием его приезда в колонию, но, однозначно стали главным катализатором. Несмотря на различные мнения и серьезные проблемы со здоровьем, император принимает решение ехать в североафриканскую страну, что подчеркивало важность, с которой суверен относился к происходящему.

Вторая поездка Наполеона III в Алжир было настоящей инспекцией и изучением положения дел в колонии, план которого составил лично Мак-Магон⁶⁶⁰. Указание на серьезность намерений суверена встречается у Э. Фурместро, А. Рэй-Гольдзегер, О. Теисье и Э. Оливье⁶⁶¹. В этот раз Луи-Наполеон поехал в колонию один, назначив свою жену регентом. 29 апреля 1865 г. император покинул на поезде Париж и 30 апреля прибыл в Марсель. В ночь со 2 на 3 мая императорская яхта «Орел» (*L'Aigle*) пришвартовалась в порту г. Алжир. Суверен приехал в сопровождении сенатора Пьетри, генералов Флери и Кастельно, графа Рейля и

⁶⁵⁶ Ibid.

⁶⁵⁷ Spillmann G. Le Royaume arabe d'Algérie. P. 15–19; Ageron Ch.-R. Politiques coloniales au Maghreb. P. 68.

⁶⁵⁸ Delord T. Op. cit. T. IV. P. 85.

⁶⁵⁹ AN. 400AP/60. Dossier 3. Lettres de : général de Martimprey (1864); Pélissier (1853-1854); Randon (1857); divers. № 40.

⁶⁶⁰ AN. 400AP/60. Dossier 2. Lettres du maréchal de Mac-Mahon. № 53; № 65.

⁶⁶¹ Fourmestraux E. Op. cit. P. 42; Teissier O. Napoléon III en Algérie. P.: Challamel aîné librairie, 1865. P. 9; Rey-Goldzeiguer A. Op. cit. P. 371; Ollivier E. Op. cit. T. VII. P. 379.

переводчика И. Урбена. Несмотря на все протоколы, император с самого приезда объявил о своем желании, чтобы в качестве переводчика к нему был приставлен И. Урбен, который на протяжении всего путешествия разделит жизнь с императорской свитой, а также будет участвовать в рабочих заседаниях и на приемах. Это решение продемонстрировало симпатию суверена к «арабофилам». Император не стеснялся требовать присутствия И. Урбена рядом с собой на публике, несмотря на то, что он знал о негативном отношении колонистов к данной личности⁶⁶².

Наполеон III выполнил свое обещание вновь посетить колонию: «Я счастлив вновь оказаться на этой навсегда французской земле. Пять лет назад печальные обстоятельства помешали мне увидеть эту красивую страну так, как я хотел, я пообещал сюда вернуться, и я вернулся»⁶⁶³. Первыми императора встретили мэр г. Алжира Сарланд с высокопоставленными политическими деятелями колонии, выразившие, по словам О. Теисье, восторг от приезда суверена, который «пересек моря в 500 лье от своей резиденции и лично приехал осведомиться в ресурсах страны и нуждах народа!»⁶⁶⁴.

Эта поездка продлится пять недель (с 3 мая по 7 июня 1865 г.), из которых 9 дней будут проведены в г. Алжире. Большая часть важных центров страны будет посещена, кроме Тлемсена, Орлеанвилля, Сетифа. Точный километраж императорского путешествия указан в работе Р. Де Сент-Феликса: 3 084 км., в которые не включены расстояния, которые император совершал во время прогулок или экскурсий вокруг городов, где жил. И отдельно считается расстояние, пройденное морем – 6 491 км.⁶⁶⁵.

Суверен организовал настоящую постоянную работу: конференции, дебаты, дискуссии. Он слушал внимательно докладчиков и просил раппорты, чтобы

⁶⁶² Rey-Goldzeiguer A. Op. cit. P. 371.

⁶⁶³ Fourmestraux E. Op. cit. P. 49.

⁶⁶⁴ Teissier O. Op. cit. P. 12.

⁶⁶⁵ Saint-Félix R.de. Le voyage de S.M. l'Empereur Napoléon III en Algérie et la régence de S.M. l'Imperatrice, mai-juin 1865. P., 1865. P. 238.

зафиксировать изложенные идеи. Как указывала А. Рей-Гольдзегер, «У него[императора] было желание оставить следы от своего путешествия»⁶⁶⁶.

Императора интересовал центральный круг вопросов («туземный», военный, колониальный), по которым шли основные дебаты. Таким образом, 5 мая Наполеон III посвятил, по свидетельствам генерала Дево, «чрезвычайно долгое собрание» по вопросу близкому клану «арабофилов»: «Что надо сделать, чтобы цивилизовать туземцев»⁶⁶⁷. В нем участвовали маршал Мак-Магон, генералы Флери, Кастельно, Дево, полковник Лаллеман и лейтенант-полковник Гресли. Не принимая чью-либо сторону, император ограничился, задав уточняющие вопросы о роле «туземцев» в армии и организации мусульманского правосудия⁶⁶⁸.

Являясь организатором императорского маршрута, маршал Мак-Магон искал возможность, чтобы влиять на исследование императора в том виде, в каком это ему было удобно. В связи с этим маршрут суверена подчеркивал значимость колонизации, отодвигая на второй план проблемы «туземцев». Пьетри очень хорошо передал чувства императора: «положение вещей не было показано в истинном свете»⁶⁶⁹.

В маршруте императора были все позитивные реализации колонизации: в провинции Алжир-Митиджа, в Оране-Сахель и равнина Сиди-Бель-Аббес, на востоке – долина Зерама и равнина Бона. Во время этих этапов, наполненных визитами, речами и т. д., император «восторгался и удивлялся»⁶⁷⁰. Приехав на север Алжира в Буфарик, император там увидел «земледельцев со стальными мускулами и здоровыми золотистыми лицами, муравейник хорошеньких детей, возвращенных в жару и песке...»⁶⁷¹. С 1855 г. рождаемость превышала смертность, и через 10 лет Буфарик гордился 1 рождением на 33 жителей и 1 смертью на 51 жителя. Согласно официальной статистике, с 1861 г. по 1865 г. превышение количества рождений над

⁶⁶⁶ Rey-Goldzeiguer A. Op. cit. P. 371.

⁶⁶⁷ Ibid. P. 372.

⁶⁶⁸ Spillmann G. Napoléon III et le royaume arabe d'Algérie. P. 39.

⁶⁶⁹ Цит. по: Rey-Goldzeiguer A. Op. cit. P. 373.

⁶⁷⁰ Цит. по: Ibid. P. 374.

⁶⁷¹ Цит. по: Ibid.

смертностью составляло 7 840. К этому приросту прибавился еще иммиграционный контингент 34 984 человека. В среднем, европейский годовой прирост происходил от профицита рождаемости в 1,22% и иммиграции в 5,44%⁶⁷².

Совершенно точно, что император видел только то, что ему позволяли увидеть. Генерал-губернатор тщательно избегал демонстрации многочисленных колониальных провалов: большие пустынные концессии, мелкие землевладельцы, погубленные нехваткой кредита, поэтому Сетиф был исключен. Император рискнул бы там увидеть доказательства глубокого недовольства среди мелких фермеров, которых «Женевская кампания» безжалостно заменила после профессиональной переподготовки на «туземных» фермеров, которые менее требовательны.

По своему приезду в Алжир император сделал подарок, создав «Общество 100 миллионов». Оно имело целью привлечение капиталов и открытие кредитов на с/х работы промышленные и коммерческие и прямую реализацию этих операций. Это общество находилось под патронажем двух финансовых авторитетов: Л. Фреми (могущественного директора «Земельного кредита») и П. Талабо (хорошо известного в Алжире своими горнодобывающими владениями). Генерал-губернатор, слишком заинтересованный этим неожиданным подарком, должен был скрывать предшествующие провалы и показывать только успех⁶⁷³.

Колонисты, чтобы вызвать симпатию у императора и оправдать свое существование, представлялись как «чемпионы» по цивилизаторским идеям «слияния рас». Они апеллировали к идее, что цивилизованная раса едина с отсталой, и цель первой – обучить ее⁶⁷⁴. На деле это служило маскировкой необходимости использовать «туземную» рабочую силу, незаменимую в с/х и промышленности своей по причине стабильности и экономности.

⁶⁷² Цит. по: Ibid.

⁶⁷³ Ibid. P. 375.

⁶⁷⁴ Ibid. P. 376.

В течение первой части путешествия колонисты смогли впечатлить своего гостя, и клану Мак-Магона, казалось, что им удалось склонить императора в сторону колониальной системы.

Проявлением политики «Арабского королевства» стали официальные речи, произнесенные императором по отношению к основным группам населения Алжира: колонистам, коренному населению, армии. Наполеон III обращался отдельно к каждой из них, а не обобщал всех жителей в единого адресата посланий. В этом проявляются различные задачи и цели, поставленные для каждой из них, но при этом суверен не показывает преференций, а наоборот, выражает равное внимание и беспокойство за будущее и процветание каждой.

Сперва, 3 мая, Наполеон III обратился к европейским жителям колонии, которые «... энергично сражались на протяжении долгого времени против двух грозных препятствий, одно-девственная природа, второе – воинственный народ»⁶⁷⁵. В поддержку своих намерений, о том, что «без защиты метрополия вас не оставит» и «лучшие дни начинаются», суверен заверял: «С одной стороны, различные общества собираются разрабатывать богатство недр, <...> а с другой, арабы, посвященные в наши благие намерения, не смогут больше нарушить спокойствие страны»⁶⁷⁶. Здесь речь шла о намерении крупных капиталистических обществ дать Алжиру 100 000 000 франков на общественные работы и еще столько же на колонизацию⁶⁷⁷.

И дал наказ: «Имейте веру в будущее; привяжитесь к земле, которую вы обрабатываете, как к новой родине и относитесь к арабам, среди которых вы должны жить, как к соотечественникам. Мы должны быть учителями, так как мы больше цивилизованы; мы должны быть великодушными, так как мы более сильные...»⁶⁷⁸.

5 мая Наполеон III обратился к коренному населению североафриканской страны, начиная свою речь с экскурса в прошлое: с начала завоевания Алжира

⁶⁷⁵ Fourmestraux E. Op. cit. P. 51.

⁶⁷⁶ Ibid.

⁶⁷⁷ Martin H. Histoire de France depuis 1789 jusqu' à nos jours. P., 1887. T. VI. 2 édition. P. 368.

⁶⁷⁸ Fourmestraux E. Op. cit. P. 51.

Францией, которая освободила «этот народ от векового угнетения» и «заменила турецкое господство более мягким, справедливым, просвещенным правительством»⁶⁷⁹. Помимо этого, император приводил в сравнении прошлое метрополии, которой пришлось столкнуться с иностранным вторжением, указывая на то, что поражение привело страну к возрождению⁶⁸⁰. Суверен неоднократно цитировал Коран, что позволяло говорить о его подражании своему знаменитому дяде, Наполеону Бонапарту в Египте⁶⁸¹. Наполеон III заверил «туземцев», что хочет свою власть использовать в их интересах и на их благо. В качестве условия он требовал уважать представителей его власти и не участвовать в новых восстаниях. При этом вспоминал с благодарностью тех, кто сражался бок о бок с французами в Крыму, Италии, Китае, Мексике⁶⁸².

9 мая во время обеда императора в ущелье Шиффа в *hotel du Ruisseau des Singes* произошла сцена, которую любят указывать в своих работах французские исследователи. Мусульманский офицер Си Али Шериф, который по традиции был приглашен к столу, на вопрос императора, доволен ли тот своим положением, жаловался, что мусульмане не могут добиться степеней лейтенанта и капитана. Император его убедил, что вскоре они будут удовлетворены.⁶⁸³ На самом же деле декрет императора, принятый впоследствии, не решил этот вопрос, реальные изменения произойдут только во второй половине XX в.

Эта атмосфера праздника не может оставить в забвении, что шли сражения в восточной Кабилии. В *Le Monde illustré* упоминалось о построении колонны, объединяющей различные корпуса войск: «Около 700 человек выдвинулись в путь 17 мая. 18 мая они вступили на территорию, возмущая и сжигая на своем пути и все деревни, жители которых устремились в бегство в Бабор»⁶⁸⁴. Система мобильных или адских колонн, уже использованная в ходе вандейского геноцида,

⁶⁷⁹ Ibid. P. 54.

⁶⁸⁰ Ibid. P. 54.

⁶⁸¹ Martin H. Op. cit. T. VI. P. 368.

⁶⁸² Fourmestraux E. Op. cit. P. 55–56.

⁶⁸³ Ibid. P. 73; Pillorget R. Op. cit. P. 30–36; Spillmann G. Napoléon III et le royaume arabe d'Algérie. P. 42–44.

⁶⁸⁴ Цит. по: Pillorget R. Op. cit. P. 30–36.

была введена в практику, «несмотря на формальное распоряжение Наполеона III, запрещавшего сжигать деревни и даже срубать деревья»⁶⁸⁵.

7 июня, покидая Константину, император обратился к армии Африки, которых поблагодарил за службу, и заверил, что: «Африка была большой школой для обучения солдат»⁶⁸⁶. Наполеон III пожертвовал значительные суммы обществу взаимопомощи и благотворительным учреждениям, целью которых должна быть помощь нуждающимся семьям⁶⁸⁷.

Отметим, что речи императора, произнесенные во время его поездок в Алжир, хорошо коррелируются с тезисом британского ученого Мюррей-Миллера о бонапартистской идеологии «Арабского королевства», особенностью которой было заслужить симпатию у абсолютно разных слоев населения. В основе бонапартизма лежала особая идея суверена, которая сакрализовала отношения между императором и подданными, показывая, что в его империи есть место каждому⁶⁸⁸.

Между тем, как справедливо заметил историк Ж. Спиллманн, императору были продемонстрированы самые «успешные» достижения. Однако суверен обратил внимание на их довольно ограниченное количество, что давало ему повод для утверждения идеи о том, что в целом колонизация не увенчалась успехом, поскольку «слишком много земель осталось пустыми или плохо возделываемыми»⁶⁸⁹.

9 июня «Орел» причалил в Тулоне, а 10 июня суверен вернулся в Париж по железной дороге. Спустя десять дней после возвращения из своей второй поездки в Алжир император дал распоряжение напечатать свое «Письмо о политике Франции в Алжире, адресованное маршалу Мак-Магону». Это целая программа, богатая цитатами, примечаниями, где рассмотрены основные проблемы колонии и на которые Наполеон III дает конкретные решения.

⁶⁸⁵ Ageron Ch.-R. «L'Algérie algérienne» de Napoléon III à de Gaulle. P. 58.

⁶⁸⁶ Fourmestraux E. Op. cit. P. 127–128.

⁶⁸⁷ Ibid. P. 129.

⁶⁸⁸ Murray-Miller G. Bonapartism in Algeria: Empire and sovereignty before the third republic. P. 251.

⁶⁸⁹ Spillmann G. Napoléon III et le royaume arabe d'Algérie. P. 41.

Предыдущее публичное письмо императора от 6 февраля 1863 г., адресованное маршалу Пелисье, было меньше по объему. Его значимость заключалась в том, что впервые официально было введено понятие «Арабского королевства», которое уже витало в воздухе с 1860-х гг., но ему еще не был придан официальный характер. Это письмо несравнимо по своему размаху с оным от 20 июня 1865 г. хотя бы потому, что оно предвосхитило речь-программу, с которой генерал де Голль выступил в октябре 1958 г. («план Константины»).

Письмо императора было объемом в 88 страниц, в связи с чем возникает вопрос, как император за несколько дней смог написать столь увесистую программу по дальнейшей политике в североафриканской стране, изобилующую фактами, статистическими данными и т. д. Дело в том, что, Наполеон III располагал обильной документацией, переданной ему генералами Дюкро и Лапассе, с которыми он беседовал в Мостаганеме во время своей второй поездки в Алжир по административным делам. Урбен, который являлся переводчиком суверена на протяжении всего путешествия, снабжал его информацией по «туземному» вопросу⁶⁹⁰. Император также прибегнул к знаниям Кюссона, который за время своей карьеры служил Абд аль-Кадиру и Сент-Арно. Французский историк Ш.-Р. Ажерон подтверждает данные заимствования и конкретно описывает, какие элементы Луи-Наполеон использовал в своей работе⁶⁹¹. Все это свидетельствует о боязни императора быть обманутым колониальной администрацией и его заботой иметь личных информаторов на месте⁶⁹².

Как известно, письмо предварительно было аннотировано Лапассе и Урбеном⁶⁹³. 20 июня 1865 г. император отправил маршалу Мак-Магону для ознакомления, и с целью узнать мнение о поднятых вопросах семь экземпляров письма: для генерал-губернатора, заместителя губернатора, директору по арабским делам, директору по гражданским делам – по одному каждому из трех генералов,

⁶⁹⁰ Julien Ch.-A. Op. cit. P. 432.

⁶⁹¹ Ageron Ch.-R. Politiques coloniales au Maghreb. P. 69.

⁶⁹² Julien Ch.-A. Op. cit. P. 432.

⁶⁹³ Ageron Ch.-R. Politiques coloniales au Maghreb. P. 69.

командующих дивизиями⁶⁹⁴. При этом требовалась полная конфиденциальность, однако секретность не была сохранена. Вскоре газеты Алжира узнали от своих корреспондентов о письме императора⁶⁹⁵.

Письмо 1865 г. начинается четкой формулировкой: «Франция владеет Алжиром тридцать пять лет: надо, чтобы это завоевание отныне стало для нее ростом силы, а не причиной ослабления»⁶⁹⁶. Действительно, что до этого Алжир стоил Франции намного больше, чем приносил прибыль, и определенно, что Наполеон III имел беспокойство по изменению такого положения вещей. Эта идея появляется несколько раз в письме и буквально становится его лейтмотивом. Тем не менее считать это единственной движущей силой политики «Арабского королевства» преувеличенно.

После критики существовавших с 1830 по 1860 г. систем по организации колонии, не по их содержанию, а по фактам, Наполеон III заявлял: «Мы достаточно законодательствовали в Алжире»⁶⁹⁷, и потому он заверил, что новую систему вводить он не собирается. Император по результатам своих наблюдений после поездки предлагал только «... решить несколько фундаментальных вопросов, исключить навсегда по ним споры и наметить в то же время программу...»⁶⁹⁸.

Наполеон III подвел итог: «Моя программа резюмируется в нескольких словах: «... заслужить симпатию арабов посредством позитивных благодеяний – привлечь новых колонистов примерами реального благополучия среди давних колонистов, – использовать ресурсы Африки <...> прийти к сокращению нашей армии и наших расходов»⁶⁹⁹. Император уделил внимание давнейшему конфликту между колонистами и арабами и призывал: «Примирить колонистов и арабов, возвращая одних и других на путь, проторенный моим письмом от 6 февраля 1863 г.; доказать фактами, что последние не должны быть обобраны в пользу первых, и

⁶⁹⁴ Spillmann G. Napoléon III et le royaume arabe d'Algérie. P. 42.

⁶⁹⁵ Ibid.

⁶⁹⁶ Napoléon III. Op. cit. P. 7.

⁶⁹⁷ Ibid.

⁶⁹⁸ Ibid.

⁶⁹⁹ Ibid. P. 8.

что два элемента нуждаются поддаваться взаимному содействию...»⁷⁰⁰. Далее Наполеон III повторяет мысль, которую мы видели в его письме Пелисье, а именно, о роли европейцев в жизни коренного населения: «... Европейцы должны служить проводниками и новаторами для туземцев...»⁷⁰¹ и уточняет, что: «Эта страна сразу арабское королевство, европейская колония и французский лагерь. Важно рассматривать Алжир по этим трем аспектам: с туземной, колониальной и военной точек зрения»⁷⁰². Следует отметить, что положение, отстаивавшееся в письме к Пелисье было менее дифференцировано, так как оно рассматривало Алжир в качестве первого из этих выдвинутых выше вариантов, то есть только как «Арабское королевство».

Письмо императора к Мак-Магону делится на три части: «Арабы», «Колонизация», «Военная оккупация» соответственно. Теме арабов отведена практически половина текста, так как: «Эта воинственная, умная, без сомнения, подвижная нация, но покорная к власти заслуживает все наше внимание»⁷⁰³. Исключая возможность истребления или высылки в пустынные районы «туземцев», как это сделали североамериканцы с индейцами, император предлагал следующий принцип: «Надо жить с арабами <...> осуществляя над ними справедливое и быстрое правосудие, увеличивая их благосостояние, развивая их образованность и чувство морали...»⁷⁰⁴. Почему эти интересы расходились со взглядами колонистов? В письме император объяснял этот принцип интересами внешней политики: «Франция, которая повсюду симпатизирует идеям национальности, не может в глазах мира оправдать зависимость, в которой она обязана держать арабский народ, только если она не призовет его к лучшему существованию. Когда наш способ управления побежденным народом станет для пятнадцати миллионов арабов, разбросанных по другим частям Африки и Азии,

⁷⁰⁰ Ibid.

⁷⁰¹ Ibid.

⁷⁰² Ibid. P. 9.

⁷⁰³ Ibid.

⁷⁰⁴ Ibid. P. 10.

предметом зависти <...>, в этот день слава Франции отзовется эхом от Туниса до Евфрата»⁷⁰⁵.

Письмо императора позволяет также сравнить алжирскую политику Второй империи и Пятой республики. Между 1958 и 1962 гг. голлистские круги развивали идею, согласно которой интересы Франции в Алжире не совпадали со взглядами французов в Алжире, и, если бы политически было необходимо, последние должны быть принесены в жертву на благо первых. Это было похоже на идею Наполеона III, которую веком ранее он отстаивал, руководствуясь национальным интересом улучшить условия арабов и закрепить их положение по отношению к колонистам, несмотря на пожелания последних, которые, в свою очередь, в личных интересах желали ослабления мусульман.

Далее, как может показаться, Наполеон III совершает ошибку по предмету религии «туземцев». Он намекает на мысль, что мусульмане между собой сплочены, и что туркам удалось подчинить Алжир, потому что «покорители имели ту же веру, что и побежденные»⁷⁰⁶. Но тут же император давал пояснение: «Это последнее утверждение не совсем точное»⁷⁰⁷. Опираясь на факт, что турки ханифиты, а алжирцы малекиты, он утверждал, что «между арабами и турками нет очень сильных религиозных связей»⁷⁰⁸. Однако, несмотря на это разделение, ханифиты и малекиты являются мусульманами суннитами, которые стоят в оппозиции к шиитам. Здесь император недооценивал мусульманскую солидарность, которую не смущает это различие, и он не знал реальности и силу «уммы».

Разумеется, что власть турок, даже непопулярная, не считалась «неверной», в то время как доминирование Франции, христианской нации воспринимались как кощунство в глазах мусульман. В исламе не существует разделения на светскую и духовную сферу, власть французов была для них не мусульманской, которая имела полномочия по вопросам мусульманского права.

⁷⁰⁵ Ibid. P. 10–11.

⁷⁰⁶ Ibid. P. 11.

⁷⁰⁷ Ibid.

⁷⁰⁸ Ibid.

В следующем параграфе, император после цитирования письма «человека, очень сведущего в арабском вопросе»⁷⁰⁹, в котором говорилось об ухудшении условий жизни племен. Позднее было приписано авторство Кюссона. Наполеон III клеймил ошибки, совершенные в период его правления, жертвами которых стали «туземцы»: «Мы пытались внезапно разрушить племя; мы перевернули систему мусульманского правосудия <...> Мы подчинили племена суматошным формам управления, мы часто забирали у них лучшие земли <...> К тому же большая часть изъятых благ была сдана в аренду тем же арабам...»⁷¹⁰.

Император рассматривал в деталях злоупотребления, произошедшие в результате применения в Алжире французского лесного кодекса, который был предназначен для страны с четкой и хорошо обозначенной собственностью. Таким образом, в Маскаре в 1857 г. крестьяне были обязаны обращаться к администрации под страхом серьезных наказаний, чтобы получить разрешение на вырубку леса, необходимого им для создания плуга⁷¹¹.

Наполеон III затрагивал проблему правосудия в колонии, без которой «картина мер, которые вредят туземцам, будет неполной»⁷¹². Он считал ненормальным, что французские суды рассматривают апелляции по вопросам, относящимся к личному статусу, которые регулируются Кораном и должны решаться между единоверцами⁷¹³. Рассматривая основательно этот вопрос, император объявлял, что он смог сам убедиться, что меджлисы или высшие мусульманские суды существовали только на бумаге, заставляя фактически обращаться арабов во французский суд. Это в своих отчетах местные функционеры докладывали о якобы предпочтении местного населения французских учреждений, в то время как на деле у них не оставалось выбора⁷¹⁴.

⁷⁰⁹ Ibid. P. 12.

⁷¹⁰ Ibid. P. 15.

⁷¹¹ Napoléon III. Op. cit. P. 18

⁷¹² Ibid. P. 31.

⁷¹³ Ibid.

⁷¹⁴ Ibid. P. 32.

Подчеркнув необходимость сделать закон менее суровым, император переходил к перечислению двадцати девяти мер, которые, по его мнению, должны улучшить положение арабов. В первом предложении говорилось об объявлении арабов французами с сохранением их личного статуса⁷¹⁵. Но, к сожалению, император не уточняет, арабы станут французскими гражданами или подданными. Императорское предложение будет принято, но пользуясь его неточностью, законотворцы сделали мусульман французскими подданными, то есть «второсортными» гражданами, имеющими больше обязанностей, чем прав (речь о сенатус-консульте 1865 г.). Эта ситуация сохранится до 1958 г., когда генерал де Голль упразднил две коллегии выборщиков, символизирующих эту дискриминацию (голоса меньшинства европейцев и нескольких натурализованных мусульман равнялись большинству мусульманских голосов), сделав алжирцев полноправными гражданами в отношении французского закона, сохранив их личный статус.

Второе предложение императора было более четким, согласно ему предусматривался допуск арабов ко всем военным рабочим местам Империи и ко всем гражданским рабочим местам в Алжире⁷¹⁶. Это предложение не получило должного эффекта вплоть до Пятой республики, когда коренной алжирец станет офицером (речь идет о генерале Рафа). Что касается гражданских должностей, то это при де Голле в его речи «план Константины» в 1958 г. была установлена обязательная квота для мусульман на гражданской службе.

Затем Наполеон III рассматривал земельный вопрос племен, не подчинившихся «никакой частью своей территории европейцам»⁷¹⁷, но которые могли признать себя принадлежащими государству в каком-либо статусе, то есть как земли бейлика или имущество хабус, тем самым получив право владения землями. В племенах, где часть территории была отдана колонизации в другом статусе, нежели указанном выше, император указал на их обеспечение

⁷¹⁵ Ibid. P. 33.

⁷¹⁶ Ibid.

⁷¹⁷ Ibid.

эквивалентным количеством земли той, которую они обрабатывали, и достаточной для их нужд⁷¹⁸. Отдельно император рассматривал племена, размещенные на территории азель. Те «палатки», которые занимали эти земли с незапамятных времен, должны считаться собственниками обрабатываемых ими земель, и, если будет признано, что этих земель им будет недостаточно, им следует предоставить в азель наделы. А в случае, если «палатки», которые занимали свои территории временно (например, они были арендованы их пришлым шейхом), то специальная комиссия должна будет определить, к каким племенам они принадлежат, и отослать их туда. Если племя не может их принять, так как не имеет достаточно земель, комиссия должна будет выделить «палаткам» в азель необходимые им земли⁷¹⁹.

Далее император предлагал меры, которые должны защитить частную собственность арабов от действий кредиторов, полученную путем добросовестного исполнения сенатус-консульта от 22 апреля 1863 г.⁷²⁰

Что касалось изменений в правовой системе колонии, здесь император говорил о разделении функций и компетенций между французской и мусульманской юрисдикцией таким образом, что последняя занималась только делами подведомственных религиозному закону, а другие процессы должны были быть переданы французским судам. Также император для изучения этого вопроса указывал на создание специальной комиссии, куда войдут мусульманские законоведы. Наполеон III упоминал такую проблему арабского правосудия, как взяточничество «адулов». И для решения этого вопроса предлагал назначить этим правительственным офицерам постоянный оклад, предоставляя им вознаграждение за транспорт. В рамках этого пункта рассматривался также вопрос о прекращении во время войны всех гражданских судопроизводств по отношению к арабам, которые «сражаются под флагами Франции». Император указывал на то, что

⁷¹⁸ Ibid.

⁷¹⁹ Ibid. P. 34.

⁷²⁰ Ibid.

юридическая помощь для неимущих арабов существует, но они ей не пользуются. Нужно им разъяснить все блага этой помощи⁷²¹.

В письме императора предусматривались такие меры, как установление по меджлису в каждой субдивизии, расширение компетенции кади, но в то же время следовало контролировать выбор должностных лиц и регулировать набор и продвижение по службе в «туземной» магистратуре. Предполагалось назначение по одному суду первой инстанции в каждой провинции, которому будет принадлежать право выносить постановления безраздельно по апелляциям в делах, которые не имеют религиозного характера, указанного выше, до размера 10 000 франков и менее. Дисциплинарные комитеты, установленным в каждом округе, имели право выносить приговор правонарушений, чтобы избежать долгих поездок из отдаленных мест до центра провинции⁷²².

Уважительно относясь к местным традициям, обычаям, религии, император писал о создании в каждой провинции по одной мусульманской консистории и строительстве первоклассных мечетей и призывал «окружить официальной торжественностью крупные мусульманские праздники»⁷²³.

Император не оставил без внимания вопросы образования, культуры, здравоохранения. Он дал поручение создать в Алжире высшую школу для изучения мусульманского законодательства; развить народное образование у мусульманского населения в муниципалитетах на гражданской территории и в городах; реорганизовать высшие мусульманские школы и нанять туда специалистов по мусульманской системе правосудия и секретарей для арабского языка; создать школу искусств и ремесел. Предусматривалось создание приютов для мусульманских детей отдельно для мальчиков и девочек в каждой провинции, специальных комнат в госпиталях для «туземцев», обеспечение религиозных услуг для умерших, пропаганда вакцины, бесплатные консультации, создание санитарных частей для «туземцев» в округах, где не было больниц⁷²⁴.

⁷²¹ Ibid. P. 35–36.

⁷²² Ibid. P. 36–37.

⁷²³ Ibid. P. 36.

⁷²⁴ Ibid. P. 39.

В пенитенциарной системе предлагалось переделать центральные тюрьмы, предназначенные для «туземцев» в сельскохозяйственные исправительные учреждения по одному в каждой провинции. Более того, предлагалось каждый год 15 августа освобождать досрочно из тюрем заключенных, прежде всего тех, кто был строго осужден по французскому кодексу, и в случае, если имелось легкое правонарушение, примененное по мусульманскому закону⁷²⁵.

Что касается налоговой базы, то император просил пересмотреть ее более справедливо, чтобы не возлагать основное бремя административных расходов на алжирцев, а выгоду получали только европейцы. Чтобы подтвердить свои идеи, Наполеон III предложил на гражданской территории довести количество мусульманских членов муниципальных советов пропорционально населению⁷²⁶. Заканчивал эту часть император рекомендацией всем администрациям освободиться от презрительного приема «туземцев»⁷²⁷.

Вторая часть письма Мак-Магону, касающаяся колонизации, разделена императором на восемь пунктов: общие нормы, принципы свободной торговли, расположение колонизации, европейские центры, концессии, проблемы иммиграции, развитие городов, упрощение администрирования. После рассмотрения данных вопросов Наполеон III, как и в первой части, изложил предлагаемые им меры.

Император начал с объявления о том, что: «Многое было сделано на протяжении тридцати пяти лет в Алжире...»⁷²⁸, однако постоянным оставалось отсутствие желаемых результатов, так как «отклонились от настоящих принципов политической экономики»⁷²⁹. Затем Наполеон III перечислил эти принципы: «Свобода торговых и промышленных операций, организация кредитования,

⁷²⁵ Ibid. P. 39–40.

⁷²⁶ Ibid. P. 38.

⁷²⁷ Ibid. P. 40.

⁷²⁸ Ibid.

⁷²⁹ Ibid.

концентрирование населения в благоприятных местах, упрощение администрирования, развитие общественных работ»⁷³⁰.

В соответствии с этими принципами император говорил об открытии алжирских портов всем мировым товарам и необходимости введения кредитования для колонистов и арабов. По мнению императора, ни одна деревня колонистов не должна создаваться на расстоянии более шестидесяти километров от моря. Он также открыто критиковал колонистов, которые следовали за французскими войсками и селились в глубине страны, вдали от берега, посреди гор, рядом с пустыней, тем самым тормозив продвижение войск, вынужденных охранять их вместо того, чтобы сосредоточиться на стратегической цели⁷³¹.

Император указывал на важность объединения всех усилий, чтобы собрать в административных центрах трех провинций всех колонистов, особенно из отдаленных уголков колонии. По мнению Наполеона III, это оживит между колонистами обмен продукцией и породит мелкое производство, а сельское хозяйство перестанет быть единственным источником их доходов, что увеличит их уверенность в самих себя⁷³².

Затем император говорил о системе бесплатных земельных концессий, которая показала свою несовершенство. Доставшись даром колонистам, эти земли становились предметом спекуляций, мешали основательным сделкам и т. п. Выход из ситуации император видел в ведении земельного налога⁷³³.

Потом Наполеон III, не выражаясь прямо против принципа, предусматривающего сделать из Алжира настоящую колонию поселения, и рассматривая ситуацию о возможной отправке в Алжир от 40 до 50 тысяч ирландцев или немцев, говорит о несостоятельности этой идеи ввиду слишком больших расходов⁷³⁴. И самым верным способом увеличения числа колонистов в

⁷³⁰ Ibid.

⁷³¹ Ibid. P. 42.

⁷³² Ibid. P. 44.

⁷³³ Ibid. P. 45–46.

⁷³⁴ Ibid. P. 47.

Алжире видел «... поощрение усилий колонистов уже основавшихся», а также «содействие их благосостоянию и обеспечение их будущего»⁷³⁵.

Рассматривая вопрос о расширении городов, император буквально клеймил местную администрацию и военных, занявших наилучшие земли для строительства казарм, магазинов, жилья для чиновников, различных административных зданий, фактически не оставив места для новых жителей и отодвинув их на периферию⁷³⁶. Такого больше не должно быть, приоритет должен быть отдан частному сектору для расширения городов.

Рассматривая вопрос об упрощении администрирования, император критиковал огромное количество функционеров 71 муниципалитета, управляющих 192 000 европейцами, вместо того чтобы сосредоточиться не на количестве, а на качестве: «... необходимо отправлять в Алжир наиболее опытных, компетентных, увлеченных во благо, и их убеждать, что они будут оценены и вознаграждены после осуществленного прогресса и их усилий привязать к себе туземное население и сделать процветающей европейскую колонию»⁷³⁷. Выразив желание, чтобы отныне муниципальные советы были выборными, Наполеон III, заключал, что, несмотря на свое желание упростить систему управления в Алжире, он решил создать по одному епископству в каждой провинции и оправдывая эту меру: «... невозможно епископу из Алжира по причине большой протяженности наших владений посетить каждую свою епархию, и затем, это хорошо, в присутствии стольких разных вероисповеданий, повысить значимость католических священнослужителей»⁷³⁸.

Как и в части, посвященной арабам, император предлагал ряд мер, которые должны укрепить колонизацию. Первая мера происходила из тогдашней внешней экономической политики метрополии по отношению к своим соседям в Европе. Касалось это освобождения от уплаты пошлин и упразднения таможни во всех

⁷³⁵ Ibid.

⁷³⁶ Ibid. P. 48.

⁷³⁷ Ibid. P. 50.

⁷³⁸ Ibid. P. 51.

алжирских портах. Также за все товары, поставленные из Алжира во Францию, не брали сборы⁷³⁹.

Следующей предложенной мерой было создать в каждой провинции торговые конторы, дающие займы колонистам и арабам по умеренным процентам⁷⁴⁰.

Далее предлагалось очертить периметр колонизации вокруг административных центров трех провинций, в котором колонисты должны иметь право селиться, исключая все другие. Так, в провинции Оран они имели право располагаться до г. Хенная по направлению от Орана до Тлемсена и не селиться дальше Сиди-Бель-Аббеса, Перрего, Сен-Дени-дю-Сиг и Релизана. В провинции Алжир европейцы не должны были жить далее хребтов Атласских гор в Блиде. В провинции Константина колониальное пространство ограничивалось на юге г. Мила и Айн-Млила. Также в этих трех провинциях на побережье или в глубине император указал на определенные зоны, где европейцы должны были ограничить свои планы по колонизации. Были предусмотрены субсидии для тех колонистов, которым потребуется переселиться в зону колонизации⁷⁴¹.

В п. 4 предусматривалось выделение 100 миллионов франков, которые получит Алжир в течение шести лет. А именно: 30 миллионов на дороги; 20 миллионов на порты; 30 миллионов на плотины, каналы, осушение болот, артезианские скважины; 15 миллионов на лесовосстановление в горах; 5 миллионов на колонистов, чтобы переселить их в зоны колонизации⁷⁴².

Среди прочих мер предполагалось поручить услуги корреспонденции и транспорта в частные руки (п. 5); общественные работы проводить в условиях жесткой экономии (п. 6); отказаться от всех видов концессий, даже леса (п. 7); на гражданской территории установить как можно раньше налог на землю, взяв за базу качество почвы вне зависимости от того, культивированная она или нет, как это было во Франции (эта мера, которую просили сами колонисты, заставит

⁷³⁹ Ibid.

⁷⁴⁰ Ibid. P. 52.

⁷⁴¹ Ibid. P. 52–54.

⁷⁴² Ibid. P. 54.

владельцев либо распахать земли, либо продать) (п. 9); освободить колонистов от военной службы во Франции, сократить ее в Алжире (п. 11); создать по одному епископству в каждой провинции; возвести епископство Алжира в ранг архиепископства (п. 12); значительно сократить персонал и, как следствие, расходы гражданской администрации, которые повышались каждый год на 3 с половиной миллиона; упразднить шестнадцать гражданских «арабских бюро» (п. 13); назначить слушателей в Государственный совет, чтобы их прикрепить к Правительственному совету. После 5 лет, проведенных в Алжире, слушатели будут иметь возможность вернуться в Государственный совет как докладчики (п. 14); обеспечить искренность обсуждений в Генеральных советах, запрашивая переводчиков (до настоящего времени в Оране Генеральный совет не разрешал «туземцам» иметь переводчика, таким образом, они оставались в стороне от того, что там происходило)(п. 15); опубликовать словарь арабских имен, так как, каждый пишет и произносит их по-разному (п. 16); упростить юридические и административные процедуры (п. 17); осуществить надзор за газетами, которые распространяют между «туземцами» и европейцами нелюбовь и недоверие (п. 18)⁷⁴³ и др.

Третья часть письма освещала следующие темы: расположение войск, приграничные племена, мобильные колонны, «арабские бюро», спахи (род легкой кавалерии), «туземные» стрелковые полки, оборонительные сооружения. Все эти вопросы представлены императором к рассмотрению, чтобы прийти к главной цели – «... найти средства, чтобы уменьшить расходы, которые висят на метрополии, не нарушая, между тем безопасность наших владений»⁷⁴⁴.

Говоря о размещении войск, Наполеон III считал ошибкой чрезвычайно большое количество военных постов, а именно, 60. Дело в том, что их нужно было постоянно охранять и там находиться, хотя интерес был оставить их. По этому вопросу император вспоминал циркуляр маршала Бюжо от 8 мая 1846 г., который приводил в нем аргументированные доводы в пользу отсутствия необходимости

⁷⁴³ Ibid. P. 54–57.

⁷⁴⁴ Ibid. P. 57.

иметь большое количество военных постов, разбросанных по всему Алжиру. Император, опираясь на мнение Бюжо, приходил к следующим умозаключениям: необходимо уменьшить число военных постов, мобильные колонны являлись единственным эффективным средством в подавлении мятежей, важно иметь регулярные войска в стратегически важных пунктах Телля⁷⁴⁵.

Для защиты границ с Регентством Тунис и Шерифской империей (Марокко) Наполеон III предлагал вернуться к турецкой системе, то есть использовать племена махзен, которых он определил как «... племена, на которые мы возложим военную службу в обмен на предоставленные им иммунитеты, такие как освобождение от налогов, почетные звания и награды...»⁷⁴⁶.

Для достижения уменьшения числа французских войск в Алжире император помимо сокращения количества военных постов указывал на создание в каждой провинции трех постоянных мобильных колонн, которые будут постоянно находиться в состоянии боевой готовности. Император приводил подсчет, сколько потребуется для этого человек, орудий и т. д. Более того, суверен возлагал большие надежды на мобильные колонны в борьбе с восстаниями⁷⁴⁷.

Поднимая вопрос «арабских бюро», император давал высокую оценку их работе. Говоря о хороших результатах, Наполеон III указывал на значимость и надежность людей, работающих на этой службе, так как в арабском обществе, в отличие от европейского, человек имеет больше авторитета, нежели занимаемый им пост, в то время как у европейцев индивидуальная значимость нивелируется перед занимаемым постом. В соответствии с данным тезисом, по мнению императора, служащие «арабских бюро», которые являются точкой соприкосновения между европейцами и арабами и которые в своей «деликатной миссии» прилагают необходимые качества для успеха, они проявили себя спокойными, терпеливыми, справедливыми, снисходительными к небольшим ошибкам «туземных» шейхов и т. д.⁷⁴⁸.

⁷⁴⁵ Ibid. P. 57–63.

⁷⁴⁶ Ibid. P. 61–62.

⁷⁴⁷ Ibid. P. 70–71.

⁷⁴⁸ Ibid. P. 72.

В соответствии с этими установками император указывал на важность того, чтобы функции шефов «арабских бюро» не были отданы молодым, не имеющим опыта офицерам. Должность могли получить только офицеры в степени капитана, а лейтенанты и младшие лейтенанты могли занимать посты помощников и стажеров. На «арабские бюро» возлагалось также следующее требование: «меньше администрирования, если это возможно, и больше политики» и постоянное общение с «туземцами» и «туземными» шейхами⁷⁴⁹.

Так как мужское население колонистов в подавляющем большинстве своем не имели никакого боевого духа и не умели обращаться с оружием, они не могли являться опорой для армии. С целью создания военной силы посредством колонистов предлагалось ввести военную обязанность для всех французов старше двадцати лет, живущих в Алжире в течение определенного количества лет. Они будут входить в течение семи лет в резерв, где они получают военные навыки, форму и т. д. «Самое полезное, что может произвести Алжир для Франции — это солдаты», — откровенно заявляет Наполеон III. Император имел в виду здесь замещение французских солдат на арабов, ведь для императора важно «найти средство поддержания наших владений, затрагивая меньшее количество людей и денег...»⁷⁵⁰. Еще император напоминал генерал-губернатору, что в случае европейской войны, которая может закрыть море, колония в таком случае сможет обороняться только своими силами. Император указывал также на отсутствие в Алжире элементов для поддержания армии⁷⁵¹.

В заключение, подводя итог своему письму, император писал: «...я предпочитаю использовать отвагу арабов, а не душить их налогами, сделать колонистов богатыми и процветающими, а не навязывать большие расходы иностранных иммигрантов; сохранить наших солдат в благоприятных позициях, а не разместить их в пожирающем климате пустыни»⁷⁵².

⁷⁴⁹ Ibid. P. 73–74.

⁷⁵⁰ Ibid. P. 76.

⁷⁵¹ Ibid. P. 77–78.

⁷⁵² Ibid. P. 84–85.

«Реализуя эту программу, я надеюсь, мы получим успокоение страстей и удовлетворение интересов. Алжир тогда не будет для нас больше, как я говорил, <...> грузом, а новым элементом силы. Арабы <...> дадут нам, что они могут, самое лучшее – солдат; и колония станет цветущей благодаря развитию своих территориальных богатств...»⁷⁵³.

Учитывая, что письмо императора имело своего адресата, интересна позиция Мак-Магона. Маршал отвечает императору письмом, датированным 11 августа 1865 г. Начиная с согласия с сувереном в том, что алжирская администрация должна быть справедливой, доброжелательной по отношению к «туземному» населению и посредством благ цивилизации привести их к лучшему существованию, он акцентировал внимание на осознании эффекта, который может произвести данная публикация в Европе и среди местного населения колонии. Буквально параграф за параграфом Мак-Магон дает свои комментарии по идеям императора.

В первую очередь, он не соглашался в открытом объявлении коренного населения побежденными и с тем, что «наша» сила «была несправедлива и деспотична» по отношению к ним⁷⁵⁴. В качестве доводов маршал приводил пример европейских колониальных держав, которые вряд ли смогут обвинить Францию в несправедливости и деспотизме. Он рассуждал о том, нужно ли открыто осуждать самих себя и давать признания перед всем миром, предоставив им право считать это за факт. «Туземцы» увидят в этом лишь знак слабости⁷⁵⁵. Маршал считал, что справедливо было бы вернуть обобраным племенам необходимое количество земель, чтобы обеспечить их нужды, но в то же время он не видел необходимости констатировать, что до этого дня «мы злоупотребляли нашей силой и правами победителя»⁷⁵⁶.

Маршал указывал, что меры, предложенные императором, не остановят экспансию европейской колонизации. Остановить эту экспансию, по его мнению,

⁷⁵³ Ibid. P. 85.

⁷⁵⁴ AN. 400AP/60. Dossier 2. Lettres du maréchal de Mac-Mahon. № 58; № 119.

⁷⁵⁵ Ibid. № 58; № 120.

⁷⁵⁶ Ibid. № 58; № 121.

есть «что-то невозможное и противоположное нашей политике». Согласно Мак-Магону, у Франции не будет в Алжире безопасности, и они не смогут уменьшить количество армии там, пока количество европейского населения не будет достаточным, чтобы суметь самим себя защитить от «туземцев», а это не меньше одного миллиона человек⁷⁵⁷.

Маршал предлагал заменить предложение о том, что «туземцы» не должны быть обобраны в пользу колонистов на «... закон, который защищает одинаково интересы одних и других, будет неукоснительно исполнен»⁷⁵⁸, избегая констатации, что у них могут что-то украсть.

Он выступал против выражения «Арабское королевство», так как оно заимствовано из произведения, которое считалось враждебным по отношению к европейской колонизации, он считал, что оно будет беспокоить колонистов и общественное мнение. «Колонисты внушат себе, что мы хотим воссоздать арабскую нацию и сделать ее компактной так, что европейский элемент не сможет туда войти»⁷⁵⁹. Он предлагал заменить этот параграф на «... эта страна представляет обширную территорию, где расположены рядом туземное население достаточно многочисленное, европейская колония и французский лагерь»⁷⁶⁰. Мак-Магон также считал, что слово «туземец» более подходящее, чем «араб», так как значительную часть населения составляли берберы⁷⁶¹.

Маршал предлагал заменить заглавие первого параграфа на «положение туземцев» вместо «затруднительного положения туземцев», так как, по его мнению, положение местного населения было лучше, чем при турецком господстве⁷⁶².

Мак-Магон считал, что стоит исключить слова «несправедливая и деспотичная» по отношению французского могущества к коренному населению⁷⁶³.

⁷⁵⁷ Ibid. № 58; № 122.

⁷⁵⁸ Ibid. № 58; № 122–123.

⁷⁵⁹ Ibid. № 58; № 123.

⁷⁶⁰ Ibid.

⁷⁶¹ Ibid. № 58; № 124.

⁷⁶² Ibid.

⁷⁶³ Ibid.

Помимо этого, маршал задался вопросом, «стоит ли знать Европе о планах Франции установить наше преобладание в большей части Востока», в то время как, по его мнению, подобные вопросы обсуждаются только министром иностранных дел⁷⁶⁴.

Мак-Магон считал, что секрет доминирования турок над коренным населением заключался в том, что они разделяли племена и делали так, чтобы они боролись друг с другом, а также использовали методы устрашения, отсекая головы, а не исключительно в том, что они исповедовали одну религию⁷⁶⁵. Также он считал неточным говорить, что благосостояние «туземцев» уменьшилось после смены турецкого господства французским. Маршал привел примеры увеличения благосостояния коренного населения, живущего в сельской местности. Однако положение автохтонов в городах и окрестностях хуже, чем прежде⁷⁶⁶.

В то же время маршал признавал, как и Наполеон III, что было бы недальновидно уничтожить шейхов племен, однако следовало ограничить их полномочия⁷⁶⁷. Мак-Магону кажется несправедливым приписывать совершенные ошибки по отношению к туземцам сотрудникам лесного хозяйства, которые, по его мнению, являются лишь инструментами высшей власти, и было бы логично вменить в вину эти факты, если это имеет место, Главному управлению по гражданским делам, генерал-губернатору и даже правительству⁷⁶⁸.

Мак-Магон указывал на параграф, касающийся поведения по отношению к коренному населению, который, по его мнению, не должен быть включен в официальный документ⁷⁶⁹. Автор аргументировал это боязнью, что однажды автохтоны смогут предъявить как свершившийся факт злодеяния, большая часть которых неизвестна. Он также считал, что надо устранить параграф, который резюмировал все меры, по которым «туземцы» смогут жаловаться⁷⁷⁰.

⁷⁶⁴ Ibid.

⁷⁶⁵ Ibid. № 58; № 125–126.

⁷⁶⁶ Ibid. № 58; № 126–130.

⁷⁶⁷ Ibid. № 58; № 131.

⁷⁶⁸ Ibid.

⁷⁶⁹ Ibid.

⁷⁷⁰ Ibid. № 58; № 132.

Что касается вопроса правосудия, то Мак-Магон говорил о сосуществовании различных мнений на тему разделения полномочий между французскими и мусульманскими судами, которые далеки от согласия⁷⁷¹. Автор упоминал о важности проведения опроса по этой теме у мусульман и создании специальной комиссии⁷⁷². Он считал, что одного меджлиса на провинцию недостаточно⁷⁷³. О создании джемаа племен он высказывался положительно и указывал на исключительно хорошие результаты⁷⁷⁴. Вопрос об арабском налоге нуждался, по его мнению, в изучении всех деталей⁷⁷⁵. Меры, носящие номера 21, 22, 23 были легки в реализации и не вызывали никаких возражений⁷⁷⁶.

Мак-Магон вынужден был констатировать провал коммунальных школ, которые не посещались «туземцами». По его мнению, прежде всего надо было прийти к тому, чтобы мусульманское население приняло образование не как благодеяние, а административную меру, которая никоим образом не обижает религиозные идеи⁷⁷⁷.

Мак-Магон соглашался с Наполеоном III в том, что обязательство иметь гарнизоны в 60 постах определенно являлись причиной ослабления для армии⁷⁷⁸. Но маршал признавал, что он не видит возможности упразднить хотя бы один из этих постов, и приводил примеры обращений командующих провинциями Оран и Константины, которые, наоборот, просили увеличить их количество⁷⁷⁹. В каждой провинции нужно иметь достаточное количество войск, чтобы суметь быстро сформировать три мобильные колонны, достаточно сильные, чтобы противостоять как на равнинах, так и в горах. Он также указывал, что в случае европейской войны нужно ожидать крупных восстаний, и цифра в 70 тыс. чел. ему казалась необходимой для безопасности. Более того, Мак-Магон уточнял, что еще долгое

⁷⁷¹ Ibid. № 58; № 137.

⁷⁷² Ibid. № 58; № 138.

⁷⁷³ Ibid. № 58; № 139.

⁷⁷⁴ Ibid. № 58; № 142.

⁷⁷⁵ Ibid. № 58; № 144.

⁷⁷⁶ Ibid.

⁷⁷⁷ Ibid.

⁷⁷⁸ Ibid. № 58; № 157.

⁷⁷⁹ Ibid. № 58; № 158.

время европейское население не сможет достичь нужной численности, чтобы противостоять самим⁷⁸⁰.

Поднимая вопрос про махзен, он называет его «деликатным», так как на деле в подавлении восстаний они проявили себя бегством⁷⁸¹. Чтобы они были верны, надо не только освободить их от уплаты налогов, но и вернуть им «иммунитеты» еще со времен турок⁷⁸². Мак-Магон указывал на нехватку мулов для передвижения мобильных колонн⁷⁸³. Согласно его мыслям, армия Африки должна содержать минимум 40 тыс. человек пехоты, 9 взводов кавалерии⁷⁸⁴. Он также акцентировал внимание на боязни пагубного влияния массового рекрутства на иммиграцию в Алжир. Это могло остановить волну натурализации иностранцев, которые в большом количестве (испанцы и итальянцы) покидали свои страны, чтобы избежать военной обязанности⁷⁸⁵.

Можно говорить, что реакция Мак-Магона была враждебной на данную программу, равно как и его заместителя генерала Дево, который являлся сторонником полного разрушения «туземной» аристократии и подал в отставку, сославшись на ухудшение здоровья⁷⁸⁶. Более того, присутствие в Париже Абд аль-Кадира породило слухи, что он в скором времени возглавит воссозданное вице-королевство в Алжире⁷⁸⁷. Колонисты протестовали против такой перспективы.

Т. Делор писал об «увеличении недоверия колонистов по отношению к военной власти и увеличению их протестов против льгот, предоставленных туземцам» как о результате этой программы императора⁷⁸⁸. Он резюмировал, что путешествие императора «сделало больше плохого, чем хорошего, создав ситуацию, искаженную страстями и предубеждениями, задерживая примирение

⁷⁸⁰ Ibid. № 58; № 161.

⁷⁸¹ Ibid. № 58; № 162.

⁷⁸² Ibid. № 58; № 164.

⁷⁸³ Ibid. № 58; № 165.

⁷⁸⁴ Ibid. № 58; № 166.

⁷⁸⁵ Ibid. № 58; № 167.

⁷⁸⁶ Fourmestraux E. Op. cit. P. 146.

⁷⁸⁷ Ageron Ch.-R. Abd el-Kader souverain d'un royaume arabe d'Orient // Revue de l'Occident musulman et de la Méditerranée, 1970. №8. P. 27.

⁷⁸⁸ Delord T. Op. cit. T. IV. P. 92.

между интересами европейцев и туземцев»⁷⁸⁹. У Фурместро мы тоже встречаем похожие тезисы про «враждебное недоверие» колонистов⁷⁹⁰. Виталь отмечал, что в Константине слышались «со стороны колониальных, индустриальных или коммерческих кругов только проклятия». Колонисты особенно возражали против налога, пропорционального качеству, который затронет все земли без исключения. Так как напрямую они не могли критиковать императора, пресса, воодушевленная администрацией, объявила Урбена «ренегата» и Кюссона обвиняемыми в заговоре против безопасности государства. Герцог Омальский участвовал в войне брошюр под псевдонимом⁷⁹¹.

Идеи письма императора были рассмотрены на заседаниях Совета министров 10 и 11 июля 1865 г. в присутствии генерал-губернатора⁷⁹². По свидетельству маршала Вайлана, «Наполеон III собрал возражения, не приняв решения. Он принял также встречный проект, составленный высшими чиновниками Алжира и подписанного Мак-Магоном»⁷⁹³. Генерал-губернатор хотел добиться декрета, запрещающего приобретать мусульманам домениальных земель, продаваемых с торгов, но император не высказался по данному проекту, он избрал тактику ожидания⁷⁹⁴. Он сказал Урбену: «По моим идеям были сделаны важные возражения. Надо использовать сдержанность, подождать результата воздействия временем и считаться с людьми. Это не изменит моих убеждений, но это должно повлиять на претворение их в жизнь»⁷⁹⁵.

Важным последствием второго путешествия Наполеона III в Алжир стал сенатус-консульт от 14 июля 1865 г., который зафиксировал юридический статус мусульманского и еврейского местного населения. Они объявлялись французами. Тем не менее сохранялся их личный статус: мусульманский закон для первых и Моисеев для вторых. Согласно тексту документа, они допускались к службе в

⁷⁸⁹ Ibid.

⁷⁹⁰ Fourmestraux E. Op. cit. P. 157.

⁷⁹¹ Julien Ch.-A. Op. cit. P. 433.

⁷⁹² Ageron Ch.-R. Politiques coloniales au Maghreb. P. 69.

⁷⁹³ Цит. по: Ibid. P. 70.

⁷⁹⁴ Fourmestraux E. Op. cit. P. 145.

⁷⁹⁵ Цит. по: Ageron Ch.-R. Politiques coloniales au Maghreb. P. 70.

сухопутных и морских войсках, могли занимать гражданские должности в Алжире⁷⁹⁶.

Сенатус-консулт предусматривал также процедуру «натурализации», позволяющей местному населению Алжира получить доступ к французскому гражданству посредством отказа от их личного статуса⁷⁹⁷. Это касалось не только мусульман и евреев, но и других иностранцев, достигших 21 года, и тех, которые, в свою очередь, должны были для этого подтвердить свое местонахождение в Алжире в течение трех лет⁷⁹⁸.

В то время в колонии были три категории «неполноправных французов»: 30 000 евреев, 3 миллиона мусульман и 250 000 иностранцев, и все они находились в одинаковом положении. Но равное положение между этими категориями нарушится декретом 24 октября 1870 г., предоставившим местному еврейскому населению французское гражданство, отменив действие сенатуса-консульта 1865 г.⁷⁹⁹.

По факту, мусульмане «туземцы» становились французскими подданными, обладающими только некоторыми правами, как их называет историк Жюльен «неполноправными гражданами» или «*cives minute*» (т. е. гражданами, получившими только гражданские права, но не политические)⁸⁰⁰.

Натурализация шла неохотно, так как она была индивидуальной, а не коллективной. Мусульманское население не хотело лишаться своих прав по Корану, таких как полигамия, привилегия мужчин в вопросе наследования и т. д.⁸⁰¹. Число натурализовавшихся до 1870 г. не превышало 194 человека⁸⁰². В Алжире бытовало мнение, что местные евреи будут массово просить натурализации,

⁷⁹⁶ Sartor J.-E. De la Naturalisation en Algérie, sénatus-consulte du 5 juillet 1865... Musulmans, Israélites, Européens. P., 1865. P. 61–64.

⁷⁹⁷ Ibid.

⁷⁹⁸ Ibid.

⁷⁹⁹ Weil P. Le statut des musulmans en Algérie coloniale. Une nationalité française dénaturée // Histoire de la justice. 2005. Vol. 16. № 1. P. 97.

⁸⁰⁰ Julien Ch.-A. Op. cit. P. 433.

⁸⁰¹ Weil P. Op. cit. P. 100.

⁸⁰² Julien Ch.-A. Op. cit. P. 434.

однако, как и мусульмане, они считали отказ от своего личного статуса отречением от веры. Натурализовалось всего 398 человек⁸⁰³.

3.3. Интеллектуальные корни идеи «Арабского королевства». Сторонники и критики

Одним из самых ярких представителей «партии арабофилов» и вдохновителей политики «Арабского королевства» был Исмаил Урбен (до принятия ислама в 1833 г. – Тома Урбен), убежденный сенсимонист, урожденный француз с африканскими корнями, перебивший веру⁸⁰⁴. Французские ученые, такие как М. Эмери, Ш.-А. Жюльен, Ш.-Р. Ажерон, А. Рей-Голдзегер, М. Леваллуа, в своих работах подтверждают роль И. Урбена и его соратников в распространении «проарабской» политики⁸⁰⁵. И. Урбен посвятил около полувека Французскому Алжиру, будучи военным переводчиком, политическим советником в Париже и Алжире, как этнолог, историк, публицист. Он стал настоящим «проповедником» «проарабской» политики и защитником интересов местного населения: пытался примирить интересы Франции и иммигрантов с интересами алжирцев, экономический и социальный прогресс — с уважением к исламу и их культуре, предлагал заменить «колонизацию» «цивилизацией».

Исмаил Урбен (Тома Урбен) родился 31 декабря 1812 г. в Гвиане. Внебрачный сын марсельского торговца и «цветной» женщины, он был отвергнут французским обществом: незаконнорожденный мулат. По словам французского историка А. Левалуа, эти социальные травмы «оставили ему рану на всю жизнь» и послужили стимулом для исследований сложных противоречий колониального

⁸⁰³ Ibid.

⁸⁰⁴ Подробнее см.: Лазутина А.Е. Роль Исмаила Урбена во франко-алжирских отношениях. // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2015. № 1(17). С. 98–106.

⁸⁰⁵ Ageron Ch.-R. «L'Algérie algérienne» de Napoléon III à de Gaulle.; Emerit M. Les saint-simoniens en Algérie. Т. XV; Julien Ch.-A. Op. cit.; Levallois M. Ismaÿl Urbain (1812–1884). Une autre conquête de l'Algérie...; Rey-Goldzeiguer A. Op. cit.

общества⁸⁰⁶. Отчасти именно это обстоятельство привело его к сенсимонистам. Согласно определению в философском словаре, сенсимонизм — это учение графа Сен-Симона и его учеников. Сенсимонизм — это теория равенства, нацеленная на управление обществом по принципу «От каждого по способностям, каждому по труду», представляет собой одновременно и что-то вроде религии (проповедниками которой были Анфантен и Базар), и социалистическую теорию, осуждающую частную собственность — источник эксплуатации трудящихся. Цель сенсимонизма — прекращение эксплуатации человека человеком, отмена частного наследования с последующим распределением его в зависимости от потребностей и способностей. Сенсимонизм предусматривает программу технического образования, пригодную для индустриального общества⁸⁰⁷.

И. Урбену было восемнадцать лет, когда он встретил сенсимонистов. Соблазнившись принципом «от каждого по способностям, каждому по труду», он был принят ими как человек «новой расы» (из-за цвета кожи) в качестве члена их «семьи» в Менильмонтане. Находясь под впечатлением этих идей, он отправился вместе с ними в Египет. Помимо симпатии к арабскому миру, которую он сразу испытал после приезда на Восток, новоиспеченный сенсимонист чувствовал некое «сообщничество» с арабами⁸⁰⁸. Он пытался найти свое место в восточном обществе. Желание погружения в арабскую цивилизацию привело его не только к изучению языка, но и такому важному событию в жизни, как принятие ислама в 1833 г. Он выбрал себе символичное имя проповедника: Исмаил, сын раба, внебрачный ребенок, кинутый своим отцом⁸⁰⁹. В знак своего присоединения к исламу Урбен совершил культовое обрезание.

Видный французский исследователь, специалист по истории Алжира, Ш.-Р. Ажерон свидетельствовал: Урбен сам написал министру в феврале 1837 г., что «осмелился сделать обрезание, чтобы заслужить большее доверие у арабов», а отцу

⁸⁰⁶ Levallois A. Les écrits autobiographiques d'Ismaïl Urbain. Homme de couleur, saint-simonien et musulman (1812–1884). P., 2005. P. 10.

⁸⁰⁷ Жюлиа Д. Философский словарь: пер. с франц. М., 2000.

⁸⁰⁸ Emerit M. Les saint-simoniens en Algerie. T. XV. P. 73.

⁸⁰⁹ Ibid.; Régnier Ph. Op. cit. P. 91.

Анфантену (одному из проповедников сенсимонитского общества), объяснил свой шаг желанием «доказать мусульманам и арабам свою привязанность к ним»⁸¹⁰. При этом Исмаил Урбен не отрекся ни от христианства, ни от сенсимонизма, сформулировав свою мечту: эру толерантности между церковью и мечетью, между Иисусом и Мухаммедом в сенсимонистском духе. Чтобы занять место «посредника между мусульманами и христианами, черными и белыми», И. Урбен не только обратился в ислам, но и женился на мусульманке, что действительно повлияло на его проникновение в более закрытую жизнь мусульман.

В 1837 г. И. Урбен был отправлен в Алжир в качестве военного переводчика. Этому поспособствовали его друзья сенсимонисты, в частности М. Шевалье⁸¹¹. Он работал при генерале Бюжо в Оране, в алжирском штабе, у герцога Орлеанского и Омальского⁸¹². За десять лет, которые он провел в Алжире, являясь мусульманином, знающим арабский язык, имеющим жену мусульманку с алжирскими корнями и дочку, Урбен хорошо изучил эту страну, ее обычаи и нравы⁸¹³. Это помогло ему не только в карьерном росте, но способствовало также глубокому личному осмыслению этой страны и огромной симпатии к ее культуре и местным жителям.

Прежде всего его взгляды отличались от исследований других востоковедов и сенсимонистов тем, что он опирался на свой личный опыт «сложного персонажа» и «чувствительного негра»⁸¹⁴. Он не смотрел на местное население Алжира с «позиции превосходства», более продвинутой цивилизации, хотя, согласно иерархии цивилизаций сенсимонистов, «глобус» делился на три региона по уровню развития: «Африка и некоторые части Азии, находящиеся в состоянии, близком к племенному строю; остальная часть Азии и мусульманский мир имели уровень «организованной цивилизации»; Запад как наиболее развитый регион должен <...>

⁸¹⁰ Levallois M. Ismaÿl Urbain (1812–1884). Une autre conquête de l'Algérie... P. 16.

⁸¹¹ BNF. Ars. Ms 13744/39. Fol. 4.

⁸¹² Подробно про свою службу у герцога Омальского, И. Урбен пишет в автобиографии. См.: BNF. Ars. Ms 13737.

⁸¹³ BNF. Ars. Ms 13744/39. Fol. 5–7.

⁸¹⁴ Levallois A. Les écrits autobiographiques d'Ismaÿl Urbain... P. 9.

посвятить Восток в свои открытия, поскольку только Запад может взять на себя судьбы остального мира»⁸¹⁵. В первую очередь Урбен видел алжирцев глазами социолога и политика, а не этнолога. Он «не заперал» их в какую-либо этническую группу, а считал объединенным религией и настоящим национальным чувством обществом: сначала сплоченным сопротивлением колониальному захвату, потом — оппозицией грабежам земель и юридическим претензиям ассимиляции и религиозного обращения⁸¹⁶.

В переписке с Урбеном его учитель и друг, сенсимонист Гюстав д'Эйшталль поделился своей идеей о делении рас по цвету кожи и естественном их неравенстве: черные — слуги, белые — независимые. Г. д'Эйшталль высказывал идею о том, что черные — это «женская» раса, так как им присуща мягкость, физическая красота, а белые — «мужская» раса, с техническим складом ума и развитым логическим мышлением⁸¹⁷. И. Урбен назвал это учение подложным. Его самого больше интересовали предубеждения в отношении к черной расе, нежели этнологические исследования⁸¹⁸.

И. Урбену хотелось «вернуть справедливость черным»⁸¹⁹. Будучи «апостолом униженных рас», он трепетно защищал в первую очередь местное алжирское население. Мечтая о создании франко-мусульманского Алжира, И. Урбен выступал против критической позиции по отношению Запада к Востоку на основе стереотипных представлений об этой культуре. Он с помощью сравнения двух миров пытался пролить свет на «простоту и толерантность мусульманских нравов»⁸²⁰.

И. Урбен выступал против западных стереотипов, которые «извращали» местные нравы, унижали женщин, считая их «женщинами для удовольствия, всегда

⁸¹⁵ Reuillard M. Les Saint-simoniens et la tentation coloniale: Les explorations africaines et le gouvernement néo-calédonien de Charles Guillain (1808–1875). P., 1995. P. 81.

⁸¹⁶ Levallois M. Ismaïl Urbain (1812–1884). Une autre conquête de l'Algérie... P. 24.

⁸¹⁷ Reuillard M. Op. cit. P. 83.

⁸¹⁸ В связи с этим, представляют интерес мысли П. Анфантена по поводу черного населения Алжира, обозначенные им в 1833 г. См.: BNF. Ars. Ms 7839.

⁸¹⁹ Eichthal G. d' et Urbain I. Lettres sur la race noire et la race blanche. P., 1839. P. 45.

⁸²⁰ Levallois M. Ismaïl Urbain (1812–1884). Une autre conquête de l'Algérie... P. 137.

готовыми пожертвовать добродетелями и семейным долгом по малейшему капризу своего рассудка»⁸²¹. Он был противником мнения, что ислам повинен в «несовершенстве общественного порядка». Для И. Урбена как борца против поверхностных и «уродующих» взглядов на мусульманское общество, задача виделась в том, чтобы собрать наблюдения, полученные «во время вдумчивого прочтения Корана, во время долгих дней, проведенных среди мусульман», в пользу симпатии, которая соединила бы французов и алжирцев⁸²².

И. Урбен показывал различия между Востоком и Западом, чтобы народы могли понять друг друга, а не для того, чтобы усугублять разрыв между ними. Из анализа различий двух культур он извлекает собственное видение новой сенсимонистской веры: «соединить верой христиан и мусульман»⁸²³. Несмотря на культурные и религиозные различия между восточным и западным миром, согласно И. Урбену, люди страдают от одних и тех же бед: «самые большие беды — это моральные»⁸²⁴. Таким образом, спасти оба мира возможно с помощью новой веры, которая осуществит моральную трансформацию обществ. В трансформации исламизма должен быть духовный элемент, в трансформации католицизма — материальный⁸²⁵.

Несмотря на изложение взглядов сенсимонистов о колонизации Алжира в книге Анфантена «Колонизация Алжира», И. Урбен имел собственную точку зрения. Какими были его основные идеи? Какой он видел идеальную цивилизацию, применимую к Французскому Алжиру? Ответы на эти вопросы содержатся в двух работах, написанных им: в 1861 г. под псевдонимом Жоржа Вуазена «Алжир для алжирцев» и в 1862 г. под своим именем — «Французский Алжир. Местное население и иммигранты». В этих трудах наиболее четко и основательно отразились взгляды автора, которые он сохранил до конца своей жизни. Именно

⁸²¹ Ibid. P. 138.

⁸²² Ibid. P. 139.

⁸²³ Régnier Ph. Op. cit. P. 93.

⁸²⁴ Ibid. P. 96.

⁸²⁵ Ibid.

эти небольшие книги, названные самим И. Урбеном брошюрами, рассматриваются западными историками как манифест политики «Арабского королевства».

Большую часть своей первой работы «Алжир для алжирцев» И. Урбен написал до путешествия императора Наполеона III в 1860 г. в североафриканскую колонию. Но решение о публикации этого произведения автор принял лишь после «арабофильской» речи Наполеона III 19 сентября в Алжире, что свидетельствует о некоторых сомнениях И. Урбена в «проарабской» ориентации царствующей персоны.

Речь Наполеона III настолько вдохновила И. Урбена, что он использовал часть этого выступления в качестве эпиграфа к своему труду: «... первый долг Франции — заняться благополучием трех миллионов арабов»⁸²⁶. Прежде всего в своей работе И. Урбен задает вопрос, способны ли мусульмане к совершенствованию. На этот счет у него нет сомнений: «Как и мы, они [алжирцы] способны к совершенствованию и прогрессу. Это неоспоримо»⁸²⁷. Характерной для его взглядов является мысль об индивидуализации, самоидентичности каждого народа⁸²⁸. Красной нитью в произведении и во взглядах «арабофилов» прослеживается мысль о прогрессе как эволюции, а не революции⁸²⁹. И. Урбен и его единомышленники являлись приверженцами постепенного, ненасильственного изменения ситуации. Они считали, что спешное насаждение своих порядков колонистами в стране с совершенно другим укладом жизни и иной ментальностью могли лишь развить агрессию и отторжение у автохтонов.

Автор убедительно говорит о необходимости исследования истории доколониального Алжира, его социальной организации и политических аспектов, так как изучение этих вопросов поможет лучше понять психологию туземцев, выяснить, какие нововведения они способны принять и с какими последствиями⁸³⁰. Такая позиция И. Урбена свидетельствует о дальновидности его размышлений.

⁸²⁶ Urbain I. L'Algérie pour les Algériens... P. 23.

⁸²⁷ Ibid. P. 30.

⁸²⁸ Ibid. P. 32.

⁸²⁹ Ibid. P. 36.

⁸³⁰ Ibid. P. 43.

В своей работе И. Урбен анализирует изменения в жизни Алжира в результате французского завоевания: разграничение светской жизни и духовной; прогресс в общественном образовании, а именно создание начальных арабо-французских школ, колледжей и высших учебных заведений (медресе); прогресс в бытовом укладе жизни местного населения, все это исследователь считает позитивными достижениями французской колониальной политики.

Необходимо уточнить, что к реформе образования И. Урбен отнесся с особым трепетом, и для него эта часть социальной политики была вехой в процессе цивилизации колонии. Будучи назначенным в бюро по делам Алжира в 1846 г., уже в 1849 г. он составил «Ноту об общественном мусульманском образовании», в которой настаивал на идее полного восстановления старой системы общественного образования с последующими ступенчатыми и осторожными нововведениями⁸³¹. В начальной школе он предлагал ввести сборники по географии и арифметике на арабском языке; в средней школе – то же самое, но с добавлением занятий по истории, химии, физике; для высших школ пригласить профессоров из Туниса и Египта. Эти меры были направлены на постепенное изменение образовательной системы алжирцев, в то время как колонисты пытались насадить французскую систему образования, невзирая на культурные и другие различия. Часть идей И. Урбена нашла отражение в декрете 14 июля 1850 г. «О создании начальных арабо-французских школ».

И. Урбеном был подготовлен также проект декрета о высшем мусульманском общественном образовании, в который он буквально вложил всю заботу и душу, о чем сообщает своему другу Гюставу д'Эйшталю в переписке⁸³². Он ввел некоторые важные изменения в текст, представленный Правительственным Советом. Проект предусматривал уроки арабской грамматики и мусульманских законов, а Урбен предложил восстановить урок теологии (*touhhid*), разместить школы около мечети. Эти идеи легли в основу декрета 30 сентября 1850 г. «О создании высших общественных мусульманских школ». Ценность образовательной реформы И.

⁸³¹ Levallois M. Ismaïl Urbain. Royaume arabe ou Algérie franco-musulmane?... P. 53.

⁸³² Ibid. P. 88.

Урбен видел не только в просвещении местного населения, но и в «разоружении» фанатизма местных мусульман-алжирцев.

В третьей главе «Алжира для алжирцев» И. Урбен не забывает упомянуть о противоречии действий и решений правительства в вопросе о статусе алжирцев: «... Местное население не может считаться французами, тогда как, путешествуя за границу, они находятся под политической защитой Франции»⁸³³. Более полно эти вопросы рассматриваются автором в его второй работе «Французский Алжир. Местное население и иммигранты».

Наконец, говоря о «наших мусульманах алжирцах», И. Урбен предлагает некоторые меры, способные, по его мнению, улучшить процесс цивилизации. К примеру, публикация словарей арабских имен, создание собраний по мусульманскому культу, уважение французскими судами мусульманского закона, улучшение и пропаганда арабо-французских школ для мальчиков и девочек, создание школ искусств и профессий для алжирцев, установление одинаковых налогов для всего Алжира, создание общества взаимной безопасности и благотворительной организации и т. Д.

Второй труд И. Урбена «Французский Алжир. Местное население и иммигранты» посвящен рассмотрению вопросов, связанных со статусом коренного населения и иммигрантов после завоевания французами этой колонии. Алжир был объявлен французской землей, следовательно, автохтоны не считались иностранцами ни в Алжире, ни во Франции. Однако разница в гражданских и политических правах для местного населения, с одной стороны, и французов, с другой, была слишком очевидной, и Урбен счел это несправедливым.

В связи этим И. Урбен указывает, что истинный интерес Франции в Алжире заключается в политическом доминировании, а именно поддержании общественного порядка, взимании налогов, эффективной поддержке военных сил и всего прочего, что приумножает престиж, честь, богатство родины⁸³⁴. Надо отметить, что эта идея достаточно правдоподобна и справедлива: Наполеон III

⁸³³ Urbain I. L'Algerie pour les Algeriens. P. 125.

⁸³⁴ Urbain I. L'Algérie française, indigènes et immigrants. P. 114.

воплощал в своем лице бонапартизм, видевший свою миссию во внешнеполитической экспансии, экономическом прогрессе, возвеличивании страны.

И. Урбен разделил колонизацию на индустриальную — для иммигрантов, и сельскохозяйственную — для местного населения. И это важно, так как местное население наиболее всего приспособлено как физически, так и исторически к земельным работам в условиях тропического климата, в отличие от французов, которые не могли долго находиться под палящим солнцем.

Эти две работы не прошли незамеченными в то время — колонисты приняли их негативно и критиковали, а сторонники проарабских взглядов писали автору восторженные письма. Но главное, что И. Урбену удалось повлиять на взгляды царствующей персоны Франции и его политику «Арабского королевства». Это проявилось как в политических решениях императора вроде отмены системы расквартирования, так и в письмах, написанных 6 февраля 1863 г. генералу Пелисье и 20 июня 1865 г. будущему маршалу П. Мак-Магону, основой для которых послужили тексты И. Урбена. По данным, изложенным французским историком Мишелем Леваллуа в предисловии к книге «Французский Алжир. Местное население и иммигранты», император во время ужина произнес И. Урбену, занимавшему пост личного переводчика и советника Наполеона III: «Господин Урбен, я заимствовал вашу работу [«Французский Алжир. Местное население и иммигранты»], чтобы написать мое письмо от 6 февраля»⁸³⁵.

Следует отметить: несмотря на то, что должность советника-докладчика в Государственном совете не давала И. Урбену большой власти, она, тем не менее, позволяла ему быть в курсе решений относительно всех важных вопросов и проектов. Благодаря дружбе с генералами Э. Флери и де Ла Рю, полковником Лапасе, доктором Огюстом Виталем, офицером арабских бюро генералом де Неве, Урбен как в Париже, так и в Алжире мог свободно обмениваться с ними информацией. Так, И. Урбену удалось многое сделать для Французского Алжира

⁸³⁵ Ibid. P. 29.

при принятии следующих законов: защиты земельной собственности племен; создания арабских бюро, разделенных по округам; создания арабо-французских школ; высших мусульманских учебных заведений (медресе); модернизации мусульманского правосудия.

Однако «арабофильский» характер политики императора в Алжире находил больше противников, чем сторонников. Особенно остро оппозиция проявила себя после появления двух писем императора маршалам Пелисье (1863) и Мак-Магону (1865), определившим вектор развития североафриканской страны.

Так, один из противников политики императора, адвокат-журналист, директор и владелец газеты *L'Économiste français*, Жюль Дюваль в начале своей работы указывал на письмо императора маршалу Мак-Магону в качестве причины, которая его побудила к написанию «размышлений», императорскую мысль он считал «опасной» для Франции⁸³⁶. Он также критиковал использование в письме мнения таких людей, как Кюссона и Ж. Вуазена (псевдоним И. Урбена), апеллируя к тому, что император «был введен в заблуждение несколькими людьми»⁸³⁷.

Дюваль акцентировал внимание на том, что понятие «Арабское королевство» император впервые употребил в своей речи в Бордо 1852 г. Тогда оно не вызывало каких-то сильных потрясений, так как употреблялось абстрактно, скорее указывая на то, что страна большая, но уже в письме императора «Арабское королевство» рассматривалось как симпатия к арабам, как уже «политический носитель»⁸³⁸. В связи с этим, он предлагал обратиться к истории страны, заключая, что все перечисленные им факты были против «фантома арабской нации», возникающего под пером императора⁸³⁹.

В заключение Дюваль указывал, что виной теоретических и практических ошибок императора в доктринах и проектах по вопросу Алжира была «скорость впечатлений от его путешествия» и те источники, от которых он получал информацию, а также сложность восприятия для европейца («кем бы он ни был»),

⁸³⁶ Duval J. Op. cit. P. VII.

⁸³⁷ Ibid. P. 7.

⁸³⁸ Ibid. P. 27.

⁸³⁹ Ibid. P. 31.

«который не жил жизнью колониста», понять «естественные законы колонизации», находясь среди народа, о котором он знает только из подозрительных рассказов⁸⁴⁰. Но основная причина согласно Дювалю – «иллюзии, которые содержит письмо императора, и исходят они из врожденной неспособности абсолютной власти понять, любить. Управлять колониями»⁸⁴¹. Автор связывал это с тем, что создание французских колоний совпало с приходом «королевского деспотизма» и административной централизации⁸⁴². Применительно ко времени Второй империи он использует термин «колониальный цезаризм»⁸⁴³. Он указывал на желания «французов Алжира»: муниципальная свобода, провинциальная, политическая (речь шла о праве иметь представителей в Законодательном корпусе), свобода прессы, свобода территориального расширения, свобода сделок с недвижимостью, дарование Конституции Алжиру, что шло вразрез с решениями императора⁸⁴⁴. «Друзья алжирской колонизации» предлагали применить в Алжире систему, которая резюмировалась следующими мерами: политический союз, административная свобода, последовательная ассимиляция⁸⁴⁵. То есть тройное применение девиза газеты *L'Économiste français*, тогда Алжир, по их мнению, станет таким, каким должен быть: «французским королевством, а не арабским; французской колонией, а не европейской; французским гарнизоном, а не лагерем»⁸⁴⁶. И также они предлагали следующие меры для достижения «цивилизации посредством колонизации»: моногамную и стабильную семью, частную собственность, общественную безопасность, справедливое правосудие, гражданские, политические и коммерческие свободы, объединение коренных рас посредством труда, заработной платой, твердое развитие гражданских институтов⁸⁴⁷.

⁸⁴⁰ Ibid. P. 169.

⁸⁴¹ Ibid.

⁸⁴² Ibid.

⁸⁴³ Ibid. P. 172.

⁸⁴⁴ Ibid. P. 174–175.

⁸⁴⁵ Ibid. P. 176.

⁸⁴⁶ Ibid.

⁸⁴⁷ Ibid. P.177

О. Варнье, в свою очередь, выступал с критикой против «антиколониальной» брошюры, замаскированной под маску апостольства в пользу коренных жителей («Французский Алжир. Местное население и иммигранты» советника правительства И. Урбена – *А.Л.*)⁸⁴⁸.

Ж. Дюпре де Сент-Мор указывал, что общественное мнение в Алжире единодушно требовало «безвозвратный» отказ от «Арабского королевства», под которым они понимали «ошибку», губительную для колонистов и коренного населения⁸⁴⁹. Поль Вигье, выступая за интересы колонистов Константины, был уполномочен защищать их в Париже⁸⁵⁰.

3.4. Причины несостоятельности попытки воплощения идеи «Арабского королевства» в Алжире

Декрет от 27 декабря 1866 г., основанный на столичном законе от 5 мая 1855 г., обозначил контуры муниципальной реформы. Отныне муниципальные советы на гражданской территории избирались четырьмя коллегиями: французскими или натурализованными, мусульманскими, еврейскими и иностранными. Каждая коллегия назначала своих представителей, при этом уточнялось, что французы будут занимать $\frac{2}{3}$ мест, а также вводились посты заместителей мэров из числа коренных жителей⁸⁵¹. Историк Жюльен назвал эту меру «оригинальной», так как, она имела следующие последствия. Поскольку знание французского языка не требовалось, существовали коммуны, где обсуждение в Советах велось на итальянском или, в основном на испанском языке⁸⁵². Реакция колонистов была негативной, они выражали протест против предоставления права голоса

⁸⁴⁸ Warnier A. L'Algérie devant l'opinion publique... P. VI.

⁸⁴⁹ Du Pré de Saint-Maur J. Op. cit. P. 3.

⁸⁵⁰ Viguier P. À ceux des colons de la province de Constantine qui m'ont honoré du mandat officieux de défendre, à Paris, les intérêts de la colonisation algérienne. P., 1869.

⁸⁵¹ Collection complète des lois, décrets, ordonnances, réglemens, et avis du Conseil-d'État... T. 67. P. 1867. P. 5–7.

⁸⁵² Julien Ch.-A. Op. cit. P. 435.

мусульманам⁸⁵³. Например, историк Ш.-Р. Ажерон приводит мнение префекта г. Алжир, который находил «очень опасным, предоставление избирательного права арабам, народу подвижному, пылкому, плохо подчиняющемуся...»⁸⁵⁴, некоторые юристы считали, что «мусульмане должны быть сначала натурализованы»⁸⁵⁵.

Указ от 20 мая 1868 г., подготовленный генерал-губернатором и предоставленный императору, учреждал «смешанные» коммуны и «субдивизионные». Первые, в отличие от полноправной коммуны, организованной по французской модели, обозначались как «промежуточный административный вариант», необходимость в котором была продиктована «неспособностью туземного населения администрироваться самостоятельно»⁸⁵⁶, и представляли собой центры, населенные одновременно мусульманами и небольшим количеством европейцев.

Вторые состояли из дуаров, которые уже находились в исполнении сенатус-консульта, а также из племен, которым это предстояло⁸⁵⁷.

«Смешанные коммуны» управлялись Муниципальными комиссиями, которые, в свою очередь, также были «смешанными». Они возглавлялись французским администратором и состояли из колонистов и заместителей из числа коренных жителей⁸⁵⁸. «Субдивизионные» коммуны управлялись военным начальником при помощи совета, где заседали «туземные» нотабли (один от округа)⁸⁵⁹.

Циркуляр губернатора от 21 марта 1867 г. реорганизовал «арабские бюро», подтвердив их подчинение военному командованию на всех уровнях, но сохранив за ними множественность полномочий. Это действие было направлено против выдвинутых обвинений в злоупотреблениях в адрес этих учреждений, оно

⁸⁵³ Ageron Ch.-R. *Politiques coloniales au Maghreb*. P. 70.

⁸⁵⁴ Цит. по: Ageron Ch.-R. *Politiques coloniales au Maghreb*. P. 70.

⁸⁵⁵ Ibid.

⁸⁵⁶ Mussard Ch. *La commune mixte, espace d'une rencontre? // Histoire de l'Algérie à la période coloniale 1830–1962*. Bouchène A., Peyroulou J.-P., Tengour O. S., Thénault S. (dir.). P. – Alger, 2012. P. 278.

⁸⁵⁷ Ageron Ch.-R. *Politiques coloniales au Maghreb*. P. 71.

⁸⁵⁸ Mussard Ch. *Op. cit.* P. 278.

⁸⁵⁹ Ageron Ch.-R. *Politiques coloniales au Maghreb*. P. 71.

стремилось показать, что офицеры «арабских бюро» не распоряжаются средствами и что у них нет какой-либо самостоятельности, однако, согласно историку К. Яконо «выглядело это не убедительно»⁸⁶⁰. Эти меры способствовали активизации действий колонистов против военного режима.

Что касалось вопроса колонизации, согласно исследованиям историка К. Яконо, вопреки общепринятому мнению, европейское население Алжира не уменьшилось во времена Второй империи, чему способствовал быстрый рост иностранного населения⁸⁶¹. Согласно идеям императора, колонизация должна была ограничиваться прибрежными районами, так как, именно там были самые благоприятные условия. Проводимая политика не способствовала иммиграции, так как была вдохновлена капитализмом и рассчитана на средние и крупные концессии.

Декрет от 31 декабря 1864 г. отменил безвозмездное предоставление земель, за одним исключением: император мог предоставить концессию специальным указом, установив условия. Оставалась только система купли-продажи и, по существу, продажи с фиксированной ценой, при этом цена каждого лота подлежала плате за пятую часть; для покупки не требовалось никаких условий, и был предусмотрен только один случай расторжения сделки: неуплата⁸⁶².

Результаты европейской колонизации были практически нулевыми: по данным приведенным К. Яконо, показательно, что в 1866 г. из 248 лотов, не было ни одного покупателя из Франции. Они достались европейцам из Алжира, которые впоследствии путем спекуляций перепродавали их «туземцам»⁸⁶³. Таким образом, правительство вынуждено было вернуться к системе центров и, чтобы их заселить, рассматривало для этих целей, в частности, иностранцев.

Наиболее всего эти годы были связаны с активной раздачей крупных концессий капиталистическим обществам. В первую очередь, это было вызвано необходимостью огромных финансовых вложений для освоения Алжира и

⁸⁶⁰ Yacono X. Histoire de l'Algérie... P. 176.

⁸⁶¹ Ibid. P. 165.

⁸⁶² Ibid.

⁸⁶³ Ibid.

дальнейшей колонизации после его «умиротворения» к 1860-м годам. Так как государство не могло нести этих расходов ввиду дефицита бюджета, предлагалось обратиться к частному капиталу, что было обозначено в письме императора маршалу Пелисье от 6 февраля 1863 г.

Историк К. Яконо указывал, что сама идея создания крупной корпорации, которая занималась бы общественными работами, принадлежала сенсимонисту П. Анфантену⁸⁶⁴. Таким образом, 18 мая 1865 г. была подписана Конвенция между военным министром, с одной стороны, и Л. Фреми, директором «Земельного кредита Франции и Алжира» и П. Талабо, генеральным директором «Железнодорожной компании от Парижа до Средиземного моря и Алжира» с другой стороны. Было создано «Алжирское генеральное общество»⁸⁶⁵. Согласно тексту Конвенции, государство обещало продать «Обществу» 100 тыс. га земли в Алжире, при этом концессия выплачивалась в течение пятидесяти лет из расчета 1 франк за гектар в год; предоставить концессии на рудники, месторождения которых она обнаружит в течение десятилетнего срока⁸⁶⁶. «Общество» предоставляло в распоряжение государства сумму в 100 миллионов, которая должна быть использована в Алжире в течение шести лет для выполнения крупных общественно полезных работ, состоящих из автомобильных портов, железных дорог, каналов, плотин, ирригационных сооружений и т. д., при этом ежегодная программа работ устанавливалась государством согласно мнению специальной комиссии. Государство возмещало «Обществу» сумму каждого платежа посредством аннуитетов с процентами в размере 5,25% и сроком погашения в течение пятидесяти лет⁸⁶⁷.

Как указывал историк К. Яконо, выплата обещанных «Обществом» средств не была осуществлена в полном объеме, как того требовали условия Конвенции. Однако, со стороны государства обязательство по предоставлению 100 тыс. га

⁸⁶⁴ Цит. по: Ibid. P. 167.

⁸⁶⁵ Journal des débats politiques et littéraires, [s.n.] (Paris). 5 juin 1865.

⁸⁶⁶ Ibid.

⁸⁶⁷ Ibid.

земли были выполнены полностью⁸⁶⁸. Стоит отметить, что «Общество» выполняло реальную банковскую функцию, хотя это не было предусмотрено договоренностями. С точки зрения колонизации, работы были незначительными.

Государство, заинтересованное в том, чтобы не допустить крах «Алжирского генерального общества», санкционировало его преобразование в «Алжирскую кампанию» 27 декабря 1877 г., которая впоследствии станет крупнейшим банком Северной Африки, обладающим огромными земельными фондами.

Для разработки равнины Хабра с целью выращивания там хлопка в июле 1864 г. государство выставило этот лот на торги с требованием построить плотину объемом 30 миллионов кубометров и провести ирригационные и дренажные работы без каких-либо обязательств по заселению. Именно для этого предложения в 1868 г. было основано «Акционерное общество Хабра и Макта». Однако построенная плотина была реконструирована за счет государства в 1881 г. (частично за счет «Франко-алжирского общества») из-за ее прорыва.

Таким образом, эти уступки крупным капиталистическим обществам привели к почти полному провалу в области колонизации, так как часто предоставляемые концессии даже не содержали положений обязательств по заселению. А работы, проводимые по благоустройству территорий, не всегда выполнялись в полном объеме и были должного качества.

С 1866 г. Алжир переживал ужасные бедствия: землетрясение с эпицентром недалеко от Блиды, нашествие саранчи, два года сильной засухи, отсюда плохой урожай и, как следствие, страшный голод и череда эпидемий, таких болезней, как тиф и холера. Меньше всего пострадали европейцы, так как они занимали самые лучшие и хорошо орошаемые земли. Чего нельзя было сказать о феллахх (крестьяне), которые, исчерпав свои запасы, не смогли купить зерна ни для себя, ни для скота⁸⁶⁹.

Эти события унесли жизни огромного количества местного населения (у Ш.-А. Жюльена мы встречаем цифру в 300 тыс. чел., при этом он указывает, что это

⁸⁶⁸ Yacono X. Histoire de l'Algérie... P. 167.

⁸⁶⁹ Julien Ch.-A. Op. cit. P. 440.

цифра, скорее всего, занижена)⁸⁷⁰, особенно сильно пострадали высокогорье Телль и южные территории: «Нищета была до такой степени, что голодающие боролись за мусор, что появились города, в которых вывоз бытового мусора стал ненужным. Они выкапывали животных, и были зарегистрированы случаи каннибализма»⁸⁷¹.

Французский историк К. Яконо указывал на косвенное влияние восстания 1864 г., так как местные жители, опасаясь, что Телль будет захвачен «повстанцами», опустошили свои запасы и продали их по низким ценам⁸⁷². Ученый Ш.-А. Жюльен, в свою очередь, указывал на усугубление кризиса в результате интеграции Алжира в международные экономические системы и структурных изменений, внесенных колониальным режимом. «Туземцы» больше не держали запасы в хранилищах с тех пор, как под влиянием властей увеличился экспорт, особенно во время Крымской войны (1853–1856). Чтобы соответствовать требованиям налогообложения, они немедленно продавали свое зерно после сбора урожая, в то время из-за большого количества предложений на рынке, цены были снижены⁸⁷³.

Перед лицом этой катастрофы правительство оставалось довольно инертным и в какой-то мере даже отказывалось признавать масштабы бедствия. Как указывал историк Ш.-А. Жюльен, впоследствии оно импровизировало помощь в классических формах заимствования, выделив торговым кругам денежные авансы на покупку зерна⁸⁷⁴. Это не решило проблемы, а отчасти только усугубило ее. Некоторые «арабские» лидеры влезли в долги и потеряли часть своего состояния.

Этим моментом воспользовались противники режима, которые возложили ответственность за все бедствия на неспособность военной власти справиться с этим кризисом. Именно в это время в Алжире появляется архиепископ Лавижери, деятельность которого привела к серьезным конфликтам с военными властями. Несмотря на сопротивление императора (он считал Лавижери «слишком пылким

⁸⁷⁰ Ibid.

⁸⁷¹ Ibid.

⁸⁷² Yacono X. Histoire de l'Algérie... P. 169.

⁸⁷³ Julien Ch.-A. Op. cit. P. 440.

⁸⁷⁴ Ibid. P. 440.

прелатом»⁸⁷⁵ для мусульманской страны, где необходим такт; и в итоге император окажется правым насчет данной кандидатуры), по настоянию маршала Мак-Магона, в 1867 г. бывший епископ Нанси был назначен архиепископом Алжира⁸⁷⁶.

В своих письмах архиепископ Лавижери четко обозначил свои взгляды⁸⁷⁷. Он видел будущее Алжира следующим: «Сделать алжирскую землю колыбелью великой, великодушной христианской нации, другой Францией, одним словом, нашей дочерью и сестрой, и счастливо шагать по пути справедливости и славы, рядом с матерью-родиной; <...> распространить вокруг нас истинную веру цивилизации, источником и законом которой является Евангелие», то есть распространить христианскую веру по всей Африке⁸⁷⁸.

Позже он пропагандировал миссионерскую деятельность в Сахаре и центральной Африке⁸⁷⁹. Но более всего он запомнился тем, что во время голода собрал 1753⁸⁸⁰ детей-сирот (из которых почти тысяча выжила), организовав сборы во Франции⁸⁸¹ и за рубежом (в частности, в Бельгии⁸⁸²), он начал работу по оказанию помощи с целью их христианизации⁸⁸³. Архиепископ, яростно нападая на военный режим, который отказывался ассимилировать арабов по вероисповеданию, пришел к конфликту с маршалом Мак-Магоном, последнего поддержал император. На стороне Лавижери была католическая пресса и на какое-то время колонисты Алжира, так как они видели в нем оппозицию военному режиму.

Мак-Магон жаловался императору на поведение Лавижери, кандидатуру которого, он так опрометчиво выдвинул, но император запретил ему вступать в

⁸⁷⁵ Цит. по: Julien Ch.-A. Op. cit. P. 440.

⁸⁷⁶ Spillmann G. Napoléon III et le royaume arabe d'Algérie. P. 103.

⁸⁷⁷ Lavigerie Ch. Recueil de lettres publiées par Mgr l'archevêque d'Alger [Lavigerie] sur les oeuvres et missions africaines. P., 1869.

⁸⁷⁸ Ibid. P. 14.

⁸⁷⁹ Ibid. P. 73–88; P. 89–96.

⁸⁸⁰ Ibid. P. 65.

⁸⁸¹ См. письмо редакторам католических газет от 1.01.1868г. Lavigerie Ch. Op. cit. P. 26–28; P. 29–36.

⁸⁸² Ibid. P. 70–72.

⁸⁸³ Ibid. P. 37–44.

полемику, от которой выиграла бы только оппозиция⁸⁸⁴. Уже подвергшийся критике со стороны французских католиков по римскому вопросу, он не хотел допустить усугубления разногласий. Поэтому мнение Наполеона III сводилось к тому, что «архиепископу достаточно иметь дело с 200 000 католических поселенцев»⁸⁸⁵. Что касается арабского населения, император оставлял все заботы генерал-губернатору – как указывал историк Ш.-А. Жюльен, с оговоркой на то, что действовать Мак-Магону нужно было осторожно, чтобы, согласно мнению императора, «не дать католикам Франции нового повода для недовольства»⁸⁸⁶.

Наполеон III был очень обеспокоен ухудшением ситуации в Алжире. Он чувствовал, что больше ничего не происходит, его инструкции оставались невыполненными из-за инертности генерал-губернатора. Офицеры-«туземцы» оставались младшими лейтенантами (в лучшем случае лейтенантами) и в равном звании, независимо от их старшинства, подчинялись своим французским товарищам. Ничего не делалось для консолидации местного командования или для восстановления доверия и авторитета шейхов⁸⁸⁷. Властность и упрямство двух генерал-губернаторов в 1860-е годы, маршала Пелисье и маршала Мак-Магона, были фатальными для военного режима, который они олицетворяли и, как следствие, для проекта «Арабского королевства», дорогого Наполеону III. Франкоязычная пресса совершает нападки на главу государства, которые губернатор, чувствительный только к тому, что его касается, спокойно пропускает мимо ушей⁸⁸⁸.

Император был озабочен делами в Европе в связи с подъемом Пруссии и необратимым продвижением германского единства. Кроме того, он страдал от болей, прогрессировала болезнь мочевого пузыря (врачи лечили его опиатами)⁸⁸⁹, поэтому приехать в североафриканскую страну он не смог. С 29 апреля 1868 г. по

⁸⁸⁴ Spillmann G. Napoléon III et le royaume arabe d'Algérie. P. 105.

⁸⁸⁵ Julien Ch.-A. Op. cit. P. 442.

⁸⁸⁶ Ibid.

⁸⁸⁷ Spillmann G. Napoléon III et le royaume arabe d'Algérie. P. 105.

⁸⁸⁸ Цит. по: Ibid. P. 107.

⁸⁸⁹ Ibid.

17 июля 1868 г. в Алжир была отправлена комиссия по установлению положения дел по с/х, порученная графу Ле Он, депутату Законодательного корпуса. Он должен был изучить не только причины голода, но и изменения, которые должны произойти в администрации. Как указывал историк Ш.-А. Жюльен, граф Ле Он после своего посещения страны проявил себя сторонником объявления гражданской территорией любой территории племени, к которой были бы применены первые две операции сенатус-консульта 1863 г.⁸⁹⁰. Он также выступал за расширение частной собственности⁸⁹¹.

Во время обсуждения бюджета Алжира в Законодательном корпусе в апреле 1869 г., граф Ле Он выступил за меры, знаменующие переход к гражданскому правлению, и несколько ораторов, в том числе Ж. Фавр, поддержали его, раскритиковав режима «сабли» (т. е. военного)⁸⁹².

Согласно историку Ш.-А. Жюльену, именно это побудило нового военного министра А. Ниеля 5 мая 1869 г. создать комиссию во главе с маршалом Рандоном, чтобы рассмотреть проект Конституции Алжира⁸⁹³, о котором говорили уже почти двадцать лет. Интересен тот факт, что большинство членов комиссии являлись «арабофилами», а колониалисты были представлены в лице Ф. Барро. Окончательный проект был составлен сенатором Арманом Беиком, бывшим министром сельского хозяйства, торговли и общественных работ (26 июня 1863 г.- 20 января 1867 г.) и генеральным директором имперской почтовой службы, который не принадлежал ни к какой из сторон, а выполнял роль арбитра.

Этот проект был представлен комиссии в июле и обсуждался ею с декабря 1869 г. по февраль 1870 г. Были заслушаны выступления различных деятелей, в том числе трех генеральных советников из числа коренных народов, которые высоко оценили руководство «арабскими бюро». Одна из главных тем сводилась к решению вопроса о том, «следует ли интегрировать Алжир в административную систему Франции или предоставить ему автономный режим с участием его

⁸⁹⁰ Julien Ch.-A. Op. cit. P. 442.

⁸⁹¹ Spillmann G. Napoléon III et le royaume arabe d'Algérie. P. 107.

⁸⁹² Yacono X. Histoire de l'Algérie... P. 177.

⁸⁹³ Julien Ch.-A. Op. cit. P. 443.

жителей в правительстве и управлении»⁸⁹⁴. Как видно из отчета, выбор был сделан в пользу второго варианта, в Алжире предлагался сильный генерал-губернатор (военный или гражданский), которому помогал бы Высший совет (члены, которого выбирались бы генеральными советами), ответственный за голосование по бюджету. Также предполагалось, что в каждой провинции французские граждане должны будут избрать по одному депутату, иностранцы и коренные жители будут участвовать в назначении членов местных собраний. Тем не менее всегда проводилось различие между гражданской и военной территориями, но с возможностью неограниченного расширения первой. Также если префекты гражданских территорий были освобождены от военной опеки, то, с другой стороны, были созданы «туземные» департаменты, управляемые офицерами⁸⁹⁵.

Этот «примирительный» отчет, несколько измененный Советом министров, чтобы стать проектом сенатуса-консульта, вызвал оппозицию со стороны военных, которые справедливо считали, что в более или менее отдаленном сроке их власти придет конец, и гражданских, которые требовали для французских граждан ассимиляции Алжира с Францией⁸⁹⁶.

С целью принятия решения Законодательным корпусом «по алжирскому вопросу» в свою пользу в Париж приехали делегаты от трех провинций Алжира: Борели Ла Сапи, Ж. Дюпре де Сент-Мор и П. Вигье. Они получили поддержку у «левых», и по инициативе последних, 9 марта обсуждение в Законодательном корпусе закончилось единогласным голосованием по повестке дня: «Учитывая, что при нынешнем положении дел в Алжире приход гражданского правления, по видимому, согласуется с интересами европейцев и коренного населения»⁸⁹⁷.

Как справедливо заметил Ж. Спиллманн, это означало собой конец проекта создания «Арабского королевства», проваленного еще до того, как он был начат. Подвергнутый яростным нападкам в прессе, как в метрополии, так и в Алжире,

⁸⁹⁴ Yacono X. Histoire de l'Algérie... P. 177.

⁸⁹⁵ Ibid. P. 178.

⁸⁹⁶ Ibid.

⁸⁹⁷ Цит. по: Julien Ch.-A. Op. cit. P. 445.

Наполеон III решил прибегнуть к плебисциту в соответствии с бонапартистской традицией и с целью придать легитимности принятым решениям.

8 мая 1870 г. Франция дала императору подавляющее большинство голосов: 7 358 000 «да» против 1 572 000 «нет» и двух миллионов воздержавшихся. С другой стороны, в Алжире среди гражданского населения 13 852 человека высказались «нет» против 11 156 «да» при 35% воздержавшихся, что было зафиксировано в *Le Moniteur algérien* и расценено как «отрицательное голосование»⁸⁹⁸.

Ответом на результаты плебисцита в Алжире стала политика уступок Наполеона III, который таким образом думал ослабить оппозицию. Это мысль подтверждалась тремя декретами 31 мая и 11 июня 1870 г., в соответствии с которыми утверждалась независимость префектов от генералов, при этом политика в отношении прессы была оставлена за генерал-губернатором; устанавливались индивидуальные титулы собственников на владение арабской землей, а право шефаа было отменено; если назначение местных представителей оставалось правилом на военной территории, то на гражданской территории генеральные советники избирались с отдельным представительством французов, коренных мусульман, коренных евреев и иностранцев⁸⁹⁹. Полная победа противников «Арабского королевства» произойдет вместе с крахом Второй империи после поражения Франции в битве при Седане в сентябре 1870 г.

Воплощение «Арабского королевства» Наполеона III потерпело крах. Как справедливо отметил французский историк Ж. Спиллманн, это произошло вследствие того, что идея «Арабского королевства» была сформулирована через тридцать лет после завоевания Алжира на базе предыдущих режимов, которые оставили после себя «практически необратимые вредные привычки», а также она намного опережала свое время и «умы тогда были плохо подготовлены к идее протектората»⁹⁰⁰.

⁸⁹⁸ Ibid. P. 446.

⁸⁹⁹ Yacono X. Histoire de l'Algérie... P. 178.

⁹⁰⁰ Spillmann G. Napoléon III et le royaume arabe d'Algérie. P. 108.

Алжир являлся местом столкновения различных интересов: военные власти противостояли гражданским, интересы колонистов – интересам коренного населения. Попытка Наполеона III изменить, переосмыслить, найти «новый» путь, отличный от политики ассимиляции, не получила широкой поддержки. Более того, она вызвала шквал критики как со стороны европейских колонистов Алжира, так и со стороны высших функционеров, которые мешали ее реализации. А самому императору, лавирующему между различными политическими силами, не хватало решимости.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование причин и истоков противоречий между двумя странами подтвердило, что вторжение Франции в Алжир не было спонтанным действием или только реакцией на известный «удар опахалом» французского консула П. Деваля алжирским деем Хусейном, а имело в своей основе ряд причин и целей. Основными из них являлись: необходимость укрепления власти Бурбонов путем обеспечения славы короля Карла X новыми победами и завоеваниями в период внутренней нестабильности; отвлечение общественного внимания от недовольства правительством Ж. де Полиньяка, экономического спада; выгодное геополитическое положение Алжира: он рассматривался как отправной пункт для продвижения в Африку к югу от Сахары и плацдарм для конкуренции с Великобританией в Средиземноморье; реваншистские идеи после унижительных решений 1815 г. Более того, основой для французского вторжения послужил план, разработанный еще при Наполеоне Бонапарте, что подтверждает тезис о давних намерениях захвата Алжира и опровергает его трактовку как спасательной операции по спасению Европы от пиратства.

Выработка четкого политического курса по алжирскому вопросу в годы Июльской монархии была осложнена отношениями с Великобританией, которая была обеспокоена возможным ослаблением своих позиций в Средиземноморье, и правительство которой рассчитывало на отказ нового режима от оккупации регентства. Это породило определенные опасения во Франции, что получило свое выражение в политике «ограниченной оккупации». Отсутствие единого мнения во французском Парламенте и правительстве по алжирскому вопросу дало почву для дебатов по идее колонизации. Невозможность установления рабства подталкивала сторонников колонизации на поиски новой концепции, оправдывающей те же инструменты, который использовались ранее.

Положение дел изменилось в 1840-е гг. В связи с Восточным кризисом конца 1830–1840-х гг. Алжир стал для Франции своего рода компенсацией за утраченные

возможности в Египте. В декабре 1840 г. генерал-губернатором Алжира стал Т. Р. Бюжо, сторонник решительных действий, с приходом которого завоевание становится особенно жестоким: в ход шли тактика выжженной земли, раззии, «выкуривания».

С принятием Конституции 1848 г. вопросы остаться или покинуть Алжир отошли в прошлое, на первый план вышла борьба между военной и гражданской администрацией на местах. Анализ источников показал, как в рамках реализации политики ассимиляции дискриминировалось положение коренного населения. Правовые документы опирались на представление интересов европейского меньшинства, более того, попытки посягательства на политические права жестко пресекались колонистами.

Подчинение Кабилии, завершившееся в 1857 г., сделало завоевание страны практически завершенным фактом, и военный режим оправдывал себя все меньше. 24 июня 1858 г. было создано Министерство по делам Алжира и колоний во главе с принцем Наполеоном (Жеромом), целью которого, согласно идеям принца Наполеона, было деление территории на военную и гражданскую для подготовки населения первых к переходу под гражданский режим через введение частной собственности и индивидуальных налогов. Его действия получили широкую поддержку среди европейских колонистов, но привели к ухудшению положения коренного населения.

Являясь сторонником идеи превращения Средиземного моря во «французское озеро» и следуя бонапартистской традиции в восточной политике, Наполеон III реализовал грандиозный проект по строительству Суэцкого канала в Египте (1859–1869), однако попытка укрепиться в Сирии и Ливане в 1860–1861 гг. потерпела неудачу, что предопределило внимание к Алжиру как точке опоры в данном регионе. Император Наполеон III, вооружившись идеями сенсимониста И. Урбена и его сподвижников полковника Лапассе и префекта Ф. Лакруа, предложил так называемую политику «Арабского королевства» (*Royaume arabe*), в рамках которой гарантировалось уважение прав и земель коренных жителей колонии, а также предполагалась социальная интеграция мусульман в Алжире.

Под термином «Арабское королевство» в контексте колониальной политики Франции в период Второй империи мы понимаем образное выражение императора Наполеона III, которое в себя включало те политические меры по отношению к Алжиру, которые он обозначил в своих письмах маршалу Пелисье от 1863 г. и маршалу Мак-Магону от 1865 г. после своих поездок в Алжир в 1860 и 1865 гг. Отметим, что несмотря на видимую «арабофилию» императора, его идеи и решения соответствовали духу «либеральной империи» и логике бонапартистской идеологии. Сам император, вероятно, используя «формулу» «Арабского королевства», вкладывал в нее смысл географического названия, видимо, с целью распространения французского влияния в мусульманском мире в южном Средиземноморье от Алжира до Сирии.

Термин «Арабское королевство» представлялся довольно «опасным» для режима Второй империи, так как открывал зону для воображения и различных истолкований, что позволило распространиться слухам о намерениях императора создать «Арабское королевства» во главе с арабским правителем.

Идеи императора, вдохновленные учениями сенсимонистов, не нашли должного отклика в колонии, более того, «Арабское королевство» вызвало волну критики и непонимания со стороны европейских колонистов и гражданской администрации. Общество колонистов в первую очередь было заинтересовано в приобретении материальной выгоды, то есть владением земель, и путем к этой цели они видели «расквартирование» или «вытеснение» коренного населения, которое они считали не способным пользоваться землей. Опирались они не только на право завоевателя, но и на идею «цивилизаторской миссии», иногда прибегая к идее «слияния рас», якобы с гуманной точки зрения, но в большей степени чтобы оправдывать использование наемного местного труда. Местные власти в лице генерал-губернаторов, сначала маршала Пелисье, затем маршала Мак-Магона, открыто игнорировали директивы императора и критиковали положения его программы, что практически делало реализацию идей «Арабского королевства».

Идея «Арабского королевства» Наполеона III как нового колониального концепта изначально была иллюзорна, обречена по причинам несогласия как французов, так и алжирцев. Она показала, что власти Франции в своем подходе к колонии стояли не на твердой почве реальности, а воплощали заведомо ложные идеи – отсюда избыточное применение силы и нынешний конфликт Алжира и Франции.

Все эти меры привели в конце 1860-х гг. к краху традиционного «туземного» общества и укреплению гражданской власти, что усугублялось засухой, землетрясениями, голодом, эпидемиями. Император не мог влиять на положение дел в колонии, лавируя между различными группами, он прибегнул к политике уступок, открыв Алжир аппетитам крупных компаний и колонистов, тем самым «похоронив» «Арабское королевство», которое так и не было построено.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники*Архивные документы*

Российский государственный архив социально-политической истории
(РГАСПИ):

1. Ф. 316. Оп. 1. Д. 1–2.
2. Ф. 316. Оп. 1. Д. 3.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА):

3. Ф. 452. Оп. 1. Д. 294.
4. Ф. 544. Оп. 1. Д. 469. № 760.
5. Ф. 544. Оп. 1. Д. 742. № 166.

Archives Nationales de France (AN):

6. 400AP/136. Papiers du prince Napoléon (1822–1891) [Электронный ресурс]
URL: https://www.siv.archives-nationales.culture.gouv.fr/siv/IR/FRAN_IR_053754 (дата обращения: 19.05.2023).
7. 400AP/60. Dossiers 2 et 3. Lettres relatives à l'Algérie adressées à l'Empereur. 1853–1870. [Электронный ресурс] URL: https://www.siv.archives-nationales.culture.gouv.fr/siv/UD/FRAN_IR_053754/cswxs43t3a-1efrsq63stwg2 (дата обращения: 19.05.2023).
8. AE/I/21/3/A; AE/I/21/3/B. Lettre par laquelle Abd el-Kader s'engage à ne plus retourner en Algérie, et traduction certifiée de cette pièce. 30.10.1852. [Электронный ресурс] URL: https://www.siv.archives-nationales.culture.gouv.fr/siv/UD/FRAN_IR_058231/A1_746 (дата обращения: 19.05.2023).
9. AE/I/21/4. 7 novembre 1852. Minute originale du Senatus-Consulte proposant à l'acceptation du peuple français le rétablissement de la dignité impériale

- héréditaire dans la personne de Louis-Napoléon Bonaparte. [Электронный ресурс] URL: https://www.siv.archives-nationales.culture.gouv.fr/siv/media/FRAN_IR_058231/A1_747/DAFANCH06_A103481N00001 (дата обращения: 10.09.2023).
10. AE/I/29/10. Constitution de 1852. Minute originale signée de Louis-Napoléon Bonaparte, président de la République. 14.01.1852. [Электронный ресурс] URL: https://www.siv.archives-nationales.culture.gouv.fr/siv/UD/FRAN_IR_058231/A1_928 (дата обращения: 19.05.2023).
11. AE/I/29/9. Constitution de la Deuxième République. 4.11.1848. [Электронный ресурс] URL: https://www.siv.archives-nationales.culture.gouv.fr/siv/UD/FRAN_IR_058231/A1_927 (дата обращения: 19.05.2023).
12. AE/I/21/2. Ampliation de la délibération de la Commission consultative sur le recensement général des votes émis sur le projet de plébiscite proposé le 2 décembre 1851 par le président de la République à l'acceptation du peuple français. 31.12.1851. [Электронный ресурс] URL: https://www.siv.archives-nationales.culture.gouv.fr/siv/UD/FRAN_IR_058231/A1_745 (дата обращения: 19.05.2023).

Bibliothèque nationale de France. Bibliothèque de l'Arsenal (BNF. Ars.):

13. Ms 13728–13759 Manuscrits et correspondances relatifs aux Saint-Simoniens.
14. Ms 7839 Fonds Infantin. Algérie.
15. Ms 7840/1 Fonds Infantin. Algérie.
16. Ms 7840/2 Fonds Infantin. Algérie.

Опубликованные источники

17. Богданович М.Н. Алжирия в новейшее время. Спб.: Типография военно-учебных заведений, 1849. 182 с.

18. Куропаткин А.Н. Алжирия. Спб.: тип. В.А. Полетики, 1877. 309 с.
19. A l'Assemblée nationale. Pétition et projet de colonisation en Algérie, par associations temporaires, présentés au nom de 20,000 familles. Août 1848. P.: Impr. de A. Appert, 1848. 23 p.
20. Aperçu historique, statistique et topographique sur l'état d'Alger, à l'usage de l'armée expéditionnaire d'Afrique : avec plans, vues et costumes / publié par ordre de Son Excellence le ministre de la guerre. 2e éd. P.: C. Picquet, 1830. 238 p.
21. Archives parlementaires, recueil complet des débats législatifs et politiques des Chambres françaises de 1800 à 1860, faisant suite à la réimpression de l'ancien «Moniteur» et comprenant un grand nombre de documents inédits. Deuxième série, 1800–1860 / publiées par MM. J. Mavidal et E. Laurent. T. 80. P.: P. Dupont, 1891. 792 p.
22. Boutin V.-Y. Plan d'Alger et de ses environs. P.: Darmet jeune, 1830.
23. Clauzel B. Nouvelles observations de M. le maréchal Clauzel sur la colonisation d'Alger. P.: Impr. Selligie, 1833. 43 p.
24. Collection complète des lois, décrets, ordonnances, réglemens, et avis du Conseil-d'État : publiée sur les éditions officielles du Louvre ; de l'Imprimerie nationale, par Baudouin ; et du Bulletin des lois, de 1788 à 1824 inclusivement, par ordre chronologique... : suivie d'une table alphabétique et raisonnée des matières / par J. B. Duvergier, avocat à la cour royale de Paris. T. 48. P., 1848; T. 57. P., 1857; T. 58. P., 1858; T. 60. P., 1860; T. 63. P., 1863; T. 64. P., 1864.
25. Dareste de La Chavanne R. De la propriété en Algérie: loi du 16 juin 1851, Sénatus-consulte du 22 avril 1863 (2e édition revue, corrigée et mise au courant de la législation actuelle). P.: Challamel aîné: A. Durand, 1864. 288 p.
26. David J. Réflexions et discours sur la propriété chez les Arabes. Bordeaux: impr. de Gounouilhou, 1861.
27. Delord T. Histoire du Second Empire : 1848-1869 / par Taxile Delord. P.: Baillièrre, 1873. T.IV. 595 p.

28. Dépêche télégraphique de Paris, du 9 juillet 1830, à trois heures. Metz: Verronnais, 1830.
29. Derrécagaix V.-B. Le Général de division Cte de Martimprey... / Général Derrécagaix. P.: M. Imhaus et R. Chapelot, 1913. 505 p.
30. Desjobert A. La question d'Alger : politique, colonisation, commerce / par A. Desjobert...P.: P. Dufart, 1837. 343 p.
31. Du Pré de Saint-Maur J. Simple note sur les mesures urgentes à prendre pour répondre aux vœux de l'Algérie (Deuxième édition, annulant la précédente) / présentée par MM. Du Pré de Saint-Maur & Paul Viguier, au nom des colons algériens. P.: Impr. de Brière, 1870. 15 p.
32. Duval J. Réflexions sur la politique de l'empereur en Algérie / par M. Jules Duval. P.: Challamel aîné, 1866. 184 p.
33. Duvernois Cl. La Réorganisation de l'Algérie, lettre à S. A. I. le prince Napoléon / par Clément Duvernois...Alger: Dubos frères, 1858. 398 p.
34. Eichthal G. d' et Urbain I. Lettres sur la race noire et la race blanche. P.: Paulin, 1839. 67 p.
35. Enfantin B.-P. Colonisation de l'Algérie / par Enfantin... P.: P. Bertrand, 1843. 542 p.
36. Esquer G. Reconnaissance des villes, forts et batteries d'Alger / par le chef de bataillon Boutin (1808), suivie des Mémoires sur Alger / par les consuls de Kersey (1791) et Dubois-Thainville (1809). P.: Libr. ancienne Honoré Champion, 1927. 158 p.
37. Estre H. d'. Les conquérants de l'Algérie (1830–1857). Nancy, P.: Berger-Levrault, 1930. 244 p.
38. Estre H. d'. Bourmont: la Chouannerie, les Cent jours, la conquête d'Alger (1773–1846). P.: les petit-fils de Plon et Nourrit, 1934. 283 p.
39. Expédition d'Afrique, armée française, dépêches télégraphiques, Toulon, 23 juillet 1830, à 8 heures du soir. Lyon: impr. De Brunet, 1830.

40. Expédition d'Afrique. Prise d'Alger par l'armée française le 5 juillet 1830 à deux heures après midi. Nouvelles officielles. Clermont-Ferrand: Impr. d'A. Veysset, 1830.
41. Expédition d'Alger. Débarquement de l'armée française à Torra-Chica. Victoire remportée par nos troupes. Lyon: Impr. de Brunet, 1830.
42. Foucher V. Les Bureaux arabes en Algérie / par M. Victor Foucher. P.: Librairie internationale de l'agriculture et de la colonisation, 1858. 51 p.
43. Fourmestraux E. Les idées napoléoniennes en Algérie / par Eug. Fourmestraux. Deuxième édition. P.: Challamel aîné, 1866. 197 p.
44. Gasparin A. La France doit-elle conserver Alger ? / par un auditeur au Conseil d'État [Ag. de Gasparin]. P.: impr. de Béthune et Plon, 1835. 72 p.
45. Gastu F. Le peuple algérien par F. Gastu (ancien député d'Alger). P.: Challamel aîné, 1884. 141 p.
46. Girault A. Principes de colonisation et de législation coloniale / par Arthur Girault, doyen de la Faculté de droit de Poitiers, correspondant de l'Institut. IV. Troisième partie: l'Afrique du Nord. 1. L'Algérie. Cinquième édition, revue et augmentée. P.: Société anonyme du Recueil Sirey, 1926. 466 p.
47. Guizot F. Histoire parlementaire de France: recueil complet des discours prononcés dans les Chambres de 1819 à 1848. Vol. 5 / par M. Guizot. P.: Michel-Lévy frères, 1863–1864. 634 p.
48. Ideville H. d'. Le maréchal Bugeaud, d'après sa correspondance intime et des documents inédits. 1784–1849 / par le Cte H. d'Ideville... P.: Firmin-Didot, 1885. 483 p.
49. Khoja H. Aperçu historique et statistique sur la régence d'Alger, intitulé en arabe Le Miroir. P.: Imprimerie de Goetschy fils et Co., 1833. 489 p.
50. Krémer J.-P. Projet de colonisation de l'Algérie / par J.-P. Krémer... P.: M. Duracq, 1848. 48 p.

51. Lavigerie Ch. Recueil de lettres publiées par Mgr l'archevêque d'Alger [Lavigerie] sur les oeuvres et missions africaines. P.: impr. de H. Plon, 1869. 128 p.
52. Lingay J. La France en Afrique. P.: A la direction du Musée des familles, 1846. 301 p.
53. Malglaive M.de. Marengo (Alger) en 1848. Un directeur de colonie agricole: le capitaine de Malglaive (du Génie). Versailles : Impr. De Aubert, 1909. 19 p.
54. Martin H. Histoire de France depuis 1789 jusqu'à nos jours. P.: Librairie Furne, 1887. T. VI. 2 édition. 556 p.
55. Mémoire au roi et aux Chambres, par les colons de l'Algérie. Publication de la délégation de l'Algérie. (28 mars 1847.) P.: Impr. de Rignoux, 1847. 46 p.
56. Napoléon III. Lettre sur la politique de la France en Algérie: adressée par l'Empereur au maréchal de Mac-Mahon, duc de Magenta, gouverneur général de l'Algérie. [20 juin 1865.]. P.: Imprimerie impériale, 1865. 88 p.
57. Ollivier E. L'Empire libéral: études, récits, souvenirs... / Émile Ollivier. P.:Garnier frères, 1903. T. VII. 664 p.
58. Perrot A.-M. La conquête d'Alger, ou Relation de la campagne d'Afrique, comprenant les motifs de la guerre, les détails des préparatifs de l'expédition et des événements qui ont précédé le débarquement... d'après les documents officiels et particuliers, recueillis... par A.-M. Perrot. P.: H. Langlois fils, 1830. 145 p.
59. Pétition des colons d'Alger à la Chambre des Députés. P.: Impr. de Selligie, 1833. 13 p.
60. Piquet V. La colonisation française dans l'Afrique du Nord. Algérie-Tunisie-Maroc (avec 4 cartes hors texte). Ouvrage couronné par l'Académie française. P.: Librairie armand Colin, 1914. 538 p.
61. Prières pour le succès de l'expédition d'Alger, ordonnées par Mgr l'évêque de Cambrai. Roubaix: Beghin, 1830. 8 p.

62. Procès du capitaine Doineau et de ses coaccusés devant la cour d'Assises d'Oran (aout 1857) / publiée sous la direction de M. Garbe. P.: Librairie internationale de l'agriculture et de colonisation, 1857. 508 p.
63. Procès-verbaux et rapports de la commission d'Afrique instituée par ordonnance du roi du 12 décembre 1833. P.: Impr. royale, 1834. 539 p.
64. Proclamation du Président de la République Appel au Peuple. P.: Imprimerie nationale, 1851.
65. Rapports sur la prise de la ville d'Alger... P.: Gautier, 1830. 20 p.
66. Réflexions sur la prise d'Alger. Marseille: Rouchon, 1830. 14 p.
67. Saint-Félix R.de. Le voyage de S.M. l'Empereur Napoléon III en Algérie et la régence de S.M. l'Imperatrice, mai-juin 1865 / réd. d'après les documents officiels [et] précédé d'une notice historique et suivi de biographies par René de Saint-Félix. P.: E.Pick, 1865. 240 p.
68. Sartor J.-E. De la Naturalisation en Algérie, sénatus-consulte du 5 juillet 1865... Musulmans, Israélites, Européens / par J.-E. Sartor... P.: Retaux frères, 1865. 64 p.
69. Schaler W. Esquisse de l'État d'Alger, considéré sous les rapports politique, historique et civil: contenant un tableau statistique sur la géographie, la population, le gouvernement, les revenus, le commerce, l'agriculture, les arts, les manufactures, les tribus, les moeurs, les usages, les langues, les événemens politiques récents de ce pays / par William Shaler; trad. de l'anglais, et enrichi de notes, par M. X. Bianchi; avec un plan d'Alger, du port, des fortifications, et d'une partie de la rade... communiqués par M. X. B. P.: Ladvocat, 1830. 406 p.
70. Shaw Th. Voyage dans la régence d'Alger, ou Description géographique, physique, philologique, etc. de cet état / par le Dr. Shaw. Traduit de l'anglais... par Mac Carthy... P.: Marlin, 1830. 405 p.
71. Société algérienne, 37, rue Neuve-Vivienne. (29 mai 1848.). P.: Impr. de Chaix, 1848.
72. Teissier O. Napoléon III en Algérie/ par M. Octave Teissier. P.: Challamel aîné librairie, 1865. 326 p.

73. Temimi A. Recherches et documents d'histoire maghrébine: la Tunisie, l'Algérie et la Tripolitaine de 1816 à 1871 / Abdeljelil Temimi. Tunis: Université de Tunis, 1971. 333 p.
74. Tocqueville A. de. De la colonie en Algérie / Alexis de Tocqueville; présentation de Tzvetan Todorov. Bruxelles: Ed. Complexe, 1988.
75. Urbain I. (1861). L'Algérie pour les Algériens. Réédition et préface de Michel Levallois. P.: Séguier Atlantica, 2000. 153 p.
76. Urbain I. (1862). L'Algérie française, indigènes et immigrants. Réédition et préface par Michel Levallois. P.: Séguier Atlantica, 2002. 127 p.
77. Viguié P. À ceux des colons de la province de Constantine qui m'ont honoré du mandat officieux de défendre, à Paris, les intérêts de la colonisation algérienne. P.: Impr. de A. Lainé, 1869.
78. Wahl M. L'Algérie / par Maurice Wahl... P.: Germer Baillière, 1882. 344 p.
79. Warnier A. L'Algérie devant l'Empereur: pour faire suite à "L'Algérie devant le Sénat" et à "L'Algérie devant l'opinion publique" / par le Dr A. Warnier... P.: Challamel aîné, 1865. 328 p.
80. Warnier A. L'Algérie devant l'opinion publique, pour faire suite à "l'Algérie devant le Sénat". Indigènes et immigrants, examen rétrospectif / par le Dr A. Warnier. Alger: Impr. de Molot, 1864. 176 p.
81. Worms M.-G. Recherches sur la constitution de la propriété territoriale dans les pays musulmans, et subsidiairement en Algérie / par M. Worms. P.: A. Franck. 1846. 499 p.

Периодика

82. Вестник Европы. № 3. 1830.
83. Военный журнал. № 2. 1848.
84. Военный журнал. № 3. 1831.
85. Военный сборник. № 5. 1863.

86. Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. Т. 92. № 368. 1851.
87. Москвитянин. № 10. 1842.
88. Сын отечества и Северный архив. Часть 150. № 21. 1832.
89. Journal des débats politiques et littéraires. 1865.
90. Le Constitutionnel, journal politique, littéraire, universel. 1860.
91. Le Moniteur algérien: journal officiel de la colonie. 1852.

Литература

92. Аванесян В. М. Луи-Наполеон Бонапарт - Наполеон III - основатель авторитарной империи во Франции: характерные черты // Личность и общество в историческом процессе: Сборник статей Международной научно-практической конференции, Рязань, 09–10 апреля 2020 года / Под редакцией И.М. Эрлихсон, Ю.В. Савосиной, Ю.И. Лосева. Рязань: Индивидуальный предприниматель Коняхин Александр Викторович, 2020. С. 145–164.
93. Видясова М.Ф. Алжир у трех дорог / М. Ф. Видясова, В. В. Орлов, В. А. Кузнецов. М.: Общество с ограниченной ответственностью "Садра", 2019. 224 с.
94. Вихрова Е. А. Наполеон III -социалист? // Национальная Ассоциация Ученых. 2015. № 3-5(8). С. 165–167.
95. Дьяков Н.Н. Ислам в колониальной политике Франции: от истоков — до Пятой Республики // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12, № 5(103). DOI: 10.18254/S207987840015901-0.
96. Жерлицына Н.А. Восприятие коренным населением французского Алжира ассимиляции как основного метода колонизации (1830–1870 гг.) // Актуальные проблемы изучения и преподавания истории и международных отношений: сборник статей Международной научно-практической конференции, Рязань, 25 апреля 2024 года. Рязань:

- Индивидуальный предприниматель Коняхин Александр Викторович, 2024. С. 213–221.
97. Жерлицына Н.А. Захват Алжира Францией в 1830 г. В оценках европейских авторов XIX века // Манускрипт. 2020. №3. С. 52–56. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zahvat-alzhira-frantsiey-v-1830-g-v-otsenkahevropeyskih-avtorov-xix-veka> (дата обращения: 12.03.2023).
98. Жерлицына Н.А. Идеологические основы французской колониальной политики в странах Магриба в XIX – первой половине XX вв. // Общество: философия, история, культура. 2020. № 4(72). С. 61–64. DOI 10.24158/fik.2020.4.11.
99. Жюльен Ш.-А. История Северной Африки. Тунис. Алжир. Марокко / Пер. с фр. Ф. М. Солодовник; Ред. и предисл. Н. А. Иванова. М.: Изд-во иностр. лит., 1961. – 2 т.
100. История Алжира в новое и новейшее время / Р.Г. Ланда, Е.И. Миронова, Е.Л. Симонов, Н.Г. Хмелева. Ред. А.М. Васильев. Рос. акад. наук, Ин-т Африки. М.: Наука. 1992. 379 с.
101. История Франции: В 3 т. / Ред. коллегия: А. З. Манфред (отв. ред.) [и др.]; [АН СССР. Ин-т всеобщей истории]. М.: Наука, 1973. Т. 2. 663 с.
102. Кошелева Е. А. "Черная легенда" о Наполеоне III // Клио. 2003. № 4(23). С. 101–109.
103. Кузнецов В.А., Василенко А.И. Читая медленно Стора: проблемы исторической памяти в алжиро-французских отношениях в начале 2020-х годов // Международная аналитика. 2023. 14(2). Р. 73–96. DOI: <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-2-73-96>.
104. Лазутина А.Е. Идеолог французского колониализма Алексис де Токвиль об алжирском вопросе (1830–1848) // Манускрипт. 2024. Том. 17. Выпуск. 3. С. 390–396. DOI: <https://doi.org/10.30853/mns20240055>.
105. Лазутина А.Е. К вопросу о начале завоевания Алжира Францией. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 5. С. 27–31.

106. Лазутина А.Е. Первое путешествие Наполеона III в Алжир // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 11. С. 41–44.
107. Лазутина А.Е. Роль Исмаила Урбена во франко-алжирских отношениях. // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2015. № 1(17). С. 98–106.
108. Ланда Р.Г. Борьба алжирского народа против европейской колонизации (1830–1918). М.: Наука, 1976. 307 с.
109. Машкин М.Н. Французские социалисты и демократы и колониальный вопрос 1830–1871 / М. Н. Машкин. М.: Наука, 1981. 318 с.
110. Мирзеханов В. С. Колониальное право: реализация идей превосходства в юридических системах колониальных империй // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2024. Т. 15. Выпуск 10 (144). DOI: 10.18254/S207987840033001-0.
111. Мирзеханов В.С. Идеология колонизации: метаморфозы колониального вопроса в политической философии Алексиса де Токвиля // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Выпуск 4 (114). DOI: 10.18254/S207987840021057-1.
112. Мирзеханов В.С. Идея превосходства и расовая иерархия во французской колониальной культуре // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. Т. 5. Выпуск 4 (27). URL: <https://history.jes.su/s207987840000720-1-1/> (дата обращения: 20.05.2024).
113. Оганисьян Ю.С. Абд-аль-Кадир. М.: Молодая гвардия, 1968. 176 с.
114. Орлов В.В., Сапронова М.А. «Колониальное наследие» в алжиро-французских отношениях: проклятие прошлого или надежда на будущее? // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. № 12-1(98). С. 11. DOI 10.18254/S207987840010457-1.
115. Панченкова М.Т. Политика Франции на Ближнем Востоке и Сирийская экспедиция 1860–1861 гг. / М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР. Моск. гос. ист.-архивный ин-т. М.: Наука, 1966. 270 с.
116. Поспелова Н.Г. Алжир: Экон.-полит. очерк. М.: Соцэкгиз, 1959. 106 с.

117. Прусская Е.А. Проекты колонизации Алжира в период французской оккупации (1830–1834 годы) // Новая и Новейшая история. 2021. Выпуск 6. С. 31–43. [Электронный ресурс] URL: <https://nni.jes.su/s013038640017169-3-1/> (дата обращения: 10.09.2023).
118. Смирнов А.Ю. Империя Наполеона III. М.: Эксмо, 2003. 283 с.
119. Таньшина Н.П. Алексис де Токвиль и завоевание Францией Алжира: антропология войны и мира // Французский ежегодник. 2024. Т. 57. С. 275–299.
120. Таньшина Н.П. Завоевание Алжира и политическая полемика во Франции в 40-е годы XIX века // Восточный архив. 2004. № 11-12. С. 53–58.
121. Таньшина Н.П. Принц на войне: герцог Орлеанский и завоевание Францией Алжира в годы Июльской монархии // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14, № 1(123).
122. Уварова М. Коронованная демократия. Франция и реформы Наполеона III в 1860-е гг. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. 249 с.
123. Фурсов К.А. Аграрные реформы колониальных империй в афро-азиатском мире: общее и особенное // Экономические реформы в России и за рубежом: Сборник статей. Москва: Институт экономики Российской академии наук. 2014. Выпуск 3. С. 56–89.
124. Хмелева Н.Г. Государство Абд аль-Кадира алжирского / АН СССР. Ин-т Африки. М.: Наука, 1973. 126 с.
125. Черкасов П.П. Маршал Мак-Магон // Новая и Новейшая история. 2018. Выпуск 5. С. 198–211. URL: <https://nni.jes.su/s013038640001430-1-1/> (дата обращения: 20.09.2023).
126. Черкасов П.П. Наполеон III – император французов // Новая и Новейшая история. 2012. Выпуск 3. С. 197–216.
127. Чиняков М. К. Генерал Клозель в Алжире (1830–1831): основные направления его деятельности // Наука. Общество. Оборона. 2023. Т. 11, № 4(37). С. 44.

128. Эгрето М. Алжирская нация существует. Пер. с франц. М.: Изд-во Ин-та востоковедения, 1958. 189 с.
129. Ageron Ch.-R. «L'Algérie algérienne» de Napoléon III à de Gaulle. P.: Sindbad, 1980. 254 p.
130. Ageron Ch.-R. Abd el-Kader souverain d'un royaume arabe d'Orient// Revue de l'Occident musulman et de la Méditerranée, 1970. №8. P. 15–30.
131. Ageron Ch.-R. De «l'Algérie française» à l'Algérie algérienne. Saint-Denis: Éditions Bouchène, 2005. – 2 vol.
132. Ageron Ch.-R. Histoire de l'Algérie contemporaine: 1830–1976. P.: Presses universitaires de France , 1977. 127 p.
133. Ageron Ch.-R. Politiques coloniales au Maghreb. P.: Presses universitaires de France, 1972. 291 p.
134. Anceau E. Napoleon III, un Saint-Simon à cheval. P.: Tallandier, 2008. 752 p.
135. Arboit G. Aux sources de la politique arabe de la France: Le Second Empire au Machrek / Gérald Arboit; Préf. de Jacques Frémeaux. P.[etc.]: L'Harmattan, 2000. 336 p.
136. Ben Hounet Y. « Des tribus en Algérie ? A propos de la déstructuration tribale durant la période coloniale » // Cahiers de la Méditerranée. 2007. Tome 75. P. 150–171.
137. Blais. H. «Qu'est-ce qu'Alger ?» : le débat colonial sous la monarchie de Juillet » // Romantisme. 2008. Vol. 139. №1. P. 19–32.
138. Boukechour M. S. Le rapport de Vincent-Yves Boutin sur la régence d'Alger. Pour une nouvelle réflexion sur l'histoire de l'Algérie coloniale. // Arts, Civilisation et Histoire de l'Europe. 2017. 10. P. 119–131
139. Emerit M. La Révolution de 1848 en Algérie: mélanges d'histoire / par Pierre Boyer [et al.]. P.: Larose, 1949.
140. Emerit M. Les saint-simoniens en Algérie. Paris: Société d'édition Les Belles Lettres, Publications de la Faculté des lettres d'Alger, 1941. II série. T. XV. 351 p.

141. Estailleur-Chanteraine Ph. d'. L'Émir magnanime Abd-El-Kader, le Croyant / Philippe d'Estailleur- Chanteraine. P.: Fayard, 1959. 219 p.
142. Foudil D. FRENCH MEMORICIDES IN ALGERIA: A STUDY ON SOCIALIZATION INSTITUTIONS // International Journal of Research - GRANTHAALAYAH. 2020. 8(7). P. 340–353. DOI: <https://doi.org/10.29121/granthaalayah.v8.i7.2020.729>.
143. Grimal H. Annie Rey-Goldzeiguer, Le Royaume Arabe. La politique algérienne de III, 1861-1870. // Revue d'histoire moderne et contemporaine. Tome 28. N°2, Avril-juin 1981.
144. Henry J.-R. De l'utopie du «royaume arabe» à la chimère d'une Algérie «européenne» // Études françaises. 2021. 57(1). P. 102–108. DOI: <https://doi.org/10.7202/1076118ar>.
145. Histoire de l'Algérie à la période coloniale 1830–1962. Bouchène A., Peyroulou J.-P., Tengour O. S., Thénault S. (dir.). P. – Alger: La Découverte, Barzakh, 2012. 717 p.
146. Julien Ch.-A. Histoire de l'Algérie contemporaine. T. 1: La conquête et les débuts de la colonisation (1827–1871). P.: Presses universitaires de France, 1979. 632 p.
147. Kateb K. Européens, indigènes et juifs en Algérie, 1830–1962: représentations et réalités des populations. P.: Éditions de l'Institut national d'études démographiques, 2001. 386 p.
148. Kateb K. La gestion statistique des populations dans l'empire colonial français [Le cas de l'Algérie, 1830-1960] // Histoire & Mesure, 1998. Vol. 13. № 1-2. P. 77–111. DOI : <https://doi.org/10.3406/hism.1998.892>.
149. Levallois A. Les écrits autobiographiques d'Ismaïl Urbain. Homme de couleur, saint-simonien et musulman (1812–1884). P.: Maisonneuve & Larose, 2005. 195 p.
150. Levallois M. Ismaïl Urbain (1812–1884). Une autre conquête de l'Algérie. P.: Maisonneuve & Larose, 2001. 650 p.

151. Levallois M. *Ismaïl Urbain. Royaume arabe ou Algérie franco-musulmane? 1848–1870*. P.: Riveneuve éditions, 2012. 872 p.
152. Milza P. *Napoléon III*. P.: Perrin, 2004. 706 p.
153. Monciaud D. Le «rapport Stora»: un premier débat sur les enjeux mémoriels » // *Cahiers d'histoire. Revue d'histoire critique*. 2021. № 149. URL: <http://journals.openedition.org/chrhc/16509> (дата обращения: 19.06.2023).
154. Murray-Miller G. A Conflicted Sense of Nationality: Napoleon III's Arab Kingdom and the Paradoxes of French Multiculturalism // *French Colonial History*. 2014. 15(1). P. 1–37. DOI:10.14321/frencolohist.15.2014.0001.
155. Murray-Miller G. Bonapartism in Algeria: Empire and sovereignty before the third republic // *French History*, 2018. 32 (2). P. 249–270. DOI: 10.1093/fh/cry005.
156. Mussard Ch. La commune mixte, espace d'une rencontre? // *Histoire de l'Algérie à la période coloniale 1830–1962*. Bouchène A., Peyroulou J.-P., Tengour O. S., Thénault S. (dir.). P. – Alger: La Découverte, Barzakh, 2012. P. 278–281
157. Nouschi A. *Enquête sur le niveau de vie des populations rurales constantinoises. De la conquête jusqu'en 1919, sous la direction de Nouschi André*. P.: Éditions Bouchène, 2013. 768 p.
158. Peyroulou J., Tengour O., Thénault S. 1830–1880: la conquête coloniale et la résistance des Algériens // *Histoire de l'Algérie à la période coloniale 1830–1962*. Bouchène A., Peyroulou J.-P., Tengour O. S., Thénault S. (dir.). P. – Alger: La Découverte, Barzakh, 2012. P. 17–44.
159. Pillorget R. Les deux voyages de Napoléon III en Algérie (1860 et 1865) // *Revue du Souvenir Napoléonien*. 1989. №363. P. 30–36. URL: <https://www.napoleon.org/histoire-des-2-empires/articles/les-deux-voyages-de-napoleon-iii-en-algerie-1860-et-1865/> (дата обращения: 18.09.2021).
160. Rahem K. *Le sillage de la tribu: imaginaires politiques et histoire en Algérie, 1843–1993*. P.: Riveneuve, 2008. 457 p.

161. Régnier Ph. Ismaïl Urbain, Voyage d'Orient, suivi de Poèmes de Ménilmontant et d'Égypte. P.: L'Harmattan, 1993. 396 p.
162. Reuillard M. Les Saint-simoniens et la tentation coloniale: Les explorations africaines et le gouvernement néo-calédonien de Charles Guillain (1808–1875). P.: L'Harmattan, 1995. 580 p.
163. Rey-Goldzeiguer A. Le royaume arabe : la politique algérienne de Napoleon III, 1861–1870. Alger :Societe Nationale d'Edition et de Diffusion, 1977. 814 p.
164. Sahli M.-Ch. Décoloniser l'histoire: Introduction à l'histoire du Maghreb. Algiers: Éditions ANEP, 2007. 139 p.
165. Serval P. Le maréchal de Bourmont, Alger fut à lui / par Pierre Serval. P.: Calmann-Lévy, 1965. 313 p.
166. Sessions J.E. By Sword and Plow. France and the Conquest of Algeria. Ithaca: Cornell University Press, 2011. 365 p.
167. Spillmann G. Le Royaume arabe d'Algérie // Revue du Souvenir Napoléonien. 1972. №266. P. 15–19. URL: <https://www.napoleon.org/histoire-des-2-empires/articles/le-royaume-arabe-d-algerie/> (дата обращения: 18.09.2023).
168. Spillmann G. Napoléon III et le royaume arabe d'Algérie / par le général Georges Spillmann. P.: Académie des sciences d'outre-mer, 1975. 118 p.
169. Stora B. Les questions mémorielles portant sur la colonisation et la guerre d'Algérie. 20 janvier 2021 // Vie-publique.fr. URL: <https://www.vie-publique.fr/rapport/278186-rapport-stora-memoire-sur-la-colonisation-et-la-guerre-dalgerie> (дата обращения: 19.06.2023).
170. Todd D. A velvet empire: French informal imperialism in the nineteenth century. Princeton: Princeton University Press, 2021. 350 p.
171. Vigoureux C. « Napoléon III et Abd-el-Kader » // Napoleonica. La Revue. 2009. Vol. 4. №1. P. 111–143. DOI:10.3917/napo.091.0007.
172. Weil P. Le statut des musulmans en Algérie coloniale. Une nationalité française dénaturée // Histoire de la justice. 2005. Vol. 16. № 1.
173. Yacono X. «Peut-on évaluer la population de l'Algérie vers 1830 // Revue africaine, Alger, 1954. Vol. 98, № 440–441.

174. Yacono X. Histoire de l'Algérie: de la fin de la Régence turque à l'insurrection de 1954. Versailles: Ed. De l'Atlantique, 1993. 396 p.

Диссертации

175. Аванесян В.М. Империя Наполеона III: Парламент и колон. политика: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.03. М., 1996. 454 с.
176. Жерлицына Н.А. Роль стран Магриба (Алжира, Туниса, Триполитании и Марокко) в соперничестве России с европейскими империями в конце XVIII – начале XX веков: диссертация ... доктора исторических наук: 5.6.7. М., 2023. 611 с.
177. Таньшина Н.П. Политическая борьба во Франции по вопросам внешней политики в годы Июльской монархии: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.03. М., 2005. 515 с.